

Александр
Булан

ЖАЖДА КРОВИ

Люди безрассудно приняли наследие древней цивилизации Птумеру и повторили её ошибки. Так на них пало проклятие, погубившее птумерианцев. Для борьбы с его проявлениями Церковь Исцеления, организация, занимающаяся исследованием и использованием наследия погибшей цивилизации, создала охотников. Благодаря изменённым тайной силой крови бойцам Церкви в течение многих лет удавалось сохранять тёмную сторону своих чудодейственных лекарств в тайне. Но долго ли продлится мнимое спокойствие?

Александр Владимирович Булан

Жажда Крови

Вопиющая некомпетентность

Светало. Падающие с неба лёгкие снежинки отплясывали задорный танец в лучах восходящего солнца, пробивающихся между стволами голых деревьев. Зимний лес просыпался неохотно, будто желая дремать дальше в свете холодных звёзд.

Мороз сердито щипал за щеки легко одетых людей. Уставшие от пути по каменистому бездорожью лошади раздражённо фыркали. Сонные солдаты расставляли шатры, морщась от нетерпеливых окриков командиров. Учёные Церкви Исцеления разбирали из ящиков какие-то непонятные для непосвящённых инструменты и пробирки.

Церковь Исцеления, могущественная организация, использующая особенную лечебную кровь для исцеления болезней, занималась не только медициной. Огромные средства шли на продолжение исследований, что сделали возможным само существование организации.

Переливание зачарованной крови называли кровослужением. На кровослужении, за которое десятки тысяч людей готовы платить большие деньги, стояло влияние и богатство Церкви. Не все знали, что кровослужение изобрели благодаря находкам в подземном лабиринте Птумеру.

Подземные города возвела раса птумериан десятки, а может и сотни тысяч лет назад. Ещё до появления человечества эти создания правили планетой. Но к моменту возникновения первого людского государства они канули в забвение. Сейчас лишь полуразрушенные сокровищницы и выродившиеся племена в глухих уголках мира напоминали о когда-то величественной цивилизации.

В ещё не исследованных птумерианских лабиринтах оставалось много ценного для Церкви.

Четверо охотников стояли в стороне от суматохи.

— Вопиющий непрофессионализм, — мрачно заметил Герман, знаменитый основатель охотничьей Мастерской. Мастерская стала первым местом, где обучали охотников. До организации Церковной мастерской на Германе лежала вся ответственность по борьбе с худшими последствиями неудачных кровослужений.

— Что эти дураки в очередной раз натворили?! — рыкнул Валлар. Валлар являлся одним из двух квалифицированных специалистов по тайным силам среди охотников Мастерской. Валлара многие недолго любили. Главным образом, из-за грубого и вспыльчивого нрава. Огромный, с крупными чертами лица, он часто пугал неподготовленных людей. Но товарищи знали его как верного друга и надёжного союзника.

Проходивший мимо солдатик испуганно вытаращил глаза на здоровяка, услышав громовой бас.

Мария зло усмехнулась.

— Всё как обычно.

Мария Браге стала одной из первых среди тех, кто пошёл за Германом, и первой женщиной среди охотников. Несмотря на высокое происхождение, она понимала, что титулы и родословная здесь не значат ничего. В отличие от большинства аристократов, пыжащихся родством с королями и герцогами, Мария держалась скромно и с достоинством. Она родилась неподалёку от Ярнама, в замке Кейнхёрст. Но родители девушки покинули Ярнамское королевство вскоре после её рождения.

Решив поступить в Бюргенверт, она вернулась на родину. Уже после окончания

университета Марию нашёл Герман.

— Не как обычно. Снаряжения для скалолазания попросту нет, — выдохнул Герман.

— Лоуренс хочет, чтобы мы угробились?! — возмутился Валлар.

— Я правильно понимаю, что теперь придётся идти к гробнице длинной дорогой? — сделала вывод Мария.

— Ты всё правильно понимаешь, Мария, — ответил Герман. — Но не вижу причин слишком уж волноваться. В конце концов, одних только охотников здесь тринадцать человек. Плюс солдаты.

— Мариус примерно то же самое говорил, — отрезал Валлар. — Потом ошметки его мозгов украсили пол, а я собирал свои кишки.

— Заткнись, — отнёс возражения командир охотников. — Путь через штольню ненамного лучше.

Валлар сердито зыркнул на Германа, замолчал и начал деловито изучать содержимое карманов. Показалось странное образование, похожее на стеклянную улитку размером с ладонь. Затем из металлического футляра показался человеческий глаз с голубоватым огоньком в зрачке.

— Герман, помнишь, мы обсуждали гипотезу о непостоянной планировке лабиринта? — поделилась охотница причиной своей тревоги.

— Ерундовая гипотеза, — неожиданно встрял ранее молчавший охотник в неуместно щёгольской шляпе. Невысокий и худенький, с аккуратными усиками и тонкими чертами лица, он походил на чиновника-тихоню. Однако, необычайно ловкий и умелый, он заслуженно носил звание одного из лучших охотников.

— Почему, Валентайн? — потребовала объяснения Мария. — Специально помеченные туннели позже оказывались в другом месте. Как объяснить иначе?

— Лабиринт действует на психику, — высказал альтернативу охотник. — Мы путаемся и принимаем новые туннели за старые. Вполне возможно, что это мера безопасности бывших хозяев лабиринта.

— Я немного разбираюсь в тайных материях, — возразила охотница. — О Валларе я промолчу. Нет в лабиринте иллюзий.

— Ну-ну, — скептически бросил Валентайн и замолчал, уставившись в небо.

* * *

Из-за наспех установленного шатра вышли трое и решительно направились к Герману.

Один из троицы вызывал оторопь. Одетый в дорогой плащ с растительным орнаментом мужчина нёс огромное колесо с ручкой.

— Чем обязан, Ференц? — поприветствовал командир охотников одного из пришедших.

— Новое распоряжение от Людвига, — отчеканил тёмноволосый мужчина с серебряной серьгой в левом ухе. Любитель украшений являлся одним из заместителей Лоуренса, главы Церкви. — К каждой группе добавляется по охотнику.

— В этом нет необходимости, — не согласился Герман.

— Поступил приказ увеличить число поисковых отрядов. На каждую группу остаётся меньше солдат, — объяснил он. — Компенсируем охотниками.

Валлар отвернулся и что-то неразборчиво пробурчал. Валентайн нахально улыбнулся.

— Брат Джоул, — тёмноволосый кивнул на владельца колеса, — теперь под командованием леди Марии.

— Это обязательно? — неожиданно воспротивился Герман.

— Обязательно! Таков приказ!

— Так и сказано, что брат Джоул идёт в отряде Марии? — спросил он и, понизив голос, поинтересовался: — Ференц, а нельзя ли поставить кого-нибудь другого?

— Герман, хватит. Мне плевать на ваши интриги, — отрезал тёмноволосый. — Пожалуйся потом Людвигу, если хочешь.

Ференц и его спутник развернулись и покинули охотников. Брат Джоул поклонился Марии и Герману. В небрежном жесте охотнице почудилась издёвка.

— Я в вашем распоряжении, леди Мария, — елеиным голосом произнёс он. Валлар смерил Джоула презрительным взглядом.

* * *

Спуск в лабиринт задерживался. Солдаты не нашли ещё всего необходимого снаряжения. Рассерженный Ференц громко отчитывал командира одного из отрядов. Небо затянуло облаками. Снегопад усилился.

Герман осторожно взял Марию за запястье.

— Отойдём на минутку? — прошептал он. — Разговор есть.

Герман вывел охотницу из лагеря. Огляделся по сторонам. Убедившись, что посторонних нет, он удовлетворённо кивнул.

— Не спускай глаз с Джоула, — мрачно сказал охотник. — Не хочу, чтобы тебе подстроили несчастный случай.

Мария поражённо уставилась на Германа.

— Зачем ему убивать меня? — удивилась она.

— Он ученик мастера Логариуса, как ты знаешь, — ответил Герман. — А ты из Кейнхёрста.

— Неужели они осмелятся? Лоуренс запретил им даже думать о мятеже против королевы, — не поверила девушка.

— Дорогая моя Мария, — прошептал охотник. — Королева Церкви как кость поперёк горла. Пока Лоуренс в фаворе. Но уже слышны голоса тех, кто считает его слишком мягким и нерешительным. Логариус из тех, кто хочет Церкви всю полноту власти. А ты родственница королевы и работаешь на Церковь. Тебе перелили ту же кровь, что и королевским приближенным. Как думаешь, кто ты в глазах сторонников низвержения правящего рода?

— Опасный двойной агент, — ответила охотница. — Я буду настороже.

Подумав о возможной схватке с братом Джоулом, Мария ощутила в сердце тёмную радость. Разнообразие жертв вдохновляло. Чистая, освежающая кровь ученика Логариуса могла стать отличным дополнением к крови тварей из лабиринта.

Испугавшись саму себя, девушка усилием воли подавила кровавую жажду. Нужно оставаться человеком. Кровь, что вливали жителям старого замка, гарантировала защиту от физического превращения в чудовище за счёт неизбежной деформации психики. Твоё тело никогда не исказится, сколько бы ты ни убивал и сколько бы ни прикасался к скверне. Но ты

станешь кровопийцей в человеческом обличье.

Сохранять в себе душевное благородство и не опускаться до сладострастного упоения кровопролитием невероятно тяжело. Марии это стоило выматывающей ежедневной борьбы. Но отдаваться своей тёмной стороне она не собиралась.

* * *

Вернувшись в лагерь, Герман подобрался к Ференцу, чудом избежав столкновения с выскочившим из шатра солдатом.

— Ференц, когда спускаемся?

— Солдаты ещё не готовы, — покачал он головой. — Из-за перераспределения охраны никто не может разобраться, кому что брать.

— Вопиющая некомпетентность, — пробурчал Герман.

Представительница Хора в элегантном белом одеянии стояла перед воротами лабиринта. Кругом торчали сухие стебли прошлогодней травы. Чуть поодаль валялись стволы поваленных деревьев.

Хор состоял из правящей верхушки Церкви Исцеления и занимался наиболее тайными и пугающими исследованиями. Он размещался в Верхнем Соборном округе. Допускались туда лишь самые доверенные лица. Марии довелось побывать там всего раз. Ходили слухи, что многие члены Хора уже давно лишились человеческого облика и никогда не покидают своего строго охраняемого убежища. Предполагали даже, что под дворцом Хора содержится могущественное существо родом из иной галактики. Охотница знала достаточно, чтобы серьёзно относиться к таким слухам.

Крупными хлопьями валил снег. Белые мухи так и норовили залететь в глаза.

Мария почувствовала чью-то руку на плече. Обернувшись, она увидела Германа.

— Пусть хорошая кровь укажет тебе путь, — пожелал он удачи.

— И тебе, — улыбнулась охотница.

Хористка тем временем вынула из украшенного золотым орнаментом сундука массивную латунную чашу. Поставив её на камень около входа, она откупорила флакон с ритуальной кровью. Жидкость пролилась в сосуд.

Затем женщина бросила в кровь непонятный склизкий предмет, похожий на больной орган.

— Леди Мария, что там у неё? — любопытствовал невысокий солдат с ружьём.

— Не знаю. Может быть, чей-то глаз, — спокойно ответила она.

Хористка встала на колени перед воротами. До Марии донеслись слова: «...да станет кровь пищей Вам... да пробудятся Великие...»

Со стороны стоящей на коленях женщины ударила волна нестерпимой космической стужи. Рядом тихо всхлипнул солдатик. Мария ощутила, как сердце сжало ледяное щупальце иррационального ужаса.

Наваждение спало так же быстро, как и пришло. Ворота медленно открыли свой чёрный зев. Хористка встала на ноги.

— Начинаем! — скомандовала она и примкнула к отряду Германа.

Воззвание к потусторонним силам не прошло даром для боевого духа солдат. Сзади грязно выругались. В соседней группе сипло вскрикнул один из бойцов. Но учёные почти все до единого сохранили хладнокровие.

Один за другим группы исследователей под защитой охотников и солдат исчезали в пасти туннеля. Мария внимательно оглядела свой отряд. Трое охотников: она, Джоул и новичок Гисберт. Восемь солдат под предводительством капрала Грубера, знакомого ей по прошлым вылазкам в птумерианские лабиринты. Пятеро учёных Церкви под их общей защитой.

Всё отлично. Если бы не брат Джоул.

— Что-то боязно мне, — пролепетал Гисберт и стиснул свой саиф^[1].

Отработанным движением охотница проверила оружие и снаряжение. Верный обоюдоострый клинок, элегантный и бритвенно острый Ракуйо^[2], с ней. Пистолет заряжен. Боезапас полон. Пузырьки с кровью. Фонарь. Всё на месте.

— Вперёд, — приказала охотница и нырнула во мрак подземелья.

* * *

Темнота скоро закончилась. В самых близких к поверхности туннелях и залах восстановили освещение. Высокий сводчатый зал неподалёку от входа служил местом сбора после окончания поисков. Непроглядный мрак царил на нижних уровнях древнего подземелья: там, куда не доставали световые колодцы и отсутствовали иные источники света.

— Зажигаем фонари и факелы, — сказала охотница.

Двое солдат зажгли керосиновые лампы. Один из учёных достал жезл со светящейся сферой на конце. «Пленённая звезда», поняла Мария. Сама она пользовалась закрепляемой на поясе миниатюрной лампочкой. Валлар долго учил её ориентироваться без помощи зрения. Но охотница пока не хотела в настоящей боевой ситуации полагаться на неестественные для человека чувства. Удивил брат Джоул. Он привычным движением завязал глаза полоской чёрной ткани.

— Не разбредаемся, движемся кучно, бдительности не теряем, о любых странностях сообщаем, — произнесла Мария привычную фразу.

Джоул криво усмехнулся.

— Брат Джоул, будете прокладывать путь. Вперёд, — с лёгкой ехидцей бросила она. К удивлению, мужчина послушался.

Сверившись с картой, Мария повела отряд прочь от относительно безопасного и уютного холла.

Птумерианские лабиринты — коварное место. Коридоры, галереи и залы похожи один на другой. Чем больше ты оставил их позади, тем труднее определить, ходишь по кругу или движешься вперёд. Руины кажутся безопасными. Мрак и тишина усыпляют внимание. Не поддаваться обманчивому первому впечатлению смерти подобно. Подземная тьма скрывает поистине ужасающих тварей, рыщущих в поисках жертв. Сам по себе лабиринт опасен: хитроумные ловушки погубили не один десяток дерзких исследователей.

Но это не всё. Через некоторое время подземелье начинает действовать на психику. Путников охватывают внезапные приступы беспричинного страха. Даже встреча с обычной крысой-переростком может спровоцировать у неподготовленных неконтролируемую панику.

После вспышки ужаса накатывает свинцовое уныние. Хочется лечь, закрыть глаза и не двигаться, вслушиваясь в призрачный шёпот из тьмы. Однажды Мария видела, как обычно бесстрашный и несокрушимый духом боец буквально на глазах превратился в безвольное тело под действием иссушающих чар лабиринта. Еле вытащили бедолагу...

Кто-то же, оказавшись здесь, наоборот начинал вести себя неуместно весело и безрассудно. Такие люди без причин заливались диким хохотом, болтали без умолку и могли не обращать внимания на бегущую прямо к ним тварь.

* * *

Отряд преодолел несколько пустынных, полуобвалившихся коридоров и спустился на

уровень ниже по растрескавшейся от подземной сырости лестнице. Под ногами влажно хлюпало. Тусклый свет ламп выхватывал из темноты то покрытые омерзительной слизью стены, то ненадёжный осыпающийся потолок. По правде говоря, на этом участке маршрута Мария боялась обвала больше, чем всех местных чудовищ вместе взятых.

— Здесь не стрелять. Угроза обвала, — вполголоса сказала охотница.

Пока вылазка шла на удивление спокойно. Единственное встреченное живое существо — крохотный и безобидный могильный жук. Глухая тишина начинала угнетать. Лучше уж постоянный сварливый писк и топот гигантских крыс в смежных туннелях. Точно знаешь, чего бояться. Понимаешь, что рядом нет ничего страшнее крыс.

Крысы — главный признак относительной безопасности.

Один из учёных невовремя заинтересовался слизью на стенах.

— Я должен взять образец. Может, это продукты жизнедеятельности нового вида зловонного мха, — попросил он.

— Давай, только быстрее, — разрешила Мария.

Учёный подошел к стене и начал возиться в своих вещах. Охотница смерила увлечённого исследователя недовольным взглядом. В другой ситуации она бы поняла его. Ей самой любопытство не чуждо. Но здесь не хотелось задерживаться. Осыпающийся потолок заставлял нервничать.

Джоул пока вёл себя подозрительно тихо. Беспрекословно выполнял приказы. Послушно шёл впереди всех. Слишком смирён и покладист. Усыпляет бдительность?

Тревожило, что, несмотря на наглазную повязку, Джоул даже не споткнулся ни разу. Явно в сверхъестественном чутье ей сто очков вперёд даст, подумала Мария. И оружие. Нелепое колесо — несомненно оружие. А как это оружие действует, какие приёмы для него существуют, ей не известно. Нужно не спускать глаз с Джоула, решила охотница. Если на них нападут, ей надо обратить внимание, как хозяин колеса будет действовать.

Наконец учёный закончил со слизью. Солдат слева от Гисберта облегчённо вздохнул.

— Идём дальше, — скомандовала Мария.

Наконец ненадёжный туннель остался позади, и они вступили в длинный зал с ровными рядами квадратных колонн. Гисберт начал насвистывать весёлую песенку, но быстро заткнулся под неодобрительными взглядами товарищей.

Мария удручённо осознала, что придётся присматривать и за новичком. Вторая подземная вылазка для него. Мало ли что может случиться. Боец он хороший, но в лабиринте уметь сражаться недостаточно.

Вершины могучих опор уходили во мрак. Темнота казалась густой, осязаемой массой.

Из неосвещённого угла донеслось тихое пощёлкивание. Гисберт без разрешения сделал шаг в сторону звука.

— Внимание, — предупредила охотница. — Гисберт, назад.

Церковный учёный с жезлом собрал свет в узкий луч и направил в злополучный угол. Звук мгновенно стих. Свет не открыл ничего подозрительного.

Отряд давно миновал зал, где из темноты доносились странные щелчки. Никто так и не понял, с чем столкнулась группа. Лабиринт полон необъяснимых событий. Мимо некоторых вещей лучше просто пройти.

По-прежнему настораживало отсутствие крыс. Пару раз Мария чувствовала их присутствие. Но умные зверьки надёжно прятались в своих норах.

Тревожно. Если крысы прячутся, значит, поблизости что-то намного более страшное. Неопишуемая чудовищная тварь? Иной смертоносный феномен?

Даже Джоул начал нервничать. Мария заметила, как предполагаемый недоброжелатель коснулся наглазной повязки. Когда начинаешь бояться, использовать сверхъестественное чутьё становится сложнее.

Гисберт, наоборот, с каждым поворотом вёл себя развязнее и беззаботнее. Марии пришлось строго отчитать потерявшего самообладание новичка.

— А ничего так, ничего. Милый подвальчик. Света мало только. Ничего, можно газ провести, — балаболит тот. — Леди Мария, у вас какой рост? Моя тётя была почти такой же высокой, как вы, и однажды отец сказал ей, что...

— Гисберт! Мы не на прогулке, — ледяным тоном отчеканила охотница. — Выговор ты уже заработал.

Суровый тон и угроза наказания на время привели новичка в чувство. Он замолчал и стал внимательнее смотреть по сторонам.

Идущий впереди Джоул дал всем знак остановиться. Впереди лежал обезображенный труп. Гигантскую крысу в нём удалось распознать не сразу — так сильно он оказался изломан и изуродован. Мария шагнула к телу зверька.

Лишённые шерсти останки обожжены так, будто побывали в сильной кислоте. Кожа грызуна зияла множеством отверстий и надрезов. Словно крысу проткнули тысячей игл. Рядом с ужасной находкой влажно блестели лужи мерзкой бурой слизи.

Девушка почувствовала, как сердце ушло в пятки.

— Кроволот, — выдохнула она. — Совсем недавно.

— Не наступайте на слизь, если сапоги дороги, — мрачно бросил Грубер одному из солдат, сунувшемуся к бурой луже.

— Пощади небо наши души, — пробормотал другой солдат.

Джоул достал из кармана предмет похожий на рогатого слизня из разноцветного стекла. «Зов вовне», удивилась Мария. Может, и поможет, если уйти не успеют. Но где ученик Логариуса взял артефакт, не выходящий за пределы Хора? Вряд ли такое могло произойти без ведома самого Логариуса. Но времени на размышления о тайных недругах не оставалось.

Кроволоты считались одними из самых опасных тварей среди обитающих в птумерианских подземельях. Невероятно быстрые, сильные, живучие и ядовитые. Их когти не уступали в прочности и остроте солдатским саблям. Яд действовал даже на охотников, защищённых от большинства обычных токсинов. Скорость не оставляла жертве шансов спастись бегством.

— Мы должны покинуть это место, — пугающе отстранённым голосом произнёс один из учёных. — Хищник приближается.

Необходимо срочно принять решение, поняла Мария. Можно спешно двигаться вперёд

по маршруту, надеясь, что монстр не станет преследовать. Есть шанс избежать смертельно опасной схватки. Но появится риск получить удар с тыла в неподходящий момент. Кровоглот не тот противник, о котором стоит забывать.

Согласно карте, неподалёку располагалась просторная сокровищница. Всё ценное давно вынесли, но помещение удобно для обороны. Кровоглоты обладают непревзойдённым чутьём на жертв и не упускают добычи. Наивно думать, что прожорливая тварь не обнаружила их, находясь поблизости.

Занять оборону в сокровищнице и убить чудовище — единственный выход. Главное, чтобы сама сокровищница не оказалась домом для какой-нибудь твари. Игра стоит свеч.

— Быстрее! До конца коридора и наверх, — сделала выбор Мария. — Будем отбиваться.

К счастью, сокровищница оказалась пуста, если не считать ещё два обезображенных крысиных трупа. Помещение изобиловало массивными колоннами. По стенам стояли огромные открытые саркофаги. Препятствия могли помочь в борьбе с кровоглотом: здоровенной твари будет тесно. Кроме саркофагов, в сокровищнице остались уродливые статуи неведомых существ, поражающие своей гротескностью. Но у Марии сейчас не оставалось времени на любование птумерианской скульптурой.

— Грубер, бери ребят и становись у дальней стены, ружья наготове, — скомандовала девушка. — Гисберт, мы с тобой у правой стены от входа. Приготовь зажигательную смесь^[3].

Бледный, как пещерная рыба, новичок выхватил объёмистую бутылку и метнулся к треснувшему саркофагу.

— Джоул, не прячь «Зов», встань напротив входа и стреляй сразу, как выстрелит Грубер.

Слишком рискованно сразу использовать артефакт. Вспышка может временно ослепить солдат после долгого пребывания в полумраке. И тогда ружейный залп пройдёт мимо цели.

Мария намеренно поставила Джоула на самую опасную позицию. Схватка с кровоглотом заставит всех выложить свои козыри. А в случае гибели потенциального убийцы проблема решится сама собой. По крайней мере, до окончания вылазки.

— Зажгите «Пленённую звезду» на полную, — обратилась Мария к учёному. — Стрелкам нужен свет. Сами отойдите подальше от входа и встаньте за дальним саркофагом.

Охотница обнажила Ракуйо и приготовилась. Минуты тянулись, словно часы. Напряжение нарастало. Лишь усилием воли ей удавалось сдерживать нервную дрожь.

— Может, он ушёл? — тонким голосом спросил Гисберт.

Надо же, как пробрало парня. Ещё полчаса назад байки травил. Пусть лучше боится, подумала охотница.

— Кровоглот? — с сомнением ответила Мария.

И тут, прислушавшись, она услышала едва различимый звук. Стук когтей о каменный пол. Существо приближалось. Внезапно шаги стихли. Дело плохо. Хищник умён.

Но с жадной кровью чудовищу не совладать. Достав пузырьёк с едкой кровью, лучшей приманкой для большинства тварей, охотница кивнула капралу. Солдаты готовы открыть огонь. Хорошо. Слякка полетела на середину зала и разлетелась вдребезги, высвободив содержимое.

Осторожность и голод недолго боролись в мозгу чудовища. В следующее мгновение из мрака вырвалась отвратительная тварь, гоня перед собой волну невыносимого зловония. Изогнувшееся в рывке костлявое туловище достигало в холке двух метров. Четыре длинные, покрытые твёрдой грязно-бурой коростой, лапы. Гигантские, длиной с хороший кинжал

изогнутые когти. Спутанный, запачканный засохшей кровью мех вдоль хребта. Но более всего ужасала передняя часть тела. Голову твари скрывал огромный кусок угрожающе шевелящейся ноздреватой плоти, свисающий подобно омерзительному платку. С «платка» падали капли ядовитой бурой слизи.

Прогремели выстрелы. Картечь ударила в тушу кровоглота, в нескольких местах порвав головной «платок» и задев левую переднюю лапу. Раздался раздирающий слух inferнальный визг.

Разбилась бутылка с зажигательной смесью, слегка подпалив монстру брюхо. Бутылка оказалась слишком прочной и отскочила от тела кровоглота, расколовшись только от удара об пол.

Джоул поднял руку с артефактом. Мария успела закрыть глаза и спрятаться за колонну. В сокровищнице вспыхнула маленькая звезда. Ослепительно-белые искры устремились к чудовищу.

Но владелец артефакта недооценил скорость противника. Лишь чудом Джоулу удалось избежать удара огромных когтей. Искры ударили в пол за кровоглотом, разнеся в куски немаленькую каменную плиту. С потолка посыпалась пыль и маленькие камешки. Даже не достигнув цели, взрыв на мгновение ошеломил опаснейшее чудовище.

Джоул схватил своё колесо. Внешняя часть странного оружия стремительно завертелась и окуталась багровой дымкой.

Кровоглот снова оказался быстрее. Ударив здоровой передней лапой, он вырвал колесо из рук ученика Логариуса и швырнул охотника на землю. Однако прикосновение к колесу не прошло даром — два пальца твари отлетели в сторону, разбрызгивая кровавую жижу.

Одной из способностей охотников являлось усиление удара за счет тайной силы собственной крови. Этот приём не требовал ни специальных артефактов, ни нанесения себе повреждений. Охотнику требовалась лишь пара секунд для концентрации. Выполненный в подходящий момент, такой удар мог ошеломить самого стойкого врага. Однако стремительные и вёрткие чудовища редко предоставляли такую возможность.

Атаковавший брата Джоула кровоглот выпустил из поля зрения Марию. Подскочив к врагу со спины, охотница сосредоточилась и ткнула кровоглота в спину, стараясь метить в позвоночник.

Тонкое и умопомрачительно острое лезвие «Листопада» пробило твёрдую шкуру и вошло меж позвонков. Тварь конвульсивно дернулась. Девушке посчастливилось успеть выдернуть клинок — иначе тварь попросту вырвала бы его из рук.

Отпрыгнув в сторону, Мария увидела, как кровоглот бестолково перебирает задними лапами. Пока тварь восстанавливала управление задней половиной тела, инициатива перешла в руки людей.

Налетел Гисберт и тоже попытался рубануть по спине кровоглота. К несчастью, тварь внезапно рухнула на спину, и удар пришёлся по рёбрам.

Джоул и Мария одновременно кинулись в атаку. Зачарованное колесо прошлось по лапе и брюху чудовища, вырывая смердящие куски плоти. Охотница целила в голову и шею. Ракуйо ослепил тварь и перерезал шею. Смертоносным фонтаном брызнул яд.

Мария успела увернуться от бешеных ударов раненого кровоглота, но попала под хлещущие из рассечённой шеи монстра струи яда. Одежда выдержала едкую слизь, но забрызганное лицо нестерпимо жгло.

Джоул попал под удар жутких когтей. Получив страшные рваные раны, которые убили

бы обычного человека, он устоял на ногах и отскочил назад.

В неистовстве кровоглот кинулся на Марию, но налетел на колонну и споткнулся. Пользуясь моментом, девушка дважды ткнула врага в спину. Теряемые монстром жизненные силы смягчили боль в обожжённом лице.

Отнимай кровь у жертвы, учил Герман. В пролитой крови твоё исцеление, твоя сила и твоя защита, наставлял он.

— Огонь! — выкрикнул Грубер.

Мария вовремя укрылась за колонной. Джоул стоял достаточно далеко, чтобы не попасть под выстрелы. Гисберт залёг за вздыбившимся обломком плиты. Рывкнули ружья. На этот раз стреляли пулями. Три или четыре заряда попали в уже изрядно покалеченную голову и шею. Обезглавленный кровоглот заметался, заливая пол кровью и едкой жижей. Два клинка обрушились на чудовище. Снова завертелось безумное колесо.

Умиравший зверь тщетно пытался вцепиться в ловких охотников. Несколько раз он кидался на Марию и Гисберта, желая смять и разорвать на куски, но всякий раз промахивался. Наконец изрубленный кровоглот слабо дёргающейся тушей повалился на мокрый от крови пол.

Добивали тварь все вместе. Один перепуганный солдатик иступлённо бил неподвижное тело прикладом ружья, пока охотница не оттащила вояку за шкуру. Не хватало, чтобы кто-то отравился. Выделяемые кровоглотом вещества на воздухе разрушались за несколько минут, но прикасаться к трупу лишний раз всё же не стоило.

— Уходим в соседнюю галерею, и до тупика, — устало пробормотала Мария. — Нужен привал.

Прислушавшись к себе, она поняла, что легко отделалась. Отравления не произошло. Либо слизи попало не так много, либо побеждённый монстр оказался менее ядовит, чем большинство его собратьев. А может, организм справился. Но на всякий случай противоядие принять нужно.

Выбравшись из окутанной смрадом сокровищницы, группа направилась в конец коридора. Джоул без сил привалился к стене. Гисберт дрожал. Учёные нервно озирались.

— Отдыхаем, — разрешила охотница. — Грубер, поставь часовых. Надеюсь, больше никто не явится. Джоул, тебе нужна помощь?

— Спасибо, сам справлюсь, — тяжело просипел ученик Логариуса.

Слизь кровоглота на воздухе превратилась в противную желтоватую массу. Взяв у учёного скребок и тряпочку, Мария принялась очищать одежду.

— Гисберт, подойди сюда, — позвала она.

— Да, леди Мария? — ответил тот.

— Посмотри, что у меня с лицом? — полушёпотом побеспокоилась девушка.

— Всё нормально вроде. Только какие-то жёлтые ошметки на щеке, — дал Гисберт обнадёживающий ответ.

— Спасибо, — вымученно улыбнулась охотница и вытерла пакость. — Кого запачкало, обязательно чистимся.

Брат Джоул стянул наглазную повязку и глухо закашлялся.

Гисберт вздрогнул и открыл глаза. Всё нормально. Мария чистит Ракуйо. Солдаты грызут сухари. Учёные тихо переговариваются о высоких материях. Джоул сидит, мрачно уставившись на танцующий в стеклянной клетке фонаря огонёк.

Почему же тогда так тяжело на душе? Не страх. Вязкая, умиротворяющая тоска. Как будто в мире больше не будет ничего хорошего. Лишь вечная ночь и бесконечные пустые туннели, ведущие в никуда. Зачем куда-то стремиться? Конец один...

Зачем он согласился на предложение стать охотником? Почему внял обещаниям старого лиса Германа? На что он надеялся? На приключения и уважение? Глупец.

Гисберт подумал, что больше всего на свете хочет оказаться подальше от лабиринтов, Ярнама и Церкви Исцеления. «Не хочу», — сказал он твёрдо. Плевать на контракт. По возвращению из похода он соберёт вещи и покинет всех этих ненормальных. Пускай сами развлекаются, как хотят.

Марию тоже снедали невесёлые раздумья. Цивилизация птумериан когда-то правила планетой. Теперь же самый заметный её след — брошенные лабиринты, полные кровожадных чудовищ. Человек позаимствовал их ритуалы, их тёмные знания. Теперь люди и сами обращаются в чудовищ, как некогда их предшественники. Сейчас это уже ясно.

Никто не учит горькие уроки прошлого, печально подумала она. Они повторяют ошибки птумериан. Как вообще можно продолжать идти путём, который уже привёл других к ужасной гибели? Какой преступной самонадеянностью нужно обладать! Какими слепцами нужно быть! «Дай нам глаза», вспомнила охотница любимую мантру учеников ректора Виллема, руководителя Бюргенверта. Зачем им новые глаза, если и со старыми не в ладу?

Она и сама не без вины, призналась себе Мария. Кто прельстился захватывающей перспективой осчастливить себя и всё человечество? Исцеление всех болезней, бессмертие, управляемая эволюция, выход человека на новый уровень развития. Могущество, достойное богов. Россыпь космических чудес. Лоуренс, Виллем и королева Аннализа пели одну и ту же песню, каждый на свой лад. И Мария не смогла найти слабое место в их дерзких планах.

Цель благородна. Но побочный эффект ужасен. Не те средства?

Где оступились птумериане? Где же ошиблись мы?

После вылазки надо отправиться в старый университет. Может, ещё не совсем поздно.

Девушка вполне адекватно оценивала свои возможности и понимала, что одна никогда не сможет повлиять ни на Церковь, ни на Аннализу. Но в окружении мастера Виллема оставались здравомыслящие люди, не поддавшиеся общей горячке. Возможно, она сможет помочь.

Герман? Её наставник показал себя проницательным и осмотрительным человеком. Тоже сомневается. Но он во всём слушает Лоуренса.

Жители Кейнхёрста тоже теряют голову. Немного иначе, чем церковники. Но от этого не легче. Тем не менее, дома тоже есть с кем потолковать.

В любом случае нужно навестить Бюргенверт, твёрдо решила Мария. Но потом. Сейчас они в лабиринте. А рядом Джоул.

— Выступаем, — скомандовала охотница. — Джоул, как самочувствие?

— Я в полном порядке, — ответил тот, снова поморщившись.

Гримаса казалась не вполне искренней. Нет, ему явно досталось. Но в мимике скрывалась наигранность. словно Джоул боялся, что Мария забудет о его состоянии и поверит словам.

— Тогда не будем менять построения, — ответила она.

Гисберт непонимающе глянул на охотницу. Происходило нечто непонятное для него. И это нечто ему не нравилось.

Дальнейший путь до цели вылазки прошёл без особых приключений. На всех произвёл впечатление огромный грот, пересечённый мостами и освещённый лучами света из прорубленных в скале шахт. На недостижимом дне плескалось загадочно поблёскивающее озеро.

Несколько раз приходилось отбиваться от мелких тварей вроде крыс. Однажды из кучи истлевшей рухляди на охотников выскочило нечто чёрное и продолговатое. Осмотрев изрубленный и пробитый пулями труп, Мария подумала о пиявке. Но бывают ли пиявки с ногами?

Отряд чуть не попал в ловушку, когда Джоул не заметил проваливающийся пол. К счастью или нет, но шедший позади солдат успел схватить охотника.

После грота с озером один из учёных окинул взглядом незнакомый туннель и позвал охотников.

— Я правильно понимаю, что здесь начинается неисследованная область? — настороженно поинтересовался он.

— Да. Если верить вашим коллегам, неподалёку должен находиться птумерианский храм, — ответила Мария. — Осторожнее. Мы не знаем, что здесь ещё.

— Кондитерская фабрика, наверняка, — пробормотал Гисберт.

Один из людей Грубера злобно посмотрел на охотника.

— Заткнись, без тебя тошно.

— Сам заткнись и смотри по сторонам, а то кровопийца за зад ухватит, — отбрехался Гисберт.

Выразительный взгляд Марии заставил замолчать затевающих ссору.

Опять слишком тихо. Но не так, как перед встречей с кровоглотом. Не тревожная тишина, скрывающая шаги приближающегося чудовища. Торжественная. Как в храме. Слышится эхо давно затихших песнопений.

Но всё равно страшно. Это не животный страх за свою жизнь. Это трепет перед чем-то величественным. Находящимся за пределами понимания. Сокрушительным для духа, а не для тела.

Мария поняла, что ощутила отголоски присутствия Великого. По её спине пробежал холодок. Взглянув на брата Джоула, она не заметила никакой реакции. Либо ученик Логариуса ничего не заметил, что маловероятно, либо умело скрыл переживания.

Путь преграждала массивная дверь, покрытая непонятными письменами. Девушка не знала птумерианского языка. Но для шедших с ней учёных буквы древнего алфавита несли смысл.

— Мы добрались, — прошептал один из них.

— Открывайте дверь, — попросил другой.

Мария не хотела давать прикасаться к преграде руками. Лучше заработать репутацию

перестраховщицы и параноика, чем нести домой труп. Хотя снаряжение для скалолазания не привезли, у Грубера в рюкзаке лежал моток верёвки с крюком — для таких случаев. Ситуация, когда нужно открыть дверь, но стоять вплотную боязно, часто встречалась в лабиринтах.

Мария задумалась, не лучше ли приказать открыть дверь Джоулу. И быстро отказалась от этой идеи.

Оставалась вероятность, что Джоул ничего не замышляет против неё. Опасения Германа могли оказаться безосновательными. Нельзя подставлять человека, не имея твёрдой уверенности в его злонамеренности. Если в бою с кровоглотом все более-менее находились в равном положении, то сейчас больше рисковал тот, кто первый схватится за потускневший от времени металл. К тому же, риска можно запросто избежать.

— Капрал, доставайте вашу верёвку, — бросила охотница.

* * *

Внезапно накатившая волна жути заставила Джоула невольно сделать шаг назад. Мария стиснула рукоять клинка. Призрачные песнопения настойчиво пытались пробиться в сознание. Заставить забыть, что реально, а что нет. Унести в прошедшие времена и далёкие миры. Их слышала кровь, текущая в сердце и мозгу. Человеческая кровь, необратимо смешанная с кровью чуждых созданий в ходе тёмных ритуалов. Затыкать уши бесполезно.

Огромный храм освещали тысячи светящихся желтоватых шариков. Они буквально усеивали стены, переходящие в сводчатый потолок.

Собственные шаги казались людям оглушающими.

Задняя часть храма просела, создав пруд, мерцающий отражённым светом. На середине стоял каменный саркофаг с выбитыми на редком камне причудливыми символами.

Перед мысленным взором встали ряды худощавых человекоподобных существ в мешковатых одеждах, склонившихся перед алтарём-саркофагом. Жрецы пели, вторя шёпоту небес. Над паствой и пастырями склонилось нечто гигантское. Непонятно, как оно могло протиснуться сюда. Великий? Присутствие гиганта словно разрывало ткань реальности.

Учёный с жезлом «Пленённой звезды», безумно улыбаясь, сделал шаг к саркофагу. Пробормотав нечто нечленораздельное, Джоул выронил колесо и рухнул ниц.

Крышка саркофага на удивление легко отодвинулась в сторону. Церковный исследователь протянул руки в каменную полость.

— А как же верёвка? — ойкнул капрал.

Учёный достал внушительный сосуд из полупрозрачного стекла, наполненный тёмно-красной жидкостью. Присмотревшись, охотница заметила в глубинах сосуда настоящий хоровод цветных теней. Казалось, за стеклом танцуют отражения космических туманностей: искристо-зелёных, таинственно-голубых и зловеще-багряных. От сосуда исходило тихое мелодичное журчание.

— Леди Мария, предоставляю эту честь вам, — сказал учёный, пошатываясь. — Вы достойны.

И протянул ей заветный сосуд.

— Осторожно, уроните! — попыталась предостеречь охотница, но церковник не воспринял её слова. Не осталось ничего, кроме как схватить сосуд самой.

Стекло может сберечь кровь, но не всегда способно удержать его эхо. Тем более настолько мощное.

Верхние сантиметры жидкости потеряли цвет, став совершенно прозрачными. Марию захватило чувство всепоглощающего ужаса, тут же сменившегося головокружительной эйфорией. Покачнувшись, она неловко села на пол и поставила сосуд рядом. Закрыв глаза, девушка принялась утихомиривать бушующий внутри ураган.

— Вы соображаете вообще, что делаете? — промямлила она.

— Снять свободное эхо необходимо, — спокойно ответил учёный. — Как перевозить иначе будем? А нам с вами это полезно. Сейчас мы прикоснулись к истинному величию. Уверен, скоро вы меня поблагодарите.

— Как я вам благодарна, — язвительно пробормотала охотница, чувствуя, что теряет сознание.

— Вам досталось самое звучное эхо, — ответил церковник. — Слабость быстро пройдёт.

Мир померк, свернулся бешеным чёрным водоворотом и разлетелся на миллион звенящих осколков.

Предатели

Чернота. Кругом непроглядная чернота. Человеческие глаза не подходят. Здесь нужно нечто другое.

Не пустота. Но и не пространство. Где же она? Где эта непостижимая бездна? За каким краем Вселенной?

Тут что-то есть. Или кто-то? Ощущение близости чего-то космически могущественного и пугающе неопределяемого.

Сознание к охотнице вернулось резко, рывком. Так бывает, когда просыпаешься после кульминации ночного кошмара. Удар страха вырывает из объятий губительного сна. Ты озираешься, не понимая, что свободен. Потом приходит мягкое чувство расслабленности и успокоения. Кошмар закончился.

Пошевелившись, девушка поняла, что лежит на холодном каменном полу храма. Гисберт и солдаты с тревогой следили за ней. Учёный, улыбаясь, держал её за запястье. В его карих глазах плясали искорки нездорового невротического веселья.

— Уверен, леди Мария, вы видели потрясающие вещи, — прокаркал он. — Я вам завидую.

В голосе церковного учёного слышались отголоски шёпота нечеловеческих созданий. Нервно оглядевшись по сторонам в поисках проклятого сосуда, охотница вскочила на ноги.

— Мы уже запаковали реликвию, — успокоил её учёный. — Не волнуйтесь.

— Я долго пролежала? — забеспокоилась охотница.

Джоул неподвижно стоял у пруда и, казалось, не обращал внимания на остальных. Грубер следил за входом.

— Минут пять, — ответил за учёного Гисберт.

Взяв себя в руки, Мария задумалась о дальнейших действиях. Цель достигнута. Надс доставить реликвию Церкви.

— Привал — десять минут, за воротами храма, — объявила она. — И в обратный путь.

Отряд устроился в небольшой комнатухе неподалёку от основного туннеля. Солдаты неожиданно развеселились и даже перекинулись парой шуток. Гисберт снова разговорился. Джоул, напротив, стал угрюмее. Каждое его движение демонстрировало мрачную сосредоточенность.

— Леди Мария, а что за кровь в этой склянке? — любопытствовал Гисберт. — Никогда такую не видел.

Смысл скрывать отсутствовал. Переглянувшись с владельцем «Пленённой звезды», девушка ответила.

— Кровь Великого.

После этих слов на секунду воцарилась тишина.

* * *

В месте сбора творилась неразбериха. Со стороны входа, дразнящего отсветами дня, доносилась ругань. Уже вернулись две группы. В одной погиб солдат: поскользнувшись на сыром камне моста, несчастный рухнул в пропасть. Во второй многие получили серьёзные

раны. Как выяснилось, на нижних уровнях лабиринта устроили логово кровопийцы — омерзительные твари, внешне представляющие из себя гротескные гибриды человека, блохи и клеща. Привлечённые запахом добычи, они вылезли из своего склизкого логова и напали на людей. Валлару, командиру группы, пришлось использовать очень опасные и мощные артефакты, чтобы сдержать чудовищ и дать своим время на отступление. Перевязанный и напичканный лекарствами, великан лежал у входа возле других раненых и ругался сквозь зубы^[4].

Пострадал учёный Церкви: мужчина в порванном чёрном одеянии лежал без движения на пропитавшемся кровью полотнище. Над ним всюду хлопотали врачи.

Кряхтя и пыхтя, трое солдат тащили тяжёлый ящик с сокровищами лабиринта к выходу.

Охотник Церкви с налитыми кровью тёмными глазами сидел, привалившись к стене и уставившись в пол. Рядом валялся пустой пузырёк с засохшими бурными потёками и шприц с изящным серебряным поршнем.

Тяжело вздохнув, врачи оставили израненного учёного и занялись другими ранеными.

Охотник поднял взгляд и посмотрел в остекленевшие глаза адепта Церкви.

Забился в судорогах покусанный кровопийцей боец.

Из коридора, ведущего вглубь подземелья, слышались шаги и неровные голоса.

* * *

Марию встретил сам адъютант Людвига. Даже под землёй, среди сырых стен и измазанных слизью туннелей, Ференц умудрялся сохранять присущую ему представительность с ноткой щёгольства.

— Древняя кровь у нас. Задача выполнена, потерь нет, — доложила охотница.

Каждый раз, докладывая об успешном завершении охоты или вылазки, Мария чувствовала усталую радость. Что бы ни ждало дальше, очередное испытание позади. Можно немного расслабиться и насладиться долгожданным спокойствием.

Учёные уже разбирали находки. Солдаты устраивались на отдых, заставляя потесниться недовольных товарищей. Один солдатик достал трубку и с упоением закурил.

— Грубер, у тебя осталась вода? — попросила она.

— Держи, — протянул капрал простую жестяную флягу с вмятиной.

— Спасибо большое, — поблагодарила она.

Но отдохнуть не дали.

— Мария и Джоул, — обратился помощник главного церковного охотника. — Берите с собой пару солдат и отправляйтесь на помощь Герману. Остальной отряд остаётся здесь. Произошёл небольшой обвал, группа Германа заблокирована в южном туннеле. Там есть ворота, которые открываются только с одной стороны. Поняли, куда идти? Действуйте! Дело срочное.

Ей хотелось просто сесть и закрыть глаза. Пусть всё подождёт, хотя бы минуту. Пусть исчезнет проклятый лабиринт, пропадут чудовища и Церковь. Хоть на минуту.

«Надо выручать Германа», — подумала охотница. Старый охотник являлся одним из тех немногих людей в её окружении, к которым она испытывала тёплые чувства.

Но рядом будет Джоул, и лишь двое солдат. Не специально ли всё подстроено? Нет, вряд ли Ференц — участник заговора. Он никогда не ладил с Логариусом.

Капрал Грубер и его подчинённый, рядовой Вейс, — проверенные бойцы. Если брат Джоул решил убить её, то будет вынужден сразиться с ними, решила девушка. Мы пережили вместе не одну вылазку в лабиринты птумерианцев, успокоила она себя.

«Если что, справимся», — прошептала Мария.

* * *

Слизь, влага и свисающие с потолка чёрные лианы. Как они умудряются жить здесь, без живительного солнечного света?

Воздух, лопающийся от переполняющих его зловонных миазмов. Трупная вонь вперемешку с чем-то не менее отвратительным.

«Поскорее бы уйти отсюда», — подумала охотница. Под ногами лежало полуразложившееся тело человекоподобного существа. Выродившийся потомок птумерианцев, из тех, что до сих пор скрываются в мрачных туннелях, бывших свидетелями их величия?

Перебравшись через толстую осклизлую лиану, Мария увидела ворота и заветный рычаг. — Джоул, открывай, — приказала она.

Церковник картинно отряхнул рукав и неспешно направился к преграде. Правая рука, частично скрытая от охотницы, слегка изогнулась в локте. «Он что-то достаёт из поясной сумки!», — поняла девушка.

Мария ощутила прилив злого веселья. Её губы скривились в хищной усмешке. Рука метнулась к пистолету. Постоянное ожидание нападения со стороны члена отряда выводило из равновесия. Обещание скорого разрешения ситуации, как ни странно, вызывало облегчение.

— «Если хочет убить меня, пусть попробует», — кровожадно подумала она. — «Посмотрим, кто кому кровь пустит!»

Охотницу пронзила страшная мысль. Каким бы беспринципным и жестоким не являлся ученик Логариуса, дураком он вряд ли был. Она понимала, что даже для самого умелого охотника нападать на другого охотника и двух опытных солдат с ружьями не слишком разумно. Даже вооружившись артефактами Хора: в таком деле нельзя позволить кому-то уйти живым. Конечно, Джоул мог рискнуть. Но он не казался Марии принадлежащим к типу людей, что начнут игру из заведомо проигрышной позиции.

«Предательство!», — с отчаянием заключила она.

Марию уже не раз спасала склонность действовать, исходя из внезапного сомнения, из неожиданно ужалившего чувства опасности.

Повезло ей и в этот раз. Капрал Грубер уже успел вскинуть ружьё и прицелиться девушке в затылок. Палец солдата уже коснулся спускового крючка, когда Мария резко отскочила в сторону, упала и откатилась за опутанную гнилыми лианами колонну. Тяжёлая свинцовая пуля просвистела там, где мгновение назад находилась её голова. Комок голубоватой слизи в руке стремительно развернувшегося Джоула вспыхнул бледным лунным светом. Охотница с ужасом ощутила, как немеют руки и ноги. Но колонна многократно ослабила действие одного из самых коварных инструментов Хора. Оцепенение ушло, разжав свои стылые объятия.

— Умри, грязная тварь! — выкрикнул Джоул и раскрутил чудовищное колесо.

Смятение от предательства Грубера, старого боевого товарища, отошло в сторону. Мария знала, что в бою нет места сожалениям. Капрал выстрелил в неё, значит, он враг. А врагов убивают.

Вейс бегом сменил позицию и выстрелил из-за груды разлагающегося хлама. Пуля высекла крошку из влажного камня. Пыль больно ударила охотницу по щеке.

Мария подавила импульсивный порыв выстрелить в ответ. Вейс за огромной зловонной кучей, пистолетная пуля может и застрять. Да и промазать с такого расстояния легко. А выстрел может ещё понадобиться.

Бешеной лавиной налетел Джоул, заставив выйти из-под защиты колонны. Глаза охотника дико сверкали в полумраке, разгорячённое лицо заливал пот. Зловещее красное свечение колеса освещало место схватки. Из кровавого тумана поднялся дымчатый силуэт павшего кровоглота и смертоносной тенью ринулся на Марию. Гибельный призрак источал тошнотворный аромат смерти.

Грубер выхватил пистолет.

Пуля Марии пробила плечо Джоула, заставив выронить комок голубой субстанции. Сумасшедшим рывком охотница нырнула за следующую колонну и попала под выстрел капрала. В груди вспыхнула острая боль. Выдохнув, девушка почувствовала привкус крови во рту.

Не желая знакомиться с лезвием Ракуйо, Грубер метнулся назад сразу после выстрела.

На его немолодом лице, испещрённом тонкими морщинками, отражались страх и жалость.

С потолка свалился ком чёрной слизи и упал прямо на капрала. Раздался приглушённый вопль, полный животного ужаса. Выронив пистолет, Грубер забил руками по схватившей его твари, тщетно пытаясь освободиться. Но жижа плотно обволокла голову и плечи жертвы и не желала отпускать добычу. Солдат упал в зловонную лужу и конвульсивно задёргался.

Мария сосредоточилась на тайной силе своей крови. Герман говорил ученице, что жертвенная кровь приносит могущество. Какая разница, через дыру от пули или разрез от ритуального ножа льётся кровь?

Боль усилилась. Марии показалось, что в её груди взорвалась бомба. Кровь брызнула маленьким фонтаном. Но порождённый колесом Джоула дымный призрак истаял.

Понимая, что иного выбора нет, девушка трижды вонзила Ракуйо в голову Грубера, рассекая чёрную жижу и пленённую тварью человеческую плоть. Кровь двух жертв смягчила боль. Рана затянулась розовой плёнкой, но не зажила. Каждый вдох по-прежнему отзывался мукой.

Прогремел выстрел. Но целью оказалась не она. Вейс отбивался от ещё одной склизкой твари, притаившейся в тёмном углу.

Из-за колонны вышел брат Джоул. Дико визжало колесо. Казалось, повреждённое плечо его вовсе не беспокоило. Не давая врагу снова использовать голубую слизь, Мария бросилась вперёд и совершила серию резких выпадов, заставляя Джоула уйти в оборону. Затем, неуловимым движением разделив обоюдоострый клинок на меч и кинжал, попыталась проткнуть церковника. Но в последний момент тот отступил на шаг и яростно взмахнул колесом, вынудив Марию отшатнуться назад. Облако кровавой мглы краем коснулось руки девушки. Ткань рукава рассыпалась. На бледной коже появилась неглубокая, но обширная рана. В сердце ученицы Германа вспыхнула ярость.

Услышав тихое хлюпанье, охотница кинулась в сторону, но немного опоздала. Слизень

не обхватил голову, но прочно зацепился за плечо, руку и бок. В кожу девушки впились острые иглы.

Вскрикнув, Мария ринулась прямо на смертоносное колесо, погрузив чёрного слизня в облако кровавого тумана. Сбросив останки мёртвой твари, охотница замахнулась клинком. Ожидая удара, церковник закрылся колесом и отпрыгнул в сторону. Уловка сработала. Привычно увернувшись, Джоул попал под отложенный удар.

Но враг охотницы оказался очень умелым бойцом, и лезвие скользнуло по колесу, достав Джоула лишь самым кончиком.

Подбежал Вейс и попытался рубануть Марию саблей. Поднырнув под удар, охотница со всей силы ударила солдата по затылку рукояткой меча. Солдат обмяк и повалился в грязь. Минутная победа над терзающей разум жаждой крови воодушевила девушку и окончательно вернула ей самообладание.

Опасаясь попасть по Вейсу, Джоул подался к колонне, быстро увеличив дистанцию.

— Я слышу твой шёпот, Великий Идон, — лихорадочно забормотал охотник. — Чистая, святая кровь, укажи мне! Идон, приди!

Лицо её противника исказила уродливая гримаса, сделавшая его похожим на одного из жителей лабиринта. В голосе звенело безумие. Мария догадалась, что церковник слишком часто использовал реликвии Великих и сверхъестественные силы начали разрушать его разум.

И тогда она поняла, как выйти живой из устроенной ей ловушки. Джоул оставался крайне опасным бойцом: девушка отдавала себе отчёт, что один из лучших бойцов Логариуса не уступает ей ни в ловкости, ни в силе, ни в умении. Убийственная аура колеса не даст подобраться и нанести удар. Джоул отлично знал, с каким оружием лучше противостоять охотнице с обоюдоострым клинком. Будь в руках её врага меч или молот, всё стало бы легче. Но стиль боя с колесом слишком непривычен. А права на ошибку у Марии не оставалось.

Но у Джоула нашлась слабость: он слишком полагался на тайные силы. А каждое их применение ослабляло охотника. Значит, надо заставить его использовать своё мнимое преимущество как можно чаще, заключила она.

Пятясь, Мария ещё больше разорвала дистанцию. Решив использовать предоставившуюся возможность, Джоул поднял над головой «Зов вовне».

— Вы взываете к нам с мёртвых звёзд, — сорванным голосом просипел охотник. — И мы зовём Вас! Зов вовне!

Тьму подземелья осветила невыносимо яркая вспышка. Сердце девушки сжалось от испуга: смерть подобралась близко, как никогда. Отчаянным усилием Мария прыгнула прямо на Джоула, повторяя манёвр кровоглота.

Перекувыркнувшись через голову, охотница убереглась от шквала обожжённых ошмётков. Встав на ноги, Мария вонзила церковнику в грудь оба лезвия, пробив сердце.

Кровь Джоула словно вскипела. Левый глаз лопнул, оставив пустую глазницу. На теле и руках открылись многочисленные зияющие раны. Охотницу обдало красной волной.

Оглушённая, Мария выпустила клинки и грохнулась на пол. Церковник зашатался и уронил колесо. Из его спины торчало окровавленное лезвие меча.

— Идон, присносущий и вездесущий бог живой крови, помоги мне, — голосом, уже мало напоминающим человеческий, взмолился Джоул. — Текучий дух, бесплотный Великий...

С каждым словом голос церковника слабел, превращаясь в тихое влажное чавканье.

Собравшись с силами, Мария подняла себя с пола. В глазах двоилось, голова раскалывалась, словно берёзовое полено под ударами неистового дровосека. Тошнота выворачивала наизнанку. Ноги подгибались. Вяло ткнув Джоула кулаком в лицо, другой рукой охотница дёрнула рукоять меча.

— Хозяин крови, бесформенный Идон, — прошамкал церковник, поднимая колесо дрожащей рукой.

Мария поразилась: после всех нанесённых ему ран Джоул до сих пор жив. Но давать неудачливому убийце второй шанс в её планы не входило.

Голова церковника слетела с плеч и плюхнулась в мерзостную лужу, полную испражнений слизней.

Не в силах контролировать себя, девушка припала ртом к окровавленному обручку шеи. Напившись крови, она дико улыбнулась и вытерла губы о чистый клочок дорогого одеяния Джоула.

«Герман и его отряд!», — вдруг вспомнила она.

Охотница нетвёрдым шагом подошла к рычагу и потянула. Ворота раскрылись с гулким скрежетом. В темноте за ними не виднелось ни лампы, ни факела. Ни единой живой души.

Мария обессиленно привалилась к перепачканной слизью стене.

На полу тихо застонал Вейс.

Возвращение из мрака

Поняв, что стала отличной мишенью для нападения, Мария разозлилась и заставила себя открыть глаза. Не хватало ещё, чтобы после пережитого её скушал какой-нибудь слизняк!

Герман не попадал в западню. Сверхъестественное чутьё явно показывало девушке, что в туннеле впереди нет никого. Ни живых, ни мёртвых. Лишь пещерные грибы да вездесущая сырость.

Её заманили в ловушку, сговорившись с Ференцем или обманув его, сообразила охотница. Если даже заместитель Людвига против неё, то дела совсем плохи.

Отчаяние сжало волю ледяными когтями.

— Грубер, друг мой, зачем ты так сделал? — горестно прошептала девушка. — Зачем?

Ей хотелось проклясть себя. Почему капрал предал её? Они же были почти друзьями. Прошли рука об руку через мрак подземелий и ужас ночных охот, недоумевала Мария. Она спрашивала себя, почему в последнюю минуту лицо мужчины выражало жалость, и не находила ответа.

Мария удивилась, как легко смогла использовать сверхъестественное чутьё. Раньше подобное давалось ей с великим трудом. Похоже, сказалось прикосновение к крови Великого, подумала она, обмирая. Значит, теперь она ближе к пропасти ещё на шаг.

Надо допросить Вейса. И поскорее выбираться отсюда, решила охотница.

Оглушённый солдат поднялся на четвереньки и обильно полил пол содержимым своего желудка. Прохрипев что-то нечленораздельное, он испуганно покосился на Марию. Его рука дёрнулась к рукояти сабли, но охотница пинком отбросила оружие в сторону.

— Зачем вы хотели меня убить? — мрачно бросила она.

— Я... прости, — пробормотал тот. — Мартинс сказал, что тебя надо убить, что ты опасна. Он ещё деньги обещал. Не понимаю, почему я согласился.

— Кто такой Мартинс? — потребовала ответа девушка.

— Какой-то непонятный хлыщ, всё время болтал с Ференцем, — Вейс сел и обхватил голову руками.

— Будешь пытаться убить меня дальше? — поинтересовалась Мария. — Почему же ты не отказался от предложения? Когда, где и как это произошло?

Солдат застонал, стиснул голову и закрыл глаза.

— Нет, не буду. Не знаю, что на меня нашло, — пробормотал он. — В казарме, перед выходом, этот Мартинс подошёл к нам, и объяснил, что ты превратилась в чудовище и одержима, что тебе больше нельзя доверять. Он сказал, тебя надо убить.

— А ты не подумал о том, что я выгляжу как человек, и, следовательно, не чудовище? Что обратившегося охотника никто не станет посылать в подземелье с отрядом?

— Нет, я не сообразил, — сокрушенно прошептал Вейс. — Не знаю, что на меня нашло, говорю же! Во время разговора словно все мысли из головы пропали. Осталось только то, что говорил тот господин. А потом... я знал, что нужно делать, и не задумывался, правильно это или нет. Мне жалко тебя было. Правда!

— Кто-нибудь находился рядом с Мартинсом в тот момент, кроме вас? — взволнованно осведомилась Мария.

— Вроде стоял кто-то. Я не понял даже, мужчина или женщина. Он слишком

незаметный какой-то был, — безжизненным голосом ответил солдат.

— Вы знали про Джоула?

— Да, он подал сигнал к нападению, — кивнул Вейс и сник окончательно. — Что теперь со мной будет?

Мария окинула неудавшегося убийцу долгим взглядом. Мокрый, забрызганный слизью и водой мундир. Бескровное лицо. Смешно и жалко подрагивающая щека. Маленькие карие глаза, наполненные страхом, виной и безнадежностью. Прокушенная нижняя губа с застывшей капелькой крови. Неровное дыхание.

Нет, не сможет она его убить, поняла охотница. Да и не нужно это. Вейс не враг ей: он жертва, одурманенная и бесовестно использованная. Как и покойный капрал.

— Будь ты проклят, Джоул, — прошипела девушка.

Её настоящие враги — те, кто стоят за нападением. Те, кто занимаются борьбой за власть и деньги во времена, когда любые междоусобицы губительны.

Если противники королевы в Церкви осмелели настолько, что готовы на насилие — грядут серьёзные проблемы. Не только для неё: для всего города. Мария всерьёз не верила в возможность гражданской войны, но даже бескровное противостояние нанесёт огромный ущерб. К борьбе с проклятием Зверя добавится борьба между Церковью и Кейнхёрстом. Ничего хорошего из междоусобиц не выйдет, грустно заключила охотница. Единственная надежда — что Лоуренс и разумные люди из его окружения приструнят желающих всей полноты власти в городе.

Надо рассказать всем правду. Интриганы и заговорщики не любят огласку подобно чахотке, что плохо переносит свежий воздух и солнечный свет, подумала она.

— Если будешь слушаться меня, то ты легко отделаешься, — ответила Мария солдату. — Ты попал под воздействие на разум до вылазки. Помнишь, как примерно это произошло и с кем ты разговаривал. Джоул хотел заставить вас убить меня. Но, готовясь к нападению, вы не заметили приближения слизи. Вам пришлось отбиваться, Грубер погиб, ты выжил.

— Я понял, — промямлил Вейс.

— Тогда выбираемся отсюда.

Уходя, девушка бросила полный горечи взгляд на изрубленное тело капрала. Её мучала мысль, что она даже не может по-человечески похоронить несчастного. Скоро труп станет пищей для падальщиков.

— Прости. Ты не заслуживал такого конца, — горько прошептала Мария.

* * *

Оказалось, Герман вернулся через полчаса после того, как Мария, Джоул и двое солдат скрылись во тьме туннеля. Ференц немало удивился его появлению. Отряд охотника действительно побывал в западне, но ещё два часа назад выбрался из ловушки. Герман сильно встревожился, узнав о приказе заместителя Людвига, и захотел последовать за Марией. Старый охотник не стеснялся в выражениях, услышав, что Джоул пошёл с его ученицей.

Вопреки воле Ференца, он решил взять с собой нескольких человек и отправиться искать охотницу. Но поиски оказались не нужны. Стоило Герману подойти к проходу вниз,

Мария вместе с рядовым Вейсом вышли из темноты.

В рваных одеждах, заляпанная слезью и пятнами крови, с гримасой боли на лице, девушка подошла к учителю и произнесла несколько слов. Герман вывел её наружу и отвёл к шатру охотников. Там к ним присоединились остальные охотники из мастерской. Даже Валлар, отказавшись от размещения среди раненых, сидел в углу и вполголоса обсуждал что-то с Валентайном, иногда страдальчески морщась.

Мария непроизвольно улыбалась, глядя на вечернее небо, запорошенную белым как облако снегом поляну и озарённый лучами заходящего солнца лес. После птумерианских подземелий мрачный лес казался земным раем. Золотисто-оранжевый свет превращал чашу в сказочный золотой дворец короля света из старинной сказки. Отказавшись заходить в шатёр, девушка села на снег, прислонившись к толстому стволу корабельной сосны.

* * *

Рассказ леди Марии о покушении и показания рядового Вейса произвели эффект разорвавшейся бомбы. Новость быстро разлетелась по всему лагерю, и обратный путь прошёл в спорах и обсуждениях произошедшего. Мартинс, помощник Ференца, временно взятый под стражу, яростно отрицал все обвинения. Сам адъютант главного церковного охотника обещал оказать всю возможную помощь в расследовании. Окружающие видели, что Ференц не на шутку растерян. Лишь группа учёных не обращала внимания на творящийся бедлам: собравшись в сторонке, они тихо обсуждали сегодняшние находки. Кровь Великого интересовала их куда больше какого-то там покушения.

* * *

Людвиг благодарно кивнул слуге, оставившему на столе поднос с чаем, и посмотрел на сотрапезницу. Укутанная в белые одежды Хора, с плотно завязанными глазами, с кистью левой руки, закрытой расшитой искусным шитьём варежкой, Анна выглядела бы странно в любом городе. Но только не в Ярнаме.

Губы женщины тронула лёгкая улыбка. Охотник знал, что его гостье уже за пятьдесят, но гладкая, свежая, лишённая морщин кожа подошла бы двадцатилетней. Ему было странно осознавать, что Анна старше его: женщина казалась намного моложе.

— Анна, ты прекрасно выглядишь, — решил он сделать комплимент. — Ты — прекраснейшая из женщин. Моя волшебная муза.

Хористка улыбнулась, но через секунду помрачнела.

— Благодарю. Твоё общество словно нектар для меня, — ответила она и, выдержав паузу, беспокоенно спросила: — Ты всё ещё не хочешь отдать свой меч? Хотя бы на время?

— Нет! У вас думают, что он опасен! Но это не так. Он опасен лишь для наших врагов. Я справляюсь! — горячо возразил охотник Церкви. — Не спорь! Я знаю, когда ты просишь расстаться с ним, ты произносишь не свои слова!

— Людвиг, — мягко перебила его Анна. — Я твой друг, и не хочу тебе зла.

— Я..., — запнулся мужчина, — я знаю.

— Тогда послушай меня, — попросила она. — Даже Великая Ибраитас не знает точно

происхождения твоего артефакта. Хор общался с ней: она высказала три противоречащих друг другу предположения. Меч попал к тебе при странных обстоятельствах.

— Да, но до сих пор я не находил ничего тревожащего в нём, — не согласился мужчина.

— Я нашла, — возразила Анна. — А я, прости меня, гораздо ближе к тем удивительным сферам, в которых скрывается источник силы подобных вещей. И лучше понимаю их тайную, завораживающую силу...

Людвиг невольно покосился на скрытую варежкой руку женщины. В его глазах мелькнула болезненная нежность пополам с жалостью.

— Этот предмет связан с областями внешнего пространства, которые мы считаем небезопасными, — продолжила хористка. — Когда ты используешь те его свойства, что не присущи обычным мечам, ты открываешься для опасных сил. Последнее время ты стал импульсивным, склонным доверять предчувствиям больше, чем опыту и логике.

Анна встала и подошла к охотнику. Людвиг взял её за правую руку.

— Я не прошу отдавать меч, — тихо сказала она. — Просто убери его на месяц-другой. Не пользуйся им. Есть много другого оружия. Подумай о нас. Не хочу тебя потерять.

Оставив чай недопитым, они поднялись в спальню. Людвиг с раздражением посмотрел на увешанные дурными картинами стены и претенциозную лепнину. По его мнению, стремление подражать аристократам являлось одной из величайших глупостей высокопоставленных церковников. Человек, создававший интерьеры жилищ церковной верхушки, явно страдал безвкусицей и любовью к излишней вычурности. Надо будет попросить переработать обстановку, решил он.

Скрипнул мощный засов: Анна заперла дверь.

— Не бойся, никто не войдёт, — успокоил её охотник.

— Риск есть, а непосвящённые меня видеть не должны, — ответила она.

— Про нас и так уже слухи ходят, — усмехнулся Людвиг.

— Я не про это. Про другое. Ты понял.

Церковник понимающе кивнул.

Анна подошла к другу и поцеловала в губы. Людвиг аккуратно снял с её руки варежку. Вместо человеческой кисти и пальцев у неё росло восемь щупалец, длинных и белёсых. На их кончиках мерно вспыхивали и гасли светящиеся точки.

Погладив Анну по тёмным волосам, он почувствовал, как щупальца нежно обвиваются вокруг его головы.

Небольшая четырёхместная карета, поскрипывая и шатаясь, ползла по ярнамской мостовой. Возница, полный солидный мужчина с длинной ухоженной бородой и некрасивой бородавкой на подбородке, успевал одновременно править лошадьми и курить треснувшую трубку. К ночи потеплело, и выпавший за день снег успел подтаять. Царило безветрие, и печная гарь окутала Ярнам удушливой пеленой.

Из тёмных подворотен доносились сварливые голоса спешащих по домам горожан: хотя этой ночью не ожидалось происшествий, никто не хотел задерживаться на улице после наступления темноты.

Соборный округ остался позади, и карета выехала на северную окраину города. Здесь располагались ткацкая и стекольная мануфактуры. Чуть восточнее находился обширный жилой квартал. Жили там в основном люди небогатые: рабочие и младшие служащие. Этот район существовал до основания Церкви Исцеления, и местные старожилы порой относились к церковникам с недоверием, уважая знать Кейнхёрста как дань традиции. Многие здешние обитатели даже наотрез отказывались пользоваться медицинскими услугами Церкви, обрекая себя на болезни и быстрое увядание от тяжёлого труда и нездорового воздуха. Среди таких консерваторов процветала чахотка и иные лёгочные заболевания.

Выглянув в окно и посмотрев на противно-серый снег, Гисберт пожаловался Марии.

— Леди Мария, снег серый! — недовольно воскликнул он.

— Ты только сейчас заметил это неприятное обстоятельство? — слабо улыбнулась девушка.

Огнестрельное ранение не обошлось просто так. Тела охотников выталкивали инородные объекты. Когда отряд вернулся в старую мастерскую, затянувшаяся рана открылась и выдавила застрявшую пулю вместе с кровью и слизью. Благодаря пузырьку целебной крови перевязанная бинтами как мумия Мария смогла быстро встать на ноги. Сложив грязное и изорванное охотничье одеяние в мешок, она переделалась в чистое и сейчас на вид не отличалась от обычной состоятельной горожанки.

Но неестественно залеченные повреждения давали о себе знать. Тело болело так, словно его непрерывно драли когти кровоглота. Руки немели, кости ужасно ломило. К горлу подкатывала тошнота, стоило лишь совершить резкое движение. Марии отчаянно хотелось просто лечь и не шевелиться. Сутки минимум, а лучше дольше. Ещё хотелось пить и есть.

— Нет, заметил, как в город вернулись, — ответил охотник. — Просто в деревне, где я провёл детство, снег всегда белый был.

— В печах жгут уголь, — невнятно пробурчала Мария. — Нужно же людям греться? Но я тоже больше люблю белый снег и свежий воздух. Но без копоты никак, судя по опыту. Такие уж мы, люди, противоречивые существа. Любим чистоту, но не можем не пачкать. И так во всём. Нас словно всегда растягивал двумя лошадьми безжалостный палач...

— Я не знаю. Леди Мария, скажите, вы ведь учились в Бюргенверте?

— Да, — подтвердила она, поморщившись от укола боли в заживающей ране.

— Я слышал, там изучают... всякое, — смущённо произнёс он, глядя на засыпающую улицу. — Скажите, разве нельзя обогреть дома как-нибудь... эдак?

— Ещё можно газом или керосином, если месторождение рядом. Но нам не досталось

таких подарков природы, — повеселев, ответила Мария. — Ещё недавно имперские учёные^[5] научились вырабатывать электричество, сжигая тот же уголь или используя падающую воду. Пропуская электричество через металлическую пластину с высоким сопротивлением, можно получить тепло.

Увидев недоумение собеседника, она поспешила пояснить.

— Электричество — это молнии. Их можно передавать по металлической проволоке.

— А разве молнией можно согреть? Она же убивает! И как металл может сопротивляться молнии? — ошарашенно проронил Гисберт.

— Если молния попала в тебя — да, может убить. Но молния в проволоке почти безопасна, если оплести металл плотной тканью или чем-нибудь ещё, — разъяснила девушка. — Чем больше сопротивление у металла, тем труднее молниям проходить через него, тем больше они теряют силу.

— Всё равно не понимаю! Но я имел в виду не совсем это, — не унимался Гисберт.

Снаружи раздались громкие женские крики. Выглянув в окно, охотники увидели, как высокий мужчина в поношенном плаще яростно пнул лежащего в слякоти белобрысого паренька. Рядом испуганно вопила худая женщина в потемневшем от копоти жёлтом платье. Из её разбитого носа ползла струйка крови. Порванный правый рукав платья болтался лоскутом.

— Прекратить! В полицию захотел? — прокричала Мария, высунувшись из окна и приказав вознице остановиться.

Увидев новых участников событий, женщина метнулась к карете. Драчун медленно развернулся к охотнице.

— Мне золочёные аристократические задницы не указ! — пьяно гоготнул он.

Мария почувствовала, как в душе поднимается стена дикой злобы. Даже боль отступила, будто испугавшись багровой волны. Пусть она не в лучшей форме, но подобное не спустит.

Гисберт тоже рассвирепел. Сжав руки в кулаки, он презрительно посмотрел на пьяного. На шее охотника дёрнулась жилка.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь, ничтожество?! — заорал охотник. — Леди Мария — двоюродная племянница королевы!

— Лижи дальше свою холёную потаскуху и не рыпайся, сопляк! — сплюнул хам, набычившись.

Видимо, местный хулиган под действием выпитого совершенно потерял чувство самосохранения, неожиданно отстранённо подумала Мария. Нормальный человек не станет так безрассудно искать противостояния, чреватого ножом в печени или пулей в голове.

Открыв дверь, охотница вышла из кареты, держа за спиной меньшее лезвие Ракуйо. Убивать она не собиралась — лишь сломать нос или челюсть и напугать до отрезвления. Научить уroda уму-разуму необходимо. Увидев выражение её лица, неизвестный потерял спесь, но глупая гордыня не дала ему отступить. Привычно присматриваясь к противнику, Мария с удивлением заметила, что одежду мужчины, не считая плаща, никак нельзя назвать дешёвой. На шее виднелась золотая цепочка.

— Леди Мария, позвольте мне, — попросил Гисберт, кипя от ярости.

Злобно оскалившись, неизвестный вынул двустольный пистолет. Возница испуганно спрятался за карету.

— Это нападение! — нагло крикнул он, наводя оружие на охотника. — Попробуешь тронуть меня — мозги вышибу! Я защищаюсь!

Мария испытала сожаление пополам с нездоровой кровожадной радостью. Дурак зарвался. Просвистевший в воздухе клинок вонзился мужчине в руку. Гисберт молниеносно дёрнулся в сторону, и обе пули прошли мимо.

Любой человек на самом деле гораздо сильнее и быстрее, чем кажется. Даже хрупкая юная девушка может свернуть шею громиле в два раза тяжелее — однако это приведёт к серьёзным повреждениям мышц, трещинам в костях или даже к разрыву связок. Поэтому на человека природой наложено психическое ограничение, не позволяющее мышцам развивать опасное для организма усилие.

Всех охотников учили снимать это ограничение. Их тела подвергались изменениям тайной силой крови. Укрепившиеся ткани легче переносили опасные нагрузки, а ускоренное восстановление излечивало постоянные повреждения. Поэтому охотники могли заставлять работать своё тело на максимуме возможностей, не опасаясь остаться калеками. А в самые тяжёлые моменты помогала нечеловеческая кровь.

Кулак Марии врезался стрелку в челюсть. В костяшках пальцев вспыхнула резкая боль, но противник тряпичной куклой повалился в лужу.

— Не по чину мне кулаками размахивать, — тряся ушибленной кистью, посетовала она.

Женщина в жёлтом хлопотала вокруг светловолосого парня. Тот, простираясь, поднялся на ноги.

— Ээ... спасибо вам, — проблеял белобрысый.

Пока Гисберт разговаривал с жертвами драчуна, охотница осмотрела недавнего врага. Лицо показалось Марии смутно знакомым. На кого-то он похож. На кого? Где она видела похожего человека? Мастерская? Точно нет. Кейнхёрст? Нет. Просто в городе? Вроде нет. Церковь? Возможно.

У мерзавца перелом челюсти, поняла она. Но драчун дышал, и это обрадовало её. Нелепое получилось бы убийство. Ненужное. Нет, Мария не желала убивать людей. Нельзя позволять чудовищу хозяйничать в своей душе. Чем тогда она будет лучше своих жертв?

— Гисберт, скажи им, чтобы позвали врачей, — попросила девушка.

* * *

Карета остановилась у ветхого двухэтажного дома, похожего на длинный амбар с окнами. Здесь жил Гисберт, наотрез отказываясь переселяться ближе к центральным кварталам: свежий ветер с Лунного озера сдувал вездесущую гарь, иногда даря блаженные часы свежего воздуха.

Лунное озеро, на котором стоял Ярнам, не являлось озером в строгом смысле слова: огромный залив соединялся с морем в дальней от города части. Однако водная перемычка шириной всего в километр по воли случая осталась неучтенённой и залив называли озером.

— Гисберт, опять мы приключений нашли. Даже до дома доехать спокойно нельзя, — обессилена вздохнула Мария. — Тебе пора.

— Спасибо, леди Мария, что подвезли. Как вы? — побеспокоился охотник.

— Со мной всё хорошо. Надеюсь, эта история обойдётся без последствий, — понадеялась она. — Мне кажется, что я видела нашего забияку в Церкви.

— Мне сказали, что он младший брат какого-то высокопоставленного церковника, — замаялся Гисберт. — Я тоже надеюсь, что проблем не будет. У вас, думаю, точно не будет.

— В любом случае, он сам напросился. К тому же, у нас есть свидетели, — ободрила его охотница. — Ты что-то хотел спросить?

— По поводу обогрева. Я не успел спросить — нельзя ли обогревать дома и делать другие хозяйственные вещи с помощью тех сил, что используют члены Хора? Это же настоящая магия!

— Понимаешь, те силы, что ты называешь «магией», вовсе не волшебная палочка доброй феи из сказки, — печально покачала головой Мария. — Чтобы использовать их даже на самую малость, необходимо чем-то пожертвовать. Большая часть так называемых «тайных артефактов» — каналы связи с Великими. Отдавая свою кровь или выполняя волю истинных хозяев артефактов, ты можешь надеяться, что сила Великого придёт к тебе на помощь. Подобная сделка может привести к безумию, уродствам, чему угодно — этим созданиям нет дела до человеческих чувств. Они не выполняют нашу волю, нет, хотя многие глупцы в Церкви думают иначе. Они помогают тогда, когда наши просьбы совпадают с их планами, не более. Так что им нет дела до обогрева домов, да и к лучшему это — такое масштабное проявление потусторонних сил уничтожило бы рассудок ярнамитов. Некоторые члены Хора сами обладают некоторыми возможностями Великих — в урезанном варианте. Все они отмечены ужасающими переменами в теле и психике.

— Я понял вас, леди Мария. Не стоило людям во всё это лезть, — горестно прошептал Гисберт. — Прошу простить за настырные расспросы. Счастливого пути и доброй ночи.

После того, как Гисберт скрылся в дверях дома, карета неторопливо двинулась в сторону старого замка.

* * *

Герман, Валлар и Валентайн собрались в охотничьей мастерской. Усталые охотники расселись кто куда. Герман устроился в кресле с высокой спинкой. Валлар сел на ящик со снаряжением. Валентайн развалился в кресле у окна. Разожжённая печь распространяла вокруг волны тепла.

Поленившийся переодеваться Валентайн нёс с собой гнилостный смрад подземелья. Герман сердито посмотрел на охотника.

— Переоденься, — лаконично бросил командир. — А то мы чувствуем себя по уши в болоте.

Поморщившись от резкой боли в раненом боку, Валлар тяжело вздохнул и крепко сжал край ящика.

— Как ты? — увидев состояние товарища, забеспокоился Герман.

— Жив, — просипел тот.

— Нужна моя помощь? — будничным тоном спросил Валентайн. — Отрезать, пришить?

— Иди, переодевайся, — сердито повторил Герман.

Когда через несколько минут Валентайн вернулся, его товарищи сидели на прежних местах. Улыбнувшись, охотник с размаху плюхнулся в кресло.

Неожиданно Валлар охнул и стиснул зубы. Валентайн протянул руку к невысокому шкафчику с медными ручками. Вытащив объёмистую бутылку, он подмигнул Герману.

— Нам надо проспиртоваться, — торжественно поднял он сосуд с зельем. — Тогда всё

пройдёт.

— Что замер? — сердито зыркнул Валлар. — Неси бокалы и наливай.

Горькая настойка обещала унять боль, тревоги и печаль, и охотники от души приложились к бокалам. Зажмурился глазами, Валентайн шумно выдохнул.

— Мне больше всего не нравятся непонятные игры церковных иерархов, — пожаловался он. — Мне кажется, им нет дела до города и людей. Этот Джоул, например. Зачем он хотел убить Марию? Какое чудовище в человеческом обличье околдовало Грубера? Не хочу лезть во всё это. Но того гада прибил, если бы знал.

— Не волнуйся, — в глазах Валлара мелькнули мстительные огоньки. — Мы найдём, кто за этим стоит, и объясним ему, что он сильно ошибся. Мы — команда Германа. Мы должны стоять друг за друга горой...

— Как ты думаешь, кто виноват, кроме Джоула? — полюбопытствовал Валентайн.

— Понятия не имею, — развёл руками Валлар и подлил себе настойки. — Говорят, что Логариус хочет выдавить из околоцерковных кругов всех, кто связан с Кейнхёрстом. Но не думаю, что он стал бы действовать так прямолинейно. Подставить мог бы. Подсылать убийц — вряд ли. Скорее, это кто-то из его учеников.

— Мария видела у него «Зов вовне», — вставил Герман. — Этот артефакт доступен только Хору. Каждый образец подлежит учёту и не выходит за пределы Верхнего Соборного округа без записи в соответствующем документе.

— А не мог ли Джоул просто украсть его? — предположил Валентайн.

— Сомневаюсь, что просто, — не согласился Герман. — Возьми он такую вещь без спросу, началось бы разбирательство. Зачем предполагаемым заговорщикам лишние проблемы? Ставлю на то, что артефакт получили через Логариуса. Вопрос в том, насколько он вовлечён и кто именно подчинил Грубера.

— Кто-то из Хора? Я знаю, что ценой потери человеческого облика и повреждения разума некоторые хористы получили отдельные способности Великих, — выдвинул идею Валлар. — Амигдалы, если труд Миколаша Дворжака не является исключительно порождением больного воображения безумца, способны управлять живыми существами. Даже людьми.

Услышав упоминание Великих, Валентайн поперхнулся. Герман нервно поёжился и покосился на тёмное окно.

— Хор не имеет никакого отношения к этим существам, — покачал головой командир охотников. — Хористам доступны возможности Великой Ибраитас. Я не разбираюсь во всей этой мистике. Но если подозревать тех, о ком ты сказал, следует обратить внимание на Яар'гул.

Яар'гул — так назывался недавно построенный городской квартал, получивший имя на птумерианском языке. Слово яар'гул означало — «сновидец». В нём обосновалось отделение Церкви Исцеления, занимавшееся изучением снов и кошмаров, навеваемых присутствием высших сил. Обособленное и отчасти независимое от церковного руководства, сновидческое отделение жило тихо и незаметно. Таинственный квартал редко принимал посторонних. Такое положение дел сильно раздражало многих церковных иерархов, не жаловавших малоуправляемых и безразличных к внешнему миру сновидцев.

— Стоит. Не обязательно самому обладать тайной силой. Можно заключить договор с Великим. Поэтому одурманивший бедного капрала не обязательно из Хора, — согласился Валлар. — Однако есть «Зов вовне» — артефакт Хора. Да и сновидцы слишком равнодушны

к городским распрям.

— Что будешь делать?

— Поговорю со старыми друзьями из Бюргенверта. Есть немало тех, кто хочет найти управу на Логариуса и ему подобных.

— Я поговорю с Лоуренсом, — нахмурившись, пообещал Герман. — Кто-то явно не понимает, что обязанности лидера подразумевают поддержание порядка среди подчинённых. Лоуренса ослепляют почести, он не понимает, что лизоблюдов нужно гнать от себя как чумных крыс. Иначе теряешь связь с действительностью.

Библиотека замка Кейнхёрст всегда казалась Марии уютным местом. Возможно, самым уютным в мрачном Ярнаме после спальни. Свет люстр, тихие разговоры посетителей и вой ветра за окном убаюкивали. Да, зимой в зале царил дикий холод, а содержание многих книг могло заставить уйти в пятки сердце неподготовленного читателя, но Мария любила библиотеку. Девушка с детства обожала книги и всё с ними связанное.

Верный Ракуйо лежал у оружейника — после всех испытаний его лезвиям требовалась заточка и обработка специальным составом. Охотничье одеяние также попало в ремонт. В ближайшие два дня Мария планировала не покидать замка, чтобы как следует отдохнуть. Даже зажившие раны продолжали болеть ноющей болью.

«Боли фантомные, либо пора становиться осторожнее», — недовольно подумала она, устало прикрыв глаза.

Мария расположилась на втором ярусе зала, заняв кресло в углу. Здесь её скрывали высокие шкафы, и она не беспокоилась, что кто-то начнёт докучать ей скучными светскими разговорами. На коленях у неё лежал толстый фолиант со сложной геометрической фигурой на обложке.

Устроившись поудобнее, девушка раскрыла книгу на заложенной странице и углубилась в чтение.

«О тайне сей ведали старейшины Айилл. Птумерианцы практиковали ритуал зловонного подношения как один из способов прикоснуться к силе Великих. Скверная кровь лишала мудрецов рассудка раньше срока, и кровослужители боялись её. Человек, осмелившийся принять её в себя, должен смириться с тем, что...»

От фолианта её оторвал мягкий голос над ухом.

— Леди Мария, простите мою бестактность, — произнёс высокий человек в чёрно-бордовых одеяниях королевского рыцаря^[6], улыбаясь бледными потрескавшимися губами. — Но я вынужден вас отвлечь: до меня дошли слухи. Возможно, вас они заинтересуют.

Тяжело вздохнув, девушка подняла взгляд на собеседника. Неужели нельзя дать ей отдохнуть? Но этот высокий светловолосый мужчина с аккуратно уложенными волосами входил в число людей, к которым она прислушивалась и которым доверяла.

— Не извиняйтесь, сэр Эрик, — улыбнулась девушка. — Я рада вас видеть. Правда.

— Королева приказала наблюдать за вами, — прошептал Эрик, наклонившись к Марии и заслонив свет. — Её очень беспокоят ваше здоровье и душевное состояние.

— Она считает, что я больная или сумасшедшая? — удивилась девушка.

— Боюсь, я неудачно выразился. Её интересует ваше самочувствие после потери чувств рядом с одной любопытной реликвией из лабиринта, — пояснил он. — Она считает, что вам теперь показана охота на крупных жертв.

Мария ошеломлённо притихла. Теперь она — подопытная в каком-то зловещем эксперименте Аннализы?

— Я вам ничего не говорил, — заговорщицки подмигнул Эрик. — Ещё у меня есть идея, которую я хотел бы с вами обсудить. Если желаете упрочить своё положение, приходите завтра в библиотеку в девять утра.

— У нас общие проблемы, сэр Эрик, я правильно вас поняла? — подняла брови Мария.

— Вы как всегда проницательны, леди Мария, — расплылся в улыбке мужчина.

Мария не очень любила королеву: помешанная на этикете правительница даже родственников заставляла педантично следовать своду сложнейших правил, отвергнутых аристократами всех сопредельных стран ещё в начале века. Сама охотница считала изощрённый этикет нездоровым пережитком прошлого.

Её собеседник с любопытством посмотрел на книгу в руках девушки.

— Любопытный труд, — прокомментировал он, продолжая улыбаться.

— Согласна, — не стала возражать Мария. — Но многие наши родственники слишком увлечённо его читали.

— Избыток знаний при недостатке мудрости опасен, — понимающе кивнул Эрик. — Не зря, когда всё начиналось, мастер Виллем наказывал бояться могущества крови.

— И не зря, согласитесь? — едко усмехнулась охотница.

— Не зря. Но я по-прежнему верю в лучшее, — прикрыв глаза, ответил мужчина. — Мы совершили много ошибок, но зато получили бесценный опыт. Он поможет избежать ошибок в будущем и найти верный путь.

— Эрик, как вы считаете, какова наша главная ошибка? — печально вздохнув, поинтересовалась девушка.

— То, что мы подменили сомнение и опыт верой, а осторожное любопытство слепым поклонением, — резко помрачнел её собеседник. — Не следовало искать себе богов. Верующий обманывает себя и, что хуже, других.

— Знаете, я совершенно с вами согласна, — признала правоту Эрика охотница. — Всё началось с отчаянных учёных, готовых рискнуть ради знаний и блага человечества. Тогда мы тоже совершали ошибки, но с готовностью признать свою неправоту. При всём азарте мы не забывали об осмотрительности. Но, что главное, наш разум оставался свободен от догм. Я поступила в Бюргенверт, когда Церковь ещё не была основана, и помню начало.

— Сейчас же мы склонили колени перед найденными богами и просим у них знаний и силы, вместо того чтобы искать истину самостоятельно, — покачал головой мужчина.

— Мы ждём милости свыше и творим магические обряды, словно дикари. Церковь Исцеления постепенно становится настоящей церковью. Церковью кровавых обрядов и инопланетных демонов, — яростно прошептала Мария.

— Истинно так, — пробормотал он. — Учёные становятся оккультистами и жрецами.

— Эрик, вы же знаете, почему Лоуренс назвал свою организацию Церковью Исцеления? Три тысячи лет назад, в древнем мире, существовал благородный орден врачей, поклявшихся служить лишь одному богу — здоровью людей, физическому и душевному. Лоуренс взял имя того ордена, желая продолжить их дело, навсегда избавить людей от телесных хворей и победить смерть. Во что же Церковь превращается? Куда мы идём?

— Я не знаю, дорогая Мария, я не знаю, — отвернулся Эрик.

* * *

Вокруг плясал кровавый туман вроде того, что окутывал колесо покойного Джоула. Слух терзали яростные вопли потусторонних тварей. По низкому небу бешено мчались багряные облака. Словно одержимые неутолимой жаждой, к небесам тянулись острые чёрные клыки исполинских скал неестественных очертаний. Высоко вверху пылала огромная, подавляющая, безумная красная луна.

Мария дёрнулась, попытавшись освободиться. Тщетно. Тело лишь скрутило приступом невыносимой боли.

Скосив глаза, она увидела несколько потемневших от засохшей крови лезвий, торчащих из её тела. Руки и ноги сковывали массивные цепи. Длинные шипы протыкали голени и запястья, не оставляя шансов вывернуться из оков.

Она лежала на покрытом непонятными письменами алтаре из чёрного камня. Антрацитовая поверхность сочилась кровью. Или это её кровь?

Повинуясь отчаянному желанию освободиться, искалеченное тело начало меняться на глазах. Плоть и кровь вспыхнули ослепительным пламенем и истаяли, превратившись в нечто неопишное. Облако газа, флюида, топорщащиеся десятками бледных дымных щупалец, наполненных призрачным огнём.

Боль исчезла в пламенной вспышке. Марию охватил вырвавшийся из тёмных глубин души дьявольский восторг. Небеса вскипели и осветились лиловым заревом. Прогредел гром.

Отчаянно закричав, девушка проснулась в холодном поту. Голова раскалывалась. Сердце стучало как сумасшедшее, будто норовя выпрыгнуть из груди. Бока ныли пульсирующей болью. Ударившись об изголовье кровати, охотница дрожащей рукой потянулась к графину с водой, стоящему в изголовье кровати. Едва не уронив сосуд, Мария сделала несколько глотков.

За окном лютым волком выл зимний ветер.

Это просто кошмар, твёрдо сказала она себе. При её образе жизни плохие сновидения неизбежны. Нужно забыть и спать дальше.

Сон оказался настолько ярким, что чудовищные образы inferнального пейзажа ещё несколько минут стояли перед глазами Марии. Закутавшись в одеяло, девушка встала и подошла к окну. Остывший каменный пол неприятно холодил ступни.

Явь и сон опасны и негостеприимны. Охотница давно поняла, что мир — опасное и недоброе место. Нет никаких оснований надеяться на хороший исход. Единственная опора — мужество. Единственный надёжный путь — биться за свою правду до последнего и достойно принять вероятное поражение. Надеяться не на что.

Может быть, ещё не поздно сбежать?

Но чего она боится? Смерти?

Мария хорошо помнила свою няню, что ухаживала за ней в детстве. Благообразная старушка казалась примером того, каким должен быть человек на финише жизни. Однако Марии хотелось никогда не состариться. Отчасти поэтому она согласилась на участие в экспериментах с кровью.

Усмехнувшись, охотница подумала, что детское желание наверняка исполнится. Она точно до морщин не доживёт...

* * *

Ранним утром с затянутого плотным облачным одеялом неба снова валил пушистый снег. Ветер стих, и холод почти не ощущался. Суетливые голоса прислуги отражались от древних стен замка. Скульптуры, что украшали внутренний двор, оделись в белые шубы.

Со стороны хозяйственной пристройки ветер принёс аппетитный запах жареных грибов.

Мария вспомнила, как в конце лета заметила в погребке огромный мешок с сушёными грибами. Не они ли это?

Отойдя в сторону, девушка легла на снег. Стылое ложе не слишком уютно, но холод обещал помочь собраться с мыслями.

Почему бы ей не взять и не уехать? Что держит её в обезумевшем городе? Она может уехать к родителям. Полученное в Бюргенверте образование позволит неплохо устроиться. О чудовищах, культе Великих и прочих ужасах Ярнама можно будет забыть как о страшном сне. Даже жажда крови не является непреодолимой проблемой. Сто граммов свиной крови в день усмирят противоестественную потребность, а достать её можно без проблем где угодно.

Вздыхнув, Мария освободила собранные в хвост волосы. Отъезд выглядел благоразумным решением. Но как отделаться потом от мысли, что бегством она предаст своего учителя Германа и всех, кто полагается на неё? Она слишком срослась с Ярнамом. Многие её друзья и родственники останутся здесь, и у большинства из них куда меньше возможностей противостоять угрозам. Она должна остаться, чтобы защитить тех, кто не сможет защитить себя сам. Она должна помочь тем, кто действительно хочет защитить город. Если потребуются, отдать жизнь ради спасения других. Это её долг как Браге^[7]. Плата за почёт и положение.

Дёрнув себя за светлую прядь, девушка зажмурила глаза. Проклятое аристократическое воспитание. Родись она простой горожанкой или крестьянкой, всё было бы намного проще. Она имела бы право заботиться только о своей жизни. Но в неё с детства закладывали мысль, что благородное происхождение налагает определённые обязательства перед обществом. И сбежать в час опасности, когда городу угрожает беда — значит потерять честь и лицо. Это куда хуже смерти.

Королева Аннализа и её приближенные одержимы идеей обретения могущества Великих, как и церковники. Царят раздоры и распри. Покушение на неё лишь крошечный фрагмент общей картины. Люди всё чаще обращаются в чудовищ. Неописуемые кошмары птумерианских лабиринтов поднимаются на поверхность лунными ночами. Знатоки тайного шепчут о скором пришествии безымянного ужаса, зловещего посланника иных миров. Она не имеет права оставить город. Не важно, что ждёт её сама. Нельзя бросать людей наедине с чудовищами и безумцами. Возможно, она погибнет. Пусть даже она переродится во что-то отвратительное. Нельзя посрамить честь и трусливо сбежать, как последний дезертир.

Ещё остались те, кто думает о благе города, а не о эфемерном могуществе и обычной власти. В Хоре, в Кейнхёрсте, в Бюргенверте. Пора действовать. Ярнам надо спасать. Но сначала нужно понять, что именно следует сделать.

Воспряв духом, Мария поднялась на ноги. Откинув назад волосы и отряхнувшись от снега, охотница направилась к внутренним воротам замка. Теперь она не отступит.

Первым делом надо подготовиться. В любом бою главное — подготовка. А впереди много битв. Придётся бороться не только с чудовищами и людьми. Врагами будут умственная слепота, фанатизм, жестокость и безрассудство. Как чужие, так и её собственные.

Галереи и залы замка как всегда встретили её тусклыми огоньками свечей, снующими туда-сюда людьми и эхом множества голосов. Могучие рыцари, прекрасные дамы, умудрённые государственные деятели, закалённые войной полководцы привычно взирали на неё с многочисленных портретов. Среди них встречались и её предки. Она не могла

подвести всех их.

Дама в пышном фиолетовом платье проводила девушку неприязненным взглядом. Мария решила, что ей нет дела до таких недоброжелателей. Пусть распускают глупые сплетни. Репутация в свете — ничто. Глупое развлечение для одуревших от безделья людей.

Пустынная и выстуженная за ночь библиотека встретила Марию тишиной и полумраком. Утром солнце смотрело на другую сторону замка, и ранним читателям порой приходилось заботиться о надлежащем освещении самим. Слуга с короткими жидкими волосами яростно тёр пол у входа, пытаясь согреться. Оглядевшись, она увидела Эрика, устроившегося с книгой в дальнем углу зала.

Две дамы в длинных платьях громко шушукались, стоя у огромного книжного шкафа. Проходя мимо, охотница прислушалась к их разговору.

Сплетни о каком-то Викторе, соблазнившем чью-то жену. Ничего интересного.

Увидев Марию, Эрик отложил книгу.

— Утро доброе, леди Мария, — улыбнувшись, поздоровался он.

— Доброе, сэр Эрик, — ответила девушка.

Усевшись в кресло напротив собеседника, охотница расслабленно откинулась на спинку и закинула ногу на ногу.

— Хорошо, что королева не заглядывает по утрам в библиотеку, — усмехнулся мужчина. — Она не любит, когда кто-то сидит не по правилам этикета.

— Но у нас своё мнение на этот счёт, не так ли? — подняла бровь Мария. — Вчера вы говорили о возможности для меня упрочить своё положение.

Эрик запрокинул голову и посмотрел на висевшую над ним огромную вычурную люстру.

— Да, у меня появились некоторые соображения, — неопределённо ответил он. — Почему люстры не горят? Я все свечи из личного запаса извёл.

— Люди Логариуса жаждут видеть мою могилку, — сказала охотница. — Назревает междоусобица. А чума Зверя угрожает выйти из-под контроля. Ты понимаешь, чем это чревато для города и страны?

— Мы поставим на место распоясавшихся церковников, — уверенно возразил Эрик. — А почему ты считаешь, что проблема чудовищ столь серьёзна?

— Не уверена, что сейчас время для противостояния, — поморщилась Мария, раздосадованная тем, что друг не воспринимает ситуацию всерьёз. — Раньше превращались лишь те, кто принимал порченую кровь. Сами случаи порчи оставались редки. Сейчас каждую пятую партию крови приходится снимать из-за опасности заражения. Происходит что-то странное и пугающее: тщательно отобранная и очищенная кровь пропитывается скверной Зверя прямо перед переливанием. Есть неподтверждённые случаи превращения людей, что вовсе не контактировали с заражённой кровью.

— Не знал, — покачал головой Эрик. — Мне казалось, вы, охотники, успешно справляетесь с проблемой, а случаи обращения редки.

— Церковь старается скрывать размеры происходящего, — вздохнула девушка. — Следы заматаются, но с каждым месяцем ситуация ухудшается.

— А почему, как ты считаешь? Церковники как один твердят о безопасности лечения, — заинтересовался он. — Что нужно делать?

— Я не знаю. Ночной воздух пропитан дурманящим ароматом луны. На последних охотах я чувствовала незримое чужеродное присутствие, — прикрыв глаза, тихо произнесла Мария. — Нужно прекратить переливание всех сортов крови, что хоть раз подвергались

заражению. Организовать карантин и всеобщее обследование населения города. Остановить оккультные ритуалы и провести их тщательное исследование. Я боюсь, что из-за обращения к непонятным нам птумерианским практикам хористы разлили чашу бедствий. В наш мир проникло нечто, чему здесь не место. Это зло погубило наших предшественников. Оно погубит и нас, если мы останемся беспечными.

— Здесь я полностью доверюсь тебе, Мария, — тревожно посмотрел на неё Эрик.

— Помоги мне разузнать, какие крупные ритуалы проводились в Кейнхёрсте за последние два года, — прошептала девушка. — Интересуют сомнительные и совершённые в тайне от Церкви. Одна я попросту не успею разобраться со всем.

— Почему не сама? У тебя есть возможность получить любые сведения. Для тебя здесь нет тайн, — поджал губы Эрик. — А как ты собираешься узнавать о ритуалах Хора?

— Одна я не успею. У меня есть связи в Хоре и старые знакомые в Бюргенверте, но потребуется время, — пояснила Мария. — Почему ты говоришь, что для меня нет тайн? Почему мной интересуется королева?

— Хорошо, я помогу, — кивнул Эрик. — Я сам удивляюсь, почему Аннализа так заинтересовалась тобой.

Слуга уронил большущую стопку книг и кинулся лихорадочно поднимать упавшее. Сплетничавшие дамы зашагали к лестнице на второй этаж.

— Ты думаешь, что первопричина появления чудовищ — не кровослужение, а иной ритуал? — задумчиво спросил Эрик.

— В каждом человеке живёт чудовище, — с горечью ответила Мария. — Но в нынешнем виде кровослужение само по себе не способно дать внутреннему чудовищу власть над телом. Нужен дополнительный ритуал. Все попытки лечить обратившихся кончались неудачей. Почему?

— Хорошо, что мы никогда не превратимся в тварей, — заметил аристократ. — Почему? Вопрос к тебе. Меня учили на чиновника, не на врача.

— Лечение учитывало только кровослужение, а превращение вызвано чем-то другим. Чем? Это мы и должны выяснить, — объяснила охотница. — Ты прав, наши тела не подвержены искажению. Чего не скажешь о душах. Покрытого гнойными язвами и мехом бешеного зверя быстро уничтожат. Чудовище в человеческом облике, способное на рациональное мышление, куда страшнее. Хотя в нашем случае есть призрачная надежда на возвращение. Правда, иногда мне кажется, что я уже алчная кровопийца, желающая лишь новых жертв.

— Ты не чудовище, — успокоил Эрик. — Иначе ты бы не думала о спасении других.

— Я вижу, что всё ближе подхожу к черте, за которой убийства становятся наслаждением и самоцелью. Боюсь опьянеть от крови.

— Ты справишься, Мария.

— Иначе нельзя, — согласилась она. — А что по поводу заговора учеников Логариуса?

— У меня есть улики против них, — раскрыл карты Эрик. — Рассказав всё высшим иерархам Церкви, мы на время собьём их спесь. Устраивая покушения на связанных с королевой людей, они успели наследить.

Перечисленные свидетельства вины приближенных мастера Логариуса не показались охотнице несокрушимыми. Но за неимением лучшего сгодятся и они, решила девушка.

После приятели немного поболтали о пустяках. Всё сказано. Пора приниматься за дело. Кивнув Марии, Эрик встал и быстрым шагом покинул библиотеку.

Бодрящий холод и тяжёлые мысли мешали расслабиться, несмотря на мягкое кресло и разбавляемую лишь шагами слуги тишину. Бросив взгляд на массивный дубовый стол, девушка прочитала названия разбросанных на нём книг. Исторический труд «Династия Кирал». «Геология». «Современное холодное оружие». Старинная сказочная поэма «Тёмные души». Одиозный религиозный трактат «Благодать Смерти».

Но наслаждаться литературным слогом сейчас нет времени.

* * *

Людвиг поморщился, почувствовав на лице колючее прикосновение стужи. Улицы старого Ярнама накрывала зловещая тень клыкастых серых скал, и выпавший за ночь снег не успел даже начать таять. Собравшиеся вокруг охотники методично прочёсывали дома. Раздавались недовольное ворчание церковников и нервные голоса жителей.

В этот раз чудовищ удалось найти и уничтожить прежде, чем погибли люди. Но Людвиг не испытывал радости. Старый Ярнам, в котором когда-то родился он сам, постепенно превращался в настоящий рассадник заразы. Что же здесь не так? Десять обратившихся за две недели!

Вынув из ножен меч, охотник любовался серебристыми отблесками на металле удивительного клинка. Никто так и не понял, чем является его оружие.

Днём меч являлся лишь бледной тенью себя настоящего. Ночью, в лунном свете, клинок вспыхивал чарующей звёздной бирюзой. Казалось, что становящееся полупрозрачным лезвие исторгает незримые журчащие потоки и тихонько поёт в унисон с луной. Эта музыка таила великую силу. Направляла охотника на его нелёгком пути.

Его милая Анна считает, что меч несёт угрозу. Расстаться с оружием? Да, пожалуй, он отдаст меч Анне. Она изучит его и сделает безопасным. Вдвоём они преодолеют всё.

Двое охотников рванули к трёхэтажному дому с забранными коваными чугунными решётками окнами, услышав треск выбитой могучим ударом двери. С диким, нечеловеческим воплем из дверного проёма выскочил тёмный изломанный силуэт.

* * *

На площади Центрального Ярнама собралась шумная толпа. По запутанным улочкам города на площадь стекались зеваки, словно плазма крови к очагу воспаления. Трое оборванцев самым бесстыдным образом залезли на отключенный на зиму фонтан. Потерявшие надежду взять ситуацию под свой контроль полицейские неуверенно топтались в задних рядах. У двери лавки часовщика стоял богато одетый церковник в сопровождении двух охранников. Сидящие на каменной лестнице рабочие курили, передавая друг другу обожжённую трубку. Расталкивая собравшихся, куда-то ломился господин средних лет в потрёпанном пиджаке и цилиндре; дама в сером от копоти платье кричала ему вслед нечто неразборчивое, видимо, желая остановить мужчину.

Посреди толпы возвышался небольшой конный экипаж. Крышу экипажа оккупировал темноволосый молодой парень в расшитом растительным орнаментом плаще. За ночь напало снега, и оратор беспокойно переминался с ноги на ногу: лёгкие ботинки плохо

приспособлены даже для стояния в неглубоком снегу.

— Двор королевы проклят! Наша Церковь не виновата в нападениях чудовищ! Они порождены нечистой кровью нечестивой королевы и её прихлебателей! — надрывно вещал темноволосый. — Королева — великая грешница! Осквернительница крови!

По толпе пронёсся ропот. Раздалось несколько одобрительных выкриков, но их заглушил гнусавый вопль оказавшегося рядом с каретой старикашки.

— Грязный изменник! Нечестивцы — вы! Только благодаря Её Величеству вы ещё не превратили всех нас в куски искорёженной обезумевшей плоти! — завопил старик.

Крупный мужчина бандитского вида попытался схватить старика, но получил болезненный тычок в челюсть от высокого тощего джентльмена с изуродованным длинным шрамом лицом.

Со стороны переулка, выходящего на ведущую к Соборному округу дорогу, появилась женщина в белых одеяниях Хора под охраной сразу трёх охотников Церкви. Левую руку женщины скрывала толстая варежка.

Толпа расступилась, пропуская пришельцев вперёд. Увидев хористку, оратор ступешался, но тут же выпрямился и напустил на себя высокомерный вид.

Оказываясь рядом с женщиной в белом, люди невольно отступали на шаг. В ней чувствовалось нечто неправильное, потустороннее, пугающее. Больше всего нервировало обстоятельство, что женщина свободно ориентировалась без помощи зрения: её глаза закрывала белая ткань. Да и то, что одежда оставалась чистой в городском смоге, вызывало немалое удивление.

Подойдя к экипажу, хористка смерила оратора презрительным взглядом.

— Слезай немедленно, — зло процедила она, и, обернувшись к толпе, выкрикнула: — Слова этого человека — ложь! Я вхожу в Церковный Хор! Королева невиновна! Церковь поддерживает престол!

Зло сплюнув, парень слез с экипажа.

— Вы позволяете себе слишком много, Анна! — прошипел низвергнутый оратор, проходя мимо хористки.

Один из охотников тут же сгрёб паренька в охапку и прижал к стене экипажа. Темноволосый испуганно ойкнул.

— Это вы позволяете себе слишком много. Намного больше, чем мы все можем себе позволить, — яростно ответила Анна. — Убирайтесь отсюда.

* * *

В тихой, пропитанной едкими запахами химических реактивов лаборатории Габриэль прятался от людей. Эти двуногие млекопитающие постоянно приносили ему разочарования и проблемы. Хотя учёный сам входил в число так презираемых им существ, сородичей он не жаловал с юношества и воспринимал общение как неизбежное зло. Коллеги по Бюргенверту считали его безобидным нелюдимым чудачком, и Габриэля это устраивало. Предпочитая письменное общение устному, он мог целыми днями не произносить ни слова. Чтобы сократить число случайных встреч с коллегами, учёный работал в основном по ночам, обходясь без ассистентов. Виллем, директор Бюргенверта, держал недовольство чудачком при себе: Габриэль безропотно и честно выполнял самую скучную и бесперспективную работу.

И стал незаменим для университета.

Кровавые самоцветы. Блёкло-розовые, багровые и алые образования различных форм и размеров. Первые образцы нашли в глубинах подземных городов погибшей цивилизации Птумеру. Позже самоцветы научились выращивать в растворах. Специальная кровь смешивалась с очищенной водой и охлаждалась, после чего добавлялась затравка.

Редкие самоцветы обладали необыкновенными, почти мистическими свойствами. Однако большая их часть не представляла никакой ценности. Правда, иногда предприимчивым лаборантам удавалось тайно продать ювелирам особенно красивые самоцветы.

Габриэль занимался сортировкой и описанием кровавых самоцветов. Скука смертная, сказал бы другой. Но учёный любил монотонную работу. Она умиротворяла его.

Сунув руку в ящик, он извлёк серповидный камень, завёрнутый в коричневую бумагу. Сняв обёртку, Габриэль подставил похожий на осколок красного стекла самоцвет под свет газовой лампы. После настал черёд линейки и весов.

«Тип: серповидный, — пробормотал Габриэль, заполняя лабораторный журнал, — вес — двадцать один и тридцать три сотых грамма плюс минус пять сотых, радиус — пять сантиметров, максимальная толщина...»

Вежливый стук в дверь показался ударом грома. Дорогая Габриэлю тишина разлетелась вдребезги.

— Не отвечать, — тихо приказал себе учёный. — Тогда незваный гость подумает, что здесь никого нет!

Но Габриэль тут же вспомнил, что наполовину стеклянная дверь выдаст его присутствие в любом случае и обречённо вздохнул. Пусть гостя чудовища разорвут...

Гость, а вернее гостья, оказалась молодой светловолосой женщиной с пистолетом на поясе. Дорогой плащ с золотистым шитьём давал понять, что пришедшая явно не страдает от недостатка средств.

— Прошу простить за беспокойство в столь поздний час, — учтиво произнесла блондинка. — Я понимаю, что выбрала не самое подходящее время, но мне необходимо поговорить с вами.

Учёный вспомнил, что где-то раньше встречал эту женщину. Среди студентов? Да, точно. Мария Браге. Что ей надо?

— Что вы от меня хотите, Браге? — с досадой бросил Габриэль, запустив пальцы в длинную неопрятную бороду. — Вы уверены, что именно я вам нужен?

— Да, господин Вебер, — кивнула Мария. — Помните, вы говорили после моего выпуска, что опыты с кровью нужно проводить с великой осторожностью и сетовали на невозможность заставить учёных Церкви опомниться?

— Не помню. Стар я уже, память подводит, — развёл руками исследователь самоцветов.

— Я хочу посылить вам или любому, кто также желает спасти город от последствий рискованных опытов, — выдала девушка. — Я знаю, вы пытались вразумить Лоуренса.

— Мне не нужна помощь и я не собираюсь никого спасать, девочка, — фыркнул Габриэль, мерзко оскалившись. — Уходи.

— Но вы же сами твердили о необходимости прекратить переливание опасных сортов крови и многом другом! — опешила от поведения бывшего преподавателя охотница. — И действительно прошу не грубить. Я вам не девочка.

— Ну что ты можешь сделать? Ты насмотрелась дешёвых театральных постановок или перечитала героических эпосов? — харкнул он. — Прекращай что хочешь. Мне наплевать на город, на Лоуренса и на тебя! Проваливай.

— Значит, вот так, — презрительно скривилась Мария. — Я была о вас лучшего мнения. Вы казались мне разумным человеком, думающим о будущем. И будьте, пожалуйста, повежливее.

— Мне всё равно, что ты обо мне думаешь, — отвернулся Габриэль и шаркающей походкой направился к столу и оставленному самоцвету. — Я скоро сдохну, и не собираюсь ничего предпринимать для предотвращения подобного исхода. Хворь сжирает меня изнутри, и я не против ей отдаться. Вы все тоже скоро умрёте. Только покоя вам не найти.

— Предпочитаете сдать? — ледяным тоном произнесла охотница. — Вы малодушны.

— Ты ещё ничего не понимаешь, девочка. Человек ничего не решает.

— Ничего не решаете из нас двоих вы, потому что решили отказаться от ответственности, — спокойно парировала Мария, обернувшись уже на пороге лаборатории. — Но вы не первый. От всего сердца желаю вам не встретиться с плодами вашего выбора.

Сквозь тёмный провал окна дышала стылая зимняя ночь. Крашенная белой свинцовой краской рама жалобно дребезжала с каждым порывом ветра. Берег озера укрывал саван промозглого тумана. В неверном свете молодого месяца белёсое покрывало казалось гигантским бесформенным чудовищем, выползшим из глубин нечистых вод.

Мария дремала на диване среди по-ночному безлюдного лабораторного корпуса Бюргенверта. Где-то в переплетениях пыльных коридоров и пропахших запахом реактивов лабораторий корпел над кровавыми самоцветами отчаявшийся Габриэль. На первом этаже позёвывал сторож, сонно перелистывая страницы книги.

Во дворе раздались тяжёлые шаги. Окно осталось приоткрыто, несмотря на холода, и зловещий дух ярнамской ночи просачивался в залы университета. Встрепенувшись, Мария осторожно заглянула в окно, приготовившись немедленно отпрянуть в случае угрозы.

Сторожа совершают обход охраняемой местности. Всё в порядке. Не чудовища, не убийцы. Успокоившись, охотница вернулась на диван и устроилась поудобнее. Университет откроется в семь.

Достав карманные часы, Мария присмотрелась к еле различимым в темноте стрелкам.

Четыре часа тридцать две минуты. Можно вздремнуть. Хорошо, что здесь стоят мягкие диваны, подумала она.

В полудрёме явь причудливо переплеталась со сном. Темнота ожила и зашевелилась, словно массивный чёрный спрут. Резко отдавал приказы Герман. Хрипло дыша, Валлар чертил на стене жуткий оккультный символ. Грозно пыша багровым туманом, вертелось колесо покойного Джоула. Израненная женщина в белом пыталась дотянуться до пузыря с бледной кровью.

— Скоро взойдёт луна! — истерично завопил церковник, сверкая налитыми кровью глазами. — О, небеса!

Поморщившись, Мария хотела прикрикнуть на безумца, но тут в окно, обратившееся сочащимся кровью и гноем провалом, ударил мертвенный свет жуткой красной луны.

В её inferнальном сиянии стало видно, что плоть церковника непрерывно шевелится, ежесекундно исторгая десятки тонких щупалец-усиков, вспучиваясь шипастыми присосками и таращась множеством дергающихся будто в припадке глаз.

Вздрагнув, девушка очнулась. Никакой красной луны. Темнота и тишина. Неудивительно при её образе жизни, что воображение, освобождённое от надзора сознания, потчует хозяйку кошмарами.

— Пора уже привыкнуть, — строго сказала себе Мария.

Слова отдались лёгким эхо. Ночёвка в пустом и тёмном университете запросто подкосила бы нервы другого человека; но Мария видела слишком много ужасов, чтобы бояться тишины ночных коридоров Бюргенверта.

Закрыв глаза, девушка снова провалилась в дрёму. Неожиданно сильно проснулось сверхъестественное чутьё. Неподалёку находилось нечто могущественное. Подобное реликвии старого лабиринта.

С чёрных небес, усыпанных неестественно яркими звёздами, сыпался яростный метеоритный дождь. До горизонта простиралась бесплодная ледяная пустыня.

Чёрный смерч, принесённый космическими ветрами. Воронка хищно впивается в

шли величественного города под мёртвой луной.

Изуродованный труп капрала Грубера. Устрашающий вопль кровоглота. Вкус чужой тёплой крови во рту.

Снова проснувшись, Мария ощутила жгучую жажду крови. Пусть сюда придёт чудовище или убийца-заговорщик, лихорадочно думала она, вытирая со лба пот.

От Габриэля уж точно не будет пользы. Может быть, ей стоит...

Ужаснувшись таким мыслям до боли в сердце, девушка залепила себе хлёткую пощечину. Нет, нет, нет и нет! Она не кровожадная хищница! Она не пустит чудовище в душу! Или, в худшем случае, избавит людей от себя прежде, чем начнёт пить кровь невинных.

Изгнав могучим волевым усилием вцепившуюся клещом голодную тварь, Мария быстро уснула.

* * *

— Мария, ты проспичь занятия, — охотница услышала под ухом знакомый голос.

Открыв глаза, она поняла, что давно наступило утро. Кругом сновали сосредоточенные студенты. Перед ней стояла невысокая полная девушка в невзрачном сером платье. Из украшений — потемневшая серебряная брошь с мутным опалом.

Нездоровое, бледное до серости и усыпанное крохотными нарывами лицо бывшей сокурсницы Марии расплылось в приветливой улыбке.

— Мы не виделись, кажется, целую эпоху, — произнесла она. — Мы обе сильно изменились, да? Я очень рада тебя встретить.

— Здравствуй, Ром, — улыбнулась в ответ Мария и жестом пригласила подругу сесть на диван. — Чем занимаешься?

К ним подошла ещё одна девушка. Необычный разрез глаз и желтоватый оттенок кожи выдавал в ней уроженку Востока.

— Скажите, пожалуйста, я могу идти? — застенчиво спросила она.

— Да, Юри, ты свободна, — кивнула Ром. — Только не забудь заполнить журнал.

Проводив девушку взглядом, Ром плюхнулась на диван рядом с Марией.

— Талантливая студентка. Только в этом году поступила, а уже обратила на себя внимание Виллема, — выдохнула Ром и поправила подол платья. — Я сейчас занимаюсь одним очень важным и интересным экспериментом. Но об этом позже. Как ты? Всё ещё сражаешься с чудовищами из птумерианских городов?

— К великому горю, чума Зверя пришла в Ярнам, — помрачнела Мария. — Охота лишь симптоматическое лечение, пока не устранена причина. Я хочу найти в Бюргенверте тех, кому не безразлична судьба города и кто сможет повлиять на верхушку Церкви. Убедить их приостановить рискованные исследования до тех пор, пока мы не обнаружим источник чумы.

Охотница почувствовала облегчение: разговор сразу пошёл в нужное русло. Очень хотелось поболтать на отвлеченные темы и хоть немного расслабиться, но сперва дело.

— Я помогу тебе, — обнадеживающе ответила Ром. — Не ты одна понимаешь степень угрозы, но Бюргенверт расколот. Университет уже не тот, что прежде. Больше нет духа единства, чувства причастности к общему великому делу. Одни, как и ты, видят угрозу

впереди и стараются предотвратить беду. Вторые слепы и видят лишь возможности, забывая об осторожности. Третьим вообще уже всё равно. Виллем потерял влияние. С тех пор как Лоуренс откололся от Бюргенверта со своими учениками, мы мечемся из стороны в сторону, из крайности в крайность.

— В Церкви тоже беспорядок, — поддакнула Мария. — Каждый пытается сгрести жемчуг в свою шкатулку. Интриги, сомнительные ритуалы и пренебрежение здравым смыслом. А тем временем Старый Ярнам скоро придётся закрывать на карантин.

— Есть интересные гипотезы о связи чумы Зверя и существ, называемых Великими, — поведала Ром. — Я сведу тебя с нужными людьми.

Наклонив голову набок, учёная задумчиво посмотрела на охотницу.

— Мы изменились, — констатировала Ром.

— Прошло много времени, — ответила Мария.

— Я о другом, — печально улыбнулась учёная. — Я слышу отголоски силы Великих в твоей крови.

Охотница с испугом посмотрела на старую знакомую. Лучшая студентка Бюргенверта тоже изменилась. И без того нездоровая кожа приобрела мертвенный пепельный оттенок. Синюшные губы шелушились. В потемневших глазах таился космический мрак. Что Ром сотворила с собой?

— Мне случилось иметь с ней дело, — прошептала девушка. — Я вижу, что с тобой тоже что-то произошло.

— Это настолько удивительная история, что я расскажу её чуть позднее, в более уместной обстановке, — ушла Ром от ответа. — Немногим везёт так, как нам. Думаю, я смогу помочь тебе осознать широту новых горизонтов.

Марию передёрнуло от пугающей мысли. Ещё в лабиринте она заметила, что сверхъестественное чутьё заметно прибавило в силе. Потом она боялась прибегать к нему, так как свидетельство начавшихся изменений угнетало. Даже другие видят перемены в ней. Охотница представляла, что обычно приходит вслед за такими способностями.

— Ром, сколько щупалец у меня вырастет? — мрачно усмехнувшись, похоронным тоном поинтересовалась девушка. — Или на первых порах дело ограничится парой лишних глаз?

— Не переживай ты так. Хористы спокойно живут с этим, — попыталась успокоить учёная. — Подумай лучше о том, сколько новых возможностей откроется перед тобой.

— Твои слова необыкновенно утешительны, — язвительно бросила Мария. — Пожалуй, закажу шерстяные носочки для щупалец. Ведь зима на дворе.

Охотница нервно захихикала, представив такую перспективу.

— Проклятье! — звенящим голосом выпалила она. — Возникает желание застрелиться!

— Не надо, пожалуйста, — испуганно попросила Ром. — Всё не так страшно, как кажется. Если тебя пугают внешние изменения тела, есть препарат, тормозящий их за счёт ускорения изменений разума.

— Разве это лучше? — схватилась за голову охотница. — Хорошо, где мне его раздобыть?

— Пошли в нашу лабораторию, — пригласила Ром. — Я дам тебе препарат и докажу, что нам не стоит горевать. Но препарат вполне может оказаться без надобности.

— Нам? Тебе переливали кровь Великого, я правильно поняла?

— Да, но не стоит говорить об этом здесь, — шепнула учёная. — Пошли.

Понурившись, Мария встала с дивана и поплелась за Ром. Почему же она так

подставилась? От саркофага с кровавым сосудом следовало держаться подальше.

Но надежда сохранить человеческий облик есть. Кровь обитателя Кейнхёрста спасает от обращения в чудовище. Члены Хора обращаются в существ, фундаментально отличных от чудовищ. Однако в основе превращения лежат схожие механизмы. Может, ещё рано беспокоиться о том, куда прятать щупальца? А вот со снами придётся как-то уживаться. Почти наверняка это лишь начало. Со временем она поймёт, что значит быть нелюдем в почти человеческом теле.

Миновав коридор и винтовую лестницу с резными перилами, Ром привела охотницу к запертой двери. Звонко щёлкнул замок, и перед Марией открылось обширное помещение, заставленное столами с медицинскими инструментами, разнообразными флаконами и предметами вовсе непонятного предназначения. Несколько кресел. Пара высоких кроватей, видимо, для добровольцев-подопытных. В конце лаборатории стена из металлических листов с мощной чугунной дверью.

— Проходи и чувствуй себя как дома, — сказала Ром. — Превосходное оснащение, не правда ли? Мастер Виллем лично курирует мой эксперимент. По правде говоря, сейчас это единственное, что его беспокоит. Бедный старый Виллем...

— Что случилось с ректором?

— Он смертельно устал от людской глупости. Он стал равнодушен ко всему, кроме знаний. Виллем хочет вознести разум человека до уровня разума Великих, но мы слишком ограничены, слабы, трусливы и косны.

Мария явственно ощущала присутствию в лаборатории чего-то подобного реликвии лабиринта. Ещё один образец крови Великого? Возможно, тем более что Ром подтвердила использование такой крови в эксперименте. Прислушавшись к себе, охотница поняла, что могущественная субстанция находится в большом шкафу с тяжёлым замком, что располагался в противоположном от металлической стены конце лаборатории.

— Начнём? — указала Ром на чугунный заслон. — Я покажу новые для тебя грани реальности.

За дверью находился укромный закуток размером со среднюю спальню. Тусклый свет догорающих свечей с трудом справлялся с неестественно густым мраком. Приглядевшись, Мария поняла, что пол, стены и потолок защищены толстыми чугунными листами.

Войдя следом за Марией, Ром захлопнула дверь. В руках она держала ящичек с плотно закупоренными пробирками. Различных по содержанию, но одинаковых по его отвратительности.

— То, что мы делаем, против правил. В лаборатории должен присутствовать кто-нибудь, кто может последить за нашим состоянием. Но не в наших интересах сообщать об опытах, — рассказала учёная.

— Это безопасно? — неуверенно поинтересовалась охотница.

— Нет, — с готовностью ответила Ром. — Но не более, чем первый раз брать в руки саблю.

Охотница с сомнением посмотрела на бронированные стены.

— Я помогу, — подбодрила Ром, взяв старую подругу за руку. — Мне нужна тыльная сторона ладони.

Из кармана учёной показался миниатюрный, но бритвенно острый скальпель. Спустя мгновение лезвие впилось в кожу охотницы, оставив кровотокающий узор.

Марии показалось, что каждая жилка её тела раскалилась добела и бешено

завибрировала. Ещё немного — и она взорвётся, словно перегретый паровой котёл. Ставшие дрожащими струнами сосуды грозили лопнуть в любой момент. Тихо всхлипнув, охотница упала на колени.

— Теперь заставь кровь петь, как тетиву лука! — потребовала Ром.

— Я! Никогда! Не слышала лук! — прошипела Мария, пытаясь не потерять сознания.

Схватив одну из пробирок, учёная вырвала тугую пробку и высыпала часть содержимого на изрезанную руку охотницы. На долю мгновения Марию окутала желтоватая дымка.

— Ты безумна! — охнула она. — Я сейчас умру...

— Не умрёшь, — отрезала Ром. — Запомнила ощущения? Песок, путешествующий по пустыне. Ты запомнила.

— Больно, — одними губами пролепетала Мария.

Раньше охотница считала, что управляет болью и любая мука ей лишь мелкая помеха. Но то, что происходило сейчас, оказалось хуже рвущих плоть когтей чудовищ и крушащих внутренности пуль.

Скальпель вновь вонзился в кожу, дорисовав таинственный узор до запястья. Охотнице показалось, что в каждой косточке её тела вспыхнуло всепожирающее пламя.

Ром откупорила новую пробирку. На ранки закапала густая чёрная слизь.

— Обжигающий океан огня, опалённый ониксовый остов, — пропела Ром. — Ты запомнила.

Ответом стал нечленораздельный сип.

— Красный камень крови, кровавая капель, — новые надрезы и откупоренная пробирка с отвратительными розовыми сгустками.

Кровь из-под лопнувшей кожи ручьём хлынула на пол. Мария почувствовала, как она вместе с остальным миром превращается в гудящую тучу багрового тумана. Затем пришла темнота, заполненная мириадами тусклых белёсых огоньков, кружащихся в сумасшедшем танце.

Почувствовав прикосновение иглы, охотница разлепила налитые чугуном веки. Ром вколола ей густую тёмно-серую жидкость, вспыхивающую едва различимыми изумрудными и лазурными искрами. Крохотный шприц казался игрушечным, но сила наполнявшей его субстанции ужасала.

Застонав, Мария снова провалилась в спасительное забытье.

* * *

Очнулась охотница на лабораторном столе под капельницей. Окинув мутным взглядом помещение, она увидела свою обувь и вещи, уложенные под соседним столом. У шкафа с химикатами суежилась Ром.

— А я думала, ты на моей стороне, — прошептала Мария. — Теперь я твой лабораторный кролик?

— Неблагодарная ты, — не поворачиваясь, ответила учёная. — Я поделилась с тобой благословением, а ты обвиняешь меня в предательстве.

— Что тебе нужно, Ром? — печально спросила охотница.

— Я хочу, чтобы ты встала рядом со мной на пути к величию, — резко ответила учёная. — Одна я не справлюсь. Ты одна из немногих, у кого есть шанс возвыситься и кто

ещё пребывает в здравом рассудке. К тому же, ты мой друг.

— С друзьями так не поступают, — помотала головой девушка.

— Да полно уже! Используй то, что я тебе дала — и твои враги не устоят перед тобой, — рассердилась учёная. — Что тебе не нравится? Ты сама согласилась!

— Зачем ты ввела мне эту кровь?

— Иначе ты бы провалялась пару недель минимум, — спокойно пояснила Ром.

— Ты понимаешь, что я попросту не усвою столько могущественной крови?

— Усвоишь преспокойно, — обернулась учёная, улыбаясь. — Ты дочь ярнамской знати.

Неужели ты не знаешь, кем являлись твои далёкие предки?

— Дикими северными воинами, — сказала девушка.

— В ряду твоих предков были птумерианцы, — ошарашила Ром. — Птумерианцы — родичи людей, мы произошли от общего предка и неоднократно сходились даже после заката их великой цивилизации. Твой род пошёл от союза птумерианской жрицы, хранившей древнее искусство поглощения жизни, и человека, одного из варварских вождей. Поэтому ты, как и все твои родственники, поглощаешь отголоски крови куда лучше обычного человека.

— Тебе следовало предупредить меня.

— Прости меня, — опустила голову учёная. — Я поняла, что ты начала постигать могущество Великих, как и я, и потеряла голову.

Мария пожалела, что так легко доверилась. Какая же она дура! Теперь пути назад точно нет.

— Обычно люди, прикоснувшиеся к силе Великих, умирают или сходят с ума, — затараторила Ром. — Нам с тобой несказанно повезло. Пойми, мы не должны упускать шанс! Если мы вознесёмся, исполнив мечту Бюргенверта и Церкви, то сможем защитить Ярнам. Только так! Пойми, никакие карантинные меры, никакие запреты на опасные ритуалы уже не помогут! Все эти меры лишь откладывают ужасную развязку! Но встав вровень с Ибраитас и Амигдалами, мы сможем отвести угрозу от людей! Многие обязаны мне, я помогу тебе надавить на Лоуренса. Но это бесполезно, пока мы лишь несовершеннолетние и слабые люди!

Охотница слушала, зажмурившись и вздрагивая.

— Когда придёшь в себя, предлагаю навестить людей, занятых изучением чумы Зверя. Уверена, тебе будет интересно, — выдохнула учёная. — И ты сможешь помочь. Прости за то, чему тебя подвергла. Так было нужно.

Старый знакомый

Хмурая и злая, Мария слезла с лабораторного стола. Ей отчаянно хотелось отмотать время назад, в те далёкие и прекрасные времена, когда в её жизни отсутствовали чудовища, потусторонние силы и вездесущая кровь. Она всем сердцем желала вернуться в то лето, когда перед ней впервые открылись двери Бюргенверта. Чтобы развернуться и отправиться домой.

Ей вспомнился прекрасный яблоневый сад рядом с усадьбой родителей. Какая мягкая и зелёная там трава! И цветы: голубые, сиреневые, белые... В Ярнамском королевстве таких не растёт. Нанятый учитель заставил её выучить их имена на высоком наречии^[8]. Он же давал ей уроки игры на пианино, вопреки её нежеланию садиться за инструмент. Тогда она злилась, но теперь девушка преисполнилась благодарности к старику. Каждый осколок прошлого — драгоценный лучезарный самоцвет в сгущающейся тьме.

Кто знал, что так получится? Судьба играет краплёными картами. Она — величайший обманщик. Мы редко получаем действительно то, чего ожидаем, подумала охотница.

Нахлынула горечь. Как дым от сожжённых тел, как боль в старой ране. Теперь назад пути нет. Она слишком глубоко выросла в Ярнам, и город в ответ пустил корни в ней. Той беззаботной белобрысой девчонки, что зачитывалась медицинскими трудами и словарями забытых языков, лёжа под яблоней, больше нет. Невинной беззаботной души, что от чистого сердца желала добра всему миру, от небесной птахи до копошащейся в траве букашки, больше нет. Бедняжка умерла, того не заметив. Её убили когти и пули, равнодушие и ненависть, холодный расчёт и кровавая жажда.

Что осталось? Теперь она — охотник. Боец, рождённый нечеловеческой кровью давно сгинувшей в песках времени расы. Предназначенный для защиты города от того, что люди сами пригласили на свои улицы. Предназначенный сохранять в тайне великое пренебрежение будущим человечества. Совершенный механизм убийства. Крепнущий с каждой новой жертвой. Кормящийся на смертях. Отвратительный кровопийца.

Кровь властно зовёт дальше. В полную призрачного огня пустоту, где не останется места человеческому. В обитель безумных космических богов. Жизнерадостная и дружелюбная Браге давно погибла, и охотница Мария стала смотрительницей могилы, оберегающей прекрасные, но мёртвые воспоминания. Что придёт на смену смертельно опасной ученице Германа, если она проживёт достаточно долго? Девушка боялась даже задумываться об этом существе.

Домой не вернуться. Потому, что возвращаться уже некому. Всё же жалко, что нельзя вернуться назад.

— Мария, как ты чувствуешь себя? — заботливо спросила Ром. — Что-то ты совсем затужила.

— Я просто думаю о том, как хорошо было бы обратить время назад, — вздохнула охотница.

— Это не по силам даже Великой Кос, — печально улыбнулась Ром. — Да что говорить о ней: чудовищный властитель времени и пространства, скрывающийся за пределами всех миров и измерений, великий страж путей и врат, не способен вернуть прошлое. Можно лишь попытаться вернуть то, что унесла река времени. Время можно заставить течь назад, но настоящее прошлое всегда уходит навсегда.

Мария зябко поёжилась. От резкого порыва промозглого ветра задрезжали окна.

— Но мы можем попытаться изменить будущее, действуя в настоящем, — окончила учёная. — Сама понимаешь.

Пригласив охотницу снова последовать за собой, Ром вывела её из лаборатории и заперла дверь. Сухо щёлкнул замок.

— Наш общий знакомый занимается чумой Зверя, — сказала она. — Он будет рад тебя видеть.

— Дай мне догадаться, — через силу улыбнулась Мария. — Ян?

— Да, — кивнула Ром.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ян Горак в студенческие годы прослыл большим дамским угодником. На последнем курсе он отчаянно старался завоевать сердце Марии. Ранее он настойчиво добивался расположения Ром.

Миновав коридор и спустившись на первый этаж, подруги разминулись с сутулым мужчиной в давно нестираном пальто. Лицо неряхи показалось Марии смутно знакомым. Мужчина шёл, уткнувшись взглядом в пол и бормоча под нос нечто нечленораздельное.

— Кто это? — спросила охотница учёную.

— Не помню. Кто-то из сновидцев, — пожалала она плечами. — Последнее время они зачастили к Виллему. Поговаривают, это связано с рыбацкой деревушкой.

— Деревушкой? — удивилась Мария. — Я думала, сновидцы интересуются кошмарами и грёзами, а не деревнями и рыбной ловлей.

— Они видели в снах путь к затерянной деревушке на противоположном от Бюргенверта конце озера, — понизила голос Ром. — Никто из ярнамитов не знает о ней. Деревню скрывает чья-то могучая воля. Виллем верит, что в ней мы найдём ответы на наши вопросы. Те места озарены величием Матери Кос. Сновидцам открылось, что жители деревни бессмертны и знают недоступные нам тайны Вселенной. Местные обитатели живут рыбной ловлей и выращиванием моллюсков. При этом почти не общаются с внешним миром. Они неподвластны чуме Зверя и знают секрет исцеления от этого проклятия.

Мария хотела расспросить подробнее о странной деревне, но нахлынувшая дурнота заставила промолчать. В глазах потемнело, мир наполнил неразборчивый зловещий шёпот.

Оказавшись на улице, охотница плотнее закуталась в плащ. Мария неприятно удивилась: раньше она куда легче переносила морозы. Тем более, сейчас вовсе не так уж холодно.

Дело не в погоде, поняла она. Произошедшее лишило её самообладания. Хотелось забраться в укромную норку и тихо молиться, чтобы все тревоги и опасности прошли мимо.

Надо собраться, сказала себе Мария.

Пройдя по присыпанной снегом дорожке до лекционного корпуса, Ром повернула на невзрачную тропинку, ведущую к одноэтажному зданию из красного кирпича. Явно недавней постройки, подумала охотница.

— Вот и домик Яна, — указала пальцем учёная.

* * *

Внутренняя обстановка оказалась весьма неожиданной. Комната, что увидела Мария,

миновав прихожую, больше подходила дому состоятельного горожанина, чем научной лаборатории. Отсутствовало химическое и медицинское оборудование, зато на полу лежал пятнистый ковёр. На изящном дубовом столике красовался дорогой фарфоровый сервиз. Богато отделанные напольные часы мерно выстукивали секунды. В тяжёлых шкафах тёмного дерева виднелись ряды книг. На стене висел натюрморт в резной раме. На картине был изображён огромный подсолнух в деревянной миске. Подоконник украшала медная статуэтка уродливой горгульи, покрытая патиной.

— Леди Мария! Ром! — оторвался от чтения стопки исписанных корявым почерком бумаг невысокий мужчина с пышными рыжими бакенбардами. — Я глубоко польщён тем, что вы почтили своим посещением моё скромное пристанище!

— Рада видеть тебя, Ян, — улыбнулась Мария. — Твоя лаборатория весьма необычна.

— В отличие от простаков из лабораторного корпуса, мы понимаем, что открытия рождаются не в немых пробирках, а в умных головах вроде моей, — ухмыльнулся Ян. — К тебе, Ром, замечание по поводу обитателей лабораторного корпуса не относится. Ты талантливейший исследователь.

— Ну а всё же почему у вас нет привычного оборудования? Как искать лекарство без образцов, реактивов и прочего? — удивилась охотница.

— Дело в том, что у нас нет необходимых средств, нет лаборатории, и мы занимаемся изучением птумерианских летописей и трактатов, — понурился Ян. — Ректор безразличен к нашей работе, а глава нашей кафедры считает, что мне вовсе здесь не место.

— Что именно вам не дают делать? — решила попробовать найти выход Мария.

— Названного тобой ранее, — наклонил голову на бок Ян. — Различных материалов вроде образцов крови чудовищ, редких реактивов. Что-то мы делаем в лабораторном корпусе, но обычно там заняты все помещения.

— Ян, расскажи мне подробно о твоей работе и напиши список необходимого, — сказала охотница. — Возможно, я смогу заказать материалы и оборудование через Кейнхёрст.

* * *

Когда Мария вышла из ворот университета, время уже подошло к полудню. Ром оглянулась на высокую ограду и поторопилась назад.

— Мария, дорогая, мне нужно идти. Спасибо большое, что пришла в это нелёгкое время. Я буду рада видеть тебя вновь, — попрощалась она. — Прости меня за то, что я сделала. Пойми, это лучший выбор.

— Сердце подсказывает мне, что лучший выбор давно упущен, — покачала головой охотница, провожая подругу взглядом.

Вместе с Яном они дошли до самой опушки леса. Ветер нагнал тёмные снеговые облака, и с неба падал крупный липкий снег. Мария решила выбрать необычный путь до Ярнама, предпочтя удобной дороге извилистую лесную тропу.

— Надеюсь, вы возьмёте карету? — спросил Ян. — Путь через лес долог и неудобен.

— Я срежу через опушку, — ответила девушка. — Меня ждут на дороге. Конюшня переполнена, и извозчик сообщил, что подождёт за воротами Бюргенверта.

Повисла неловкая пауза. Собеседник Марии явно собирался с духом, чтобы сказать что-

то важное.

— Возможно, мои слова прозвучат глупо и напыщенно, но недели, что я провёл с тобой, вошли в ряд лучших в моей жизни, — тихо произнёс Ян. — Я до сих пор люблю тебя слепо и бескорыстно.

— Я тебя не забыла, — так же тихо ответила Мария. — Но почему ты говоришь это?

— Я знаю, что вы хотите сделать с собой, — процедил учёный сквозь зубы. — Я долго думал, что скажу вам, но сейчас понял, что все мои доводы уже ничего не стоят.

Ян стоял, сжав кулаки и уперев в девушку яростный взор.

— Всё летит в пропасть! — крикнул он. — Виллем учил: «Бойтесь древней крови!». Но никто не внял предупреждению, даже он сам! И что теперь? Женщина, в которую я влюблён, собирается превратить себя в скользкую тварь! Соседи, приглашавшие меня на чай, пытаются меня сожрать! Человек, вдохновлявший меня на пути познания, намеренно сводит себя с ума!

— Я делаю всё, что могу, — бессильно зажмурившись, ответила Мария. — Я тоже не хочу потерять человеческий облик.

— Я боюсь того, чем ты станешь, — пробормотал Ян. — Страшусь того, чем станем мы все. Прости меня. Я беспомощен и разбит, словно корабль, выброшенный бурей на мель. Меня ужасает твоя участь, милая моя Мария, прекраснейшая роза в увядающем саду моей жизни.

Не в силах подобрать слова утешения, девушка крепко обняла друга, коснулась губами его колючей щеки и быстрым шагом скрылась в лесной чаще.

* * *

Лес встретил Марию подозрительным молчанием. Снегопад вскоре сменился стылмым дождём. Царили сырость и холод.

Нещадно ломило левую руку, пострадавшую во время ритуала. Благодаря вливанию целебной крови царапины зажили, но под кожей при каждом движении будто шевелились осколки стекла. Мария пожелала поскорее очутиться в удобной карете.

Больные, иссохшие деревья клонили свои отяжелевшие головы к гнилой земле. Здесь начиналось старое кладбище, на котором похоронили первого покойника задолго до основания Бюргенверта. С тех пор кладбище пополнилось сотнями могил.

Мария не боялась мертвецов и кладбищ. Бояться стоит живых. Труп, неважно чей — человека или чудовища, даже будучи заразным не столь опасен, как живой. Рано или поздно понимаешь, что любой, кто смертен, не так уж опасен в конечном счёте. Каждому найдётся своя пуля. Кладбище — наглядная демонстрация уязвимости смертных.

Вот только Великих не убить, по крайней мере до конца. Уничтожение зримого воплощения разрушает лишь малую часть Их существа. Всё равно, что отрубить руку. Только Великие способны ещё и восстанавливать утраченную видимую составляющую. Потому что Они вне времени, вне жизни и вне смерти. Великого можно лишить силы, но не убить.

Ром права. Мария ужасалась её словам, но не могла не увидеть в них зерно истины. Смертным людям не победить в игре, устроенной Великими. «Чтобы одолеть демона, нужно стать демоном», вспомнила охотница старинную пословицу.

Слишком тихо. Нехорошая тишина. Мария знала, что в самой старой и запущенной

части кладбища среди надгробий и узловатых корней гнездятся змеи. В последний год змеиное племя столь расплодилось, что приходилось истреблять гадов ради спокойствия жителей близлежащей деревни.

Ходила легенда, что в лесу обитает чудовищная змея, размерами подобная мифическому василиску. Самые смелые рассказчики утверждали, что змея выкармливает двух детей человеческого рода, отличных от обычных людей зеленоватым цветом кожи. Но, разумеется, Мария не верила в подобную чепуху.

Местная деревня возникла до того, как у скал поднялся ввысь Соборный округ. Год назад пятнадцать жителей деревни стали жертвами чудовища, и многие из выживших пожелали покинуть место трагедии. Деревня опустела. Вскоре её облюбовали тёмные личности всех мастей. Оставшиеся жильцы зарабатывали на жизнь торговлей краденым и другими сомнительными делами. Простые горожане избегали этих мест: путник рисковал стать жертвой ограбления или побоев.

Но Мария не собиралась идти через лес. Свернув с тропинки, за деревьями она увидела ведущую в город дорогу и одинокую карету. Приблизившись, она махнула рукой извозчику.

— Леди Мария, я уже заждался вас! — всплеснул руками извозчик.

— Извини, Драгош, дела задержали, — вздохнула охотница.

* * *

От тряски Марию потянуло в сон. От всех щелей тянуло холодом. Устроившись поудобнее, охотница решила подремать. Но пугающе обострившееся внутреннее зрение показывало слишком зловещие картины, и сон никак не приходил.

Во влажной лесной почве, точно черви в трупe, копошились отвратительные змеи. Источая яд, они навели ужас на лесных обитателей. Скоро им станет нечего есть, и твари поползут к человеческому жилью.

Это не обычные змеи. Над скользкими тварями словно висела багровая туча. Какая-то сила подпитывала мерзких созданий, заставляя вырастать до исполинских размеров.

Деревья больны. Красивые породы вымирали, оставались лишь великаны с толстой тёмной корой, да и тех с потеплением подточат армии вредителей.

Из старых могил поднимался гнилостный дух. Тлетворные испарения отравляли лесной воздух. От клубящихся в воздухе миазмов сжималось горло.

Жители затерянной деревни, почти лишённые доступа к крови, пропитывались едким воздухом умирающего леса. Их слабые тела просили красной панацеи, как если бы они постоянно участвовали в кровослужениях. Они ненавидели Ярнам, по кусочку поглощающий их лес, и в чернеющих сердцах находили приют змеи.

На головокружительной высоте, у самых хмурых облаков, плясали бесформенные тени, призраки потаённых кошмаров. Наступит ночь, взойдёт луна, и тени спустятся на дорогу, поджидая запоздалого путника, чтобы свести с ума и поглотить без остатка.

Над Ярнамом сгущался красный мрак. Под луной снова прольётся кровь. Чудовища проснутся в людях, и этой ночью страх вновь будет править улицами, подумала Мария.

* * *

Выйдя из кареты неподалёку от Соборного округа, охотница заплатила извозчику и огляделась по сторонам. Шёл холодный дождь, и пустынная улица утопала в лужах. Редкие прохожие торопились скорее забраться под крышу.

Свернув в переулок, девушка быстрым шагом направилась в сторону мастерской Германа. Быстро промокнув, она недовольно жмурилась, когда промозглый ветер бросал холодные капли в глаза.

Закопчённые стены построенных почти вплотную трёх-четырёх этажных домов не пускали вниз дневной свет. Узкие запутанные улочки лежали в темноте. Под ноги попадались мусор и помои. Не все местные дома были снабжены канализацией, и некоторые жильцы избавлялись от отходов по старинке.

Этот район пользовался не лучшей репутацией: здесь располагался известный в городе публичный дом и несколько питейных заведений, известных пьяными потасовками и скандалами.

Завидев впереди знакомую фигуру, Мария немало удивилась. Невысокий худой человек в шикарнейшей, более подходящей официальному мероприятию шляпе быстрыми шагами вынырнул из заваленного хламом переулочка.

— Валентайн! — окликнула девушка охотника, выходящего из двери дома за аляповатой статуей плачущей женщины.

— Здравствуй, Мария. Сейчас ты спросишь, что я здесь делаю, — предрёк Валентайн. — И выскажешься о моём моральном облике.

Охотник выглядел неважно. Красивое правильное лицо осунулось и приобрело нездоровый синеватый оттенок. Когда-то идеально подстриженные усики отросли, превратившись в неопрятные усы. Под большими внимательными глазами залегли тени. На подбородке пробилась щетина. Даже походка стала дерганой и резкой.

— Я не жена или мать тебе, чтобы беспокоиться о твоём моральном облике, — бросила Мария. — Ходишь по распутным женщинам — ходи, это твоё дело.

— Вижу, ты меня осуждаешь, — расхохотался Валентайн, когда охотница поравнялась с ним. — Но что можно сказать про обитателей Кейнхёрста?

В тоне охотника появилось что-то вызывающее, злое. Он и ранее насмешничал и отпускал язвительные колкости в адрес споривших с ним людей, но никогда ранее насмешки Валентайна не звучали как оскорбления.

— Я не стану говорить за всех, но лично я не позволяю низменным страстям управлять собой, — твёрдо ответила Мария, жестом показав короткую дорогу к Соборному округу. — Сегодня служишь похоти, а завтра сдаёшься перед жаждой крови.

— Ты говоришь как одна из церковных лицемеров, — покачал головой охотник. — Плотские утехи умирляют во мне чудовище. В любом случае, человек имеет право на удовольствие. Ничего другого у нас нет. Остальное ценно лишь настолько, насколько приближают нас к блаженству. Согласись, удовольствие — единственная мера блага, принимаемая сердцем.

Черты лица охотника заострились, приобретя неприятное сходство с жертвами заразы Зверя. В глазах блеснул дикий огонёк.

— Может, навечно подключить тебя к капельнице с морфием? Не думаю, что ты желаешь только удовольствий, — отрезала охотница. — Удовольствие побочно. Здесь Лоуренс прав.

— Не надо, Мария, — самодовольно улыбнулся Валентайн. — Не говори, что ты

никогда не искала любви мужчины или не наслаждалась бокалом пьянящего напитка.

— Я никогда не позволяла удовольствию подчинять себя, — сказала она.

— Когда сегодня ночью будешь упиваться кровью очередной жертвы, вспомни мои слова, — усмехнулся охотник.

— Валентайн, я вижу, что ты теряешь самоконтроль, — жестко произнесла девушка, остановив товарища и резко развернув его лицом к себе. — Расскажи Герману. Тебе нужен отдых от крови и наблюдение врачей.

На виске охотника яростно запульсировала жилка. Из горла вырвался тяжёлый хрип. Левое веко задёргалось в нервном тике.

— Что ты понимаешь, избалованная королева! — заорал он, брызнув слюной. — Я вижу, что тебя питает кровь, которая никогда не коснётся моих губ!

Валентайн происходил из семьи зажиточных горожан и тоже никогда не бедствовал. Однако с юности он очень не любил аристократию, считая её паразитическим слоем общества и рассадником пороков. Его всегда раздражали чужие привилегии, реальные и мнимые.

— Ты сошёл с ума, Валентайн? — холодно ответила Мария, посмотрев на того сверху вниз. — Герман требует от меня не меньше, чем от других. Меня никто никогда не баловал. От меня с детства требовали безупречности! Сейчас не время для сословных ссор. Мы охотники. Мы равны.

Валентайн бешено мотнул головой, едва не уронив шляпу.

— Что касается той крови, то, будь моя воля, я бы и пальцем к ней не прикоснулась! — прошипела девушка. — Успокойся! Ты не в себе.

— Допустим, — неожиданно присмирел охотник. — Я просто хочу получать радость от жизни, грозящей оборваться в любой день. Это не много, верно? Не суди меня...

Ночная охота

Заходящее солнце окрашивало городской смог в болезненный оранжево-красный цвет. Тяжёлая, похожая на синяк туча напознала на город, угрожая погрузить лабиринты узких улочек и тихих дворишков во мрак ещё до наступления ночи. Тоскливо завывал ледяной ветер. Под ногами спешащих охотников влажно чавкал мокрый снег. На улицах не осталось прохожих — с пришествием темноты жители Ярнама старались укрыться под защитой мощных оконных решёток и прочных дверей. Хотя Церкви пока удавалось скрывать существование чудовищ от приезжих пациентов, местные давно знали печальное положение дел.

Поёжившись, Мария передёрнула плечами. Её не отпускало пренеприятнейшее ощущение, будто в тених, сгустившихся меж голых деревьев, тянущихся из глухих подвалов и танцующих за рядом уродливых статуй плакальщиц, скрывается нечто живое и опасное. Но стоило подойти поближе и поднять лампу над тёмным местом, как наваждение проходило.

Это просто нервное перенапряжение, сказала себе охотница.

Дорога резко уходила вниз. Ветер бил в спину, пробирая до костей могильным холодом и подталкивая навстречу ужасам ярнамской ночи. Печная гарь, обычный спутник крупных городов, немного рассеялась, но свежим воздух так и не стал.

Услышав позади ругательство, Мария обернулась и быстро оглядела свой отряд.

Гисберт держится молодцом. Внимательно смотрит по сторонам и не болтает. Хороший получился бы охотник. Но Герман рассказал, что новичок подумывает бросить нынешнее ремесло и покинуть Ярнам.

Люциус. Этот опытный и глупостей не наделает. Мария узнала его оружие: в руках охотника лежал тяжёлый тесак-пила^[9], способный легко пробить шкуру большинства чудовищ. Если владелец нажимал рычажок на рукояти, оружие раскладывалось в хлыст, состоящий из десятка гибко сцепленных лезвий.

Ото^[10] со своим нелепым самодельным ружьём, закутанный в потрёпанный серый плащ. Герман недолюбливал Ото, хамоватого и подчёркнуто независимого. Ходили слухи, что Ото хочет собрать свою команду охотников и основать свою мастерскую, независимую как от Церковной мастерской, так и от Германа.

Наконец, церковники Григор и Лорни. Первый, светловолосый и невысокий, в принятом у работников Церкви чёрном одеянии, всю дорогу задумчиво теребил рукоятку пистолета и нервно озирался. Новичок? Она не успела расспросить Германа. Лорни охотница знала по одной из прошлых охот, и отнюдь не с лучшей стороны.

К счастью, новых покушений пока не ожидалось — Ярнам не подземелья Птумеру, и скрыть преступление не получится. Единственная опасность — та, что проснулась с заходом солнца.

Через прореху в облаках пролился призрачный свет. Бледный месяц посеребрил снег миллионом тусклых хрустальных огоньков. В воздухе заструились отголоски неземных песнопений. Резко похолодало.

— Осторожнее, скользко, — предупредил Люциус.

— Наледи по всему Ярнаму нам только не хватало, — проворчал Ото, поправляя пояс с боеприпасами.

— Пахнет луной, — с диковатым блеском в глазах заметил Григор, шумно втянув

ноздрыми воздух.

Здесь начинались кварталы Старого Ярнама. Эта часть города появилась задолго до Церкви Исцеления и сохранила множество образцов старинной архитектуры. Над рядами черепичных крыш возвышалась древняя башня, оставшаяся с тех времён, когда орды варваров с востока осаждали крепость Ярнамор^[11], а самого города ещё и в помине не было. Башню неоднократно реставрировали, и её маленькие окна-бойницы зорко следили за округой. Путнику, оказавшемуся в Старом Ярнаме, казалось, что он перенёсся на три столетия в прошлое: настолько сильный здесь стоял дух старины.

— Кто идёт?! — раздался хриплый окрик.

Навстречу охотникам вышел высокий мужчина в поношенной одежде. В руке неизвестный держал зажжённый факел. Ярнамит выглядел чрезвычайно нездорово: серое, осунувшееся лицо сочеталось с шаркающей походкой и тяжёлым дыханием. За спиной неизвестного стояло трое его товарищей с ружьями и саблями.

— Охотники! — откликнулась Мария.

— Проходите! Пока всё спокойно! — отступил в сторону серокожий.

Стало видно, что остальные трое горожан также не могут похвастаться здоровым румянцем.

— Почему в последнее время здесь стало так много серых? — прошептал Гисберт, подойдя к охотнице.

— Церковь вводила всем желающим кровь, дающую иммунитет к большинству болезней. Но в этой части города живёт несколько старых семей, считающих себя истинными ярнамитами в противовес тем, чьи рода не обитают в этих землях пятьдесят поколений. Считая себя выше, они заключают браки преимущественно с такими же, — начала объяснять Мария. — Неизбежное вырождение привело к тому, что их тела плохо переносят любое кровослужение. Их кровь приобретает пепельный оттенок, а кожа сереет.

— Из-за этого они обращаются в чудовищ? — опасливо оглянулся на человека с факелом Гисберт.

— Пепельная болезнь ослабляет естественную сопротивляемость чуме Зверя, — кивнула девушка.

Над Старым Ярнамом нависали скалы. Если наверху последние лучи ещё пробивались к земле, то здесь царилась ночь. Перейдя через горбатый каменный мостик, Мария увидела группу охотников, направлявшихся к местному храму Церкви. Там хранилась одна из Святых Чаш Птумеру. По неизвестным причинам чудовищ неодолимо тянуло к ней.

— Наш участок — квартал вокруг склада льда, — громко объявила охотница. — Разделяемся на две группы по три человека. Гисберт и Ото со мной. В другой тройке Люциус — старший. Маршрут как планировали, только не забывайте заглядывать в переулки. Есть вопросы?

— Дома осматривать? — спросил Люциус, проверяя пистолет.

— Только при явной необходимости, — ответила Мария. — Больше вопросов нет? Пусть хорошая кровь укажет вам путь.

Вдалеке раздался бешеный рёв. За ним последовали выстрелы.

Мария зажгла лампочку на поясе. Гисберт поймал себя на мысли, что боится отходить от своего командира. В сегодняшней ночи таилось что-то невероятно жуткое. В прошлые охоты это леденящее чувство проявлялось гораздо слабее. Тьма казалась исполинским чудовищем, готовым в любой момент сожрать маленьких дерзких людишек. По спине

новичка побежали мурашки.

— Почему обратившиеся обычно сразу лезут на улицу? — слабым голосом спросил он Марию, желая не столько узнать ответ, сколько надеясь почерпнуть храбрости из её уверенного голоса.

— Думаю, хотят окунуться в ночь. Подставить себя лунному свету, — прошептала охотница. — Поэтому пока улицы патрулируются, жители в безопасности. Даже если обратился твой сосед по комнате, он пойдёт подышать свежим воздухом перед тем как вцепится тебе в глотку.

Именно поэтому гулять по ночам в Ярнаме вдвойне опасно. Можно не только оказаться съеденным, но и попасть под горячую руку охотников.

Гисберт нервно кивнул.

* * *

Снег мягко хрустел под ногами. Ночная стужа превратила лужи в лёд. Закопченные старинные домики выглядели мрачными склепами. Тоскливые завывания ветра в переулках сливались в плач по обречённой человеческой расе. Отзвуки выстрелов изредка разрывали мёртвую тишину. Стоны избиваемых ветром голых деревьев напоминали скрип виселиц. Мертвенно-бледный серп луны презрительно скалился с равнодушных небес.

Порыв ветра принёс ужасающий вопль. Бесконечно злобный, ненасытно голодный. Крик зазубренным лезвием полоснул по слуху и затих на высокой длинной ноте.

— У бакалейной лавки, — коротко бросила Мария.

Взяв оружие наизготовку, охотники пошли на звук.

В центре небольшой площади перед бакалейной лавкой располагался колодец с покосившейся крышей, накрытой снежной шапкой. Справа — тёмный провал переулка, ведущий на соседнюю улицу. Слева — небогатого вида двухэтажный жилой дом. Напротив лавки возвышалась стена склада льда, давно почерневшая от копоти.

Дверь дома распахнута настежь, заметил Гисберт.

На землю полетела склянка с едкой кровью — приманкой для чудовищ.

— Гисберт, назад! — крикнула охотница, увидев, что новичок встал в опасной близости от переулка, отойдя слишком далеко от товарищей.

Вывхватив пистолет, Мария выстрелила в темноту переулка и стремительно отпрыгнула к двери бакалейной лавки. Ото поднял своё нелепое ружьё и всадил пулю в вынырнувший из мрака изломанный силуэт. Замешкавшись, Гисберт попал под яростные удары когтистых лап. Отлетев к стене дома, охотник на мгновение потерял сознание.

Изыязвленную шкуру чудовища покрывал блестящий чёрный мех. Вытянутые челюсти твари ужасали обилием острых как иглы зубов, выросших в два ряда. Из черепа обратившегося торчали уродливые костяные выросты, отдалённо напоминающие недоразвитые олени рога. На боку твари зияла страшная пульсирующая рана. Мария с ужасом поняла, что видит в ране чудовища зубы и два извивающихся языка-щупальца: у обратившегося появилась вторая пасть.

Чудовище приготовилось прыгнуть на оглушённого новичка. Но Оно не сплеховал. Злобно оскалившись, охотник вонзил штык в шею обратившегося.

Издав бешеный вопль, тварь замахнулась лапой, но Оно умело ушёл из-под удара. Мария

сполна воспользовалась замешательством чудовища. Дважды взлетело лезвие Ракуйо, отрубив обратившемуся левую кисть и ужалив под левую лопатку.

Взвыв, тварь бросилась к колодцу. Темноту разорвала ослепительная вспышка, и по чёрному меху побежали ярко-голубые электрические разряды.

Когти чудовища металлически блеснули в лунном свете. За долю секунды до удара охотнице удалось поднырнуть под лапу твари, и когти бессильно полоснули по крышке колодца, оставив пугающе глубокие царапины.

Прогремел новый выстрел. Ото попал обратившемуся в голову, едва не задев оказавшуюся на линии огня девушку. Мозг чудовища брызнул на снег серо-розовыми ошмётками. Но тварь даже не упала.

Разъединив Ракуйо на два клинка, Мария обрушила на чудовище град ударов.

Внутри чудовища танцевало сияние неопишущего человеческим языком цвета, поднимаясь и опадая в такт пульсирующему свисту. Девушка никогда не видела ничего подобного, но ей подумалось, что раньше она просто не замечала всего.

Мария поняла, что теперь видит и слышит каждую жилку своего тела. Чувствует, как пылает и поёт её собственная кровь.

Чудовище отскочило на шаг. Разбитый выстрелом череп твари разделился надвое, очерившись десятками бритвенно-острых зубов. Присев, обратившийся приготовился прыгнуть.

Но охотники снова опередили своего противника. Пуля Ото перебила отродью колено. Сконцентрировавшись на силе своей крови (что оказалось легко как никогда!), Мария сделала резкий выпад, целя в середину грудной клетки врага. Девушка почувствовала, как вспыхнула слепящим пламенем её собственная кровь, как запела текущая по венам и капиллярам красная жидкость.

Вонзившись в изуродованную плоть, лезвие Ракуйо пробило грудину и достало до позвоночника. Когти полоснули девушку по руке, разорвав рукав и оставив длинные кровоточащие порезы, а от электрического удара потемнело в глазах. Уперев ногу во врага, Мария с усилием выдернула клинок и наносила удар за ударом, не обращая внимание на боль.

Победа осталась за охотниками. Тварь рухнула на залитый кровью снег бесформенным изрубленным комком. Отголоски пролитой крови залечили раны.

Глаза нестерпимо жгло. Тому виной яркая вспышка или нечто другое — Мария не знала. От выстрелов Ото и безумного визга противоестественного отродья звенело в ушах. В руку будто вбивали раскалённые гвозди.

Преодолевая боль, Гисберт поднялся на ноги. Осмотревшись, он с облегчением понял, что чудовище мертво.

Посмотрев на себя, он застонал и упал на колени. Вместо правого плеча и половины грудной клетки новичок увидел окровавленное мясо и залитые кровью обрывки одежды. Словно на скотобойне в деревне, отрешённо подумал он.

Тогда он помогал дяде резать жирного борова, и тоже измазался в крови. Теперь всё повторяется, только искромсали его самого...

У Марии оказалось достаточно пузырьков с кровью. Пошла в дело и кровь убитого чудовища. Гисберт выжил, но еле держался на ногах.

— Надо отвести Гисберта в безопасное место и сообщить о происшествии, — сказала охотница.

— В чём проблема? — кивнул Ото на дом с приглашающе распахнутой дверью.

На пороге показалась пожилая женщина в сопровождении поджарого парня с ружьём.

Увидев труп обратившегося, парень нервно ойкнул и вскинул ружьё.

— Вольф! Зачем ты пошёл гулять в ночь охоты? — обескураженно и жалко запричитала старуха.

— Госпожа, соблаговолите приютить раненого? — обратилась Мария к женщине. — Мы заберём его с рассветом.

— Если он не буйный, — неожиданно легко согласилась старуха. — Вольф, почему... проклятая королева-осквернительница... Церковь, защити нас...

Слушая бормотанье женщины, Мария ужасалась тому, насколько глубоко ложь Логариуса проникла в умы горожан. Заражение началось с Церкви! Кровь Кейнхёрста нечиста с точки зрения церковников, но её переливание никогда не приводило к превращению. Зато сколько человек обратилось чудовищами после ритуалов Церкви!

Кем был этот Вольф, что сейчас лежит в снегу омерзительным трупом? Родственник хозяйки или просто постоялец, ставший другом? Кем он работал? Продавцом? Разнорабочим? О чём мечтал? Кого любил?

Охота продолжается. Время для сантиментов наступит после восхода солнца. Им с Ото придётся работать вдвоём. Это опаснее, но лишних людей сейчас ни у кого нет. А чудовища не должны дожить до рассвета.

* * *

Охота на чудовищ шла своим чередом. Едва не пострадали Вилмар и церковная охотница Генриетта, когда нацеленная в чудовище пуля повредила газовый фонарь в одном из домов. К счастью, начавшийся пожар удалось быстро потушить.

В особняке неподалёку от часовни Святой Чаши обратилось сразу четверо. Охотникам пришлось приложить немалые усилия, чтобы уничтожить чудовищ. Одна из тварей вернулась в свой дом и убила двух человек.

Без вести пропал церковный охотник Арнольд. Позже церковники тщательно обыскали местность вокруг часовни, где предположительно исчез охотник, но не обнаружили никаких следов. Позже Герман высказал версию, что Арнольд дезертировал и покинул Ярнам под покровом ночи. Однако Людвиг и товарищи пропавшего резко отвергли это предположение.

* * *

Обернувшись, Ото вопросительно посмотрел на Марию. В полусотне шагов от охотников по улице брёл человек, с ног до головы закутанный в грязное покрывало.

Нет, не человек, поняла девушка, присмотревшись. Обратившийся, всё ещё похожий на человека. Но убедиться необходимо.

Услышав шаги, существо обернулось. Тряпье скрывало очертания лица, но тёмно-серые лапы с острыми чёрными когтями не оставляли сомнений.

Коротко взвывая, тварь попыталась убежать, но тяжёлая ружейная пуля сбила её с ног. Подняться ей уже не позволили: острейшее лезвие Ракуйо отделило голову от тела.

— Первый раз вижу, чтобы отродья пытались сбежать, — покачал головой Ото.

— Не все чудовища уверены в своих силах после превращения, — ответила Мария.

Что испытывает обратившийся человек? Думает ли о чём-то? Осознаёт ли происходящее с собой? Или жажда крови без остатка поглощает всё человеческое? Мария не знала.

Цепочка освещённых лунным светом следов вела за поворот, на одну из узких улочек.

Та улочка входила в маршрут патрулирования отряда, возглавляемого Валентайном. Но на всякий случай одним глазком заглянуть туда следовало.

Следы обрывались у запертой двери. Из зарешеченного окна справа от двери лился свет и доносились отголоски невнятных криков. Заглянув в него, Мария увидела страшную картину.

Обратившийся наподобие только что убитого яростно бился и дёргался, пытаясь вырваться из пут. Толстые кожаные ремни с трудом выдерживали ярость чудовища. Худой мужчина с болезненно-серой кожей стоял на коленях посреди комнаты и шептал молитву пересохшими губами. Нескладная девочка лет двенадцати в отчаянии сжимала рукоять топора. Мальчик лет пяти рыдал в углу, сжавшись комочком.

— Впустите! Церковь Исцеления! — выкрикнула Мария, постучав в окно.

Мужчина откликнулся не сразу. Посмотрев человеку в глаза, охотница похолодела. Что же мы наделали, горько подумала она. Проклятая кровь...

— Уходи! — прохрипел человек.

Это его жена, с ужасом поняла охотница.

— Адель я вам не отдам! — мужчина приблизился к окну. — Уходи!

— Образумьтесь, она убьёт вас! — выпалила Мария, видя, как ужасное существо в рваной женской сорочке забилося с удвоенной яростью. — Ото, ломай дверь!

— Нет! Прочь! — возопил человек и разрыдался.

Ремни не выдержали. С резким треском рвущейся кожи чудовище освободилось. Рывок — острые зубы впились в горло девочки. Мужчина даже не попытался сбежать или защититься. Его очередь настала следующей. Мальчик умер последним. Плотно рыкнув, существо принялось жадно пожирать своего ребёнка.

Наконец, Ото удалось открыть дверь, вышибив замок выстрелом. Охотники ворвались внутрь.

Тварь попыталась уйти от меча, отпрыгнув назад, и упала, обрушив на себя гору домашней утвари. Клинок полоснул чудовище по горлу.

Перед смертью в глазах существа блеснул страх, а уродливая мохнатая морда приняла почти человеческое выражение. Чудовища — люди, просто сбросившие что-то, что мешает нам пожирать друг друга в открытую, пришла в голову Марии странная мысль. Тёмные чары заражённой крови не превращают, а лишь освобождают то, что тихо спит в глубине нашего естества. Потаённый тёмный инстинкт. Первобытную суть жизни, состоящую в поглощении всего и хаотическом росте.

— Вот гадство! — плюнул Ото. — Трое погибших!

Мария промолчала. На душе у неё было погано.

В доме не оказалось больше ни одного живого человека. Вырезав на двери поперечный крест, охотники удалились от ставшего могилой целой семье дома.

Месяц заволокло облаками, и стало совсем темно и безрадостно. Достав часы, Мария посмотрела время. Три часа ночи. Впереди ещё несколько часов мрака и кровопролития.

Маршрут патрулирования проходил мимо ворот, ведущих на пустырь перед кварталом Яар'гул. Ворота держали закрытыми, и прямо перед ними дворники нагребли огромную кучу снега.

Спину укололо острое чувство опасности. Выхватив Ракуйо, девушка настороженно осмотрелась. На первый взгляд ничего подозрительного.

Ото поднял ружьё и приготовился встретить новую опасность. Но угроза не спешила проявлять себя.

— Я ничего не заметил, — тихо прошептал охотник.

Мария и сама не могла понять, что же заставило её насторожиться. Неясное тревожное предчувствие только усилилось. В воздухе парили отголоски неземной песни закрытой облаками луны. Сама темнота будто дышала невообразимой, древней злобой. Потянуло жутким космическим холодом, не имеющим никакого отношения к стылому зимнему ветру и огромному сугробу.

Со стороны охваченного чумой Зверя старого города двигались два странных и жутких объекта. Они напоминали огромные капли крови, каждая размером с туловище человека. Они парили в метре над землёй, колеблясь и дрожа. Зависнув в двадцати шагах от охотников, «капли» выпустили сотни тонких щупалец-усиков и потянулись к напуганным людям.

Мария никогда не видела ничего подобного. За «каплями» чувствовалась могучая, злобная воля, своей мощью превосходящая пределы человеческого воображения.

Грохнул выстрел, затем ещё один — ружьё Ото отличалось удобством перезарядки. Но пули не причинили вреда сверхъестественным созданиям.

Охотники поняли, что путь к бегству отрезан. Красные усики перекрыли улицу от дома до дома.

— Мария! — побледнел от страха Ото. — Мы прогневили Великих!

К счастью, Мария хорошо помнила уроки, полученные много лет назад в Бюргенверте. Пузырька с достаточно сильной кровью под рукой нет, но чем хуже своя собственная? Вот «подарок» Ром и сыграл на руку, подумала она.

Выдохнув, Мария резанула себя Ракуйо поперёк руки ^[12]. Подгоняемая бешено бьющимся сердцем, кровь тонкой струйкой лилась на снег. Понимая, что ошибка скорее всего будет стоить ей жизни, девушка принялась выводить защитный знак.

«Капли», превратившиеся в переплетение тысяч алых нитей, подбирались всё ближе. Ото опустился на колени и шептал молитву в честь Великого Идона. Кровавый знак обретал законченность. На снегу темнела кривая пятиконечная звезда с глазом в центре. Вертикальный зрачок глаза изгибался, точно язык пламени.

Завершив символ, Мария отступила к сугробу и бессильно повалилась в снег. Ей казалось, что её внутренности затягивает безжалостный вихрь. Но ритуал сделал своё дело. Потусторонние создания отпрянули назад, будто медузы, отброшенные морской волной, и, налившись угольной чернотой, бесследно растворились в воздухе.

Застонав, Мария привсталала на локте. Девушку тут же вырвало желудочным соком. Отплевавшись, она села и достала бинт из поясной сумки. Руку надо перетянуть. Сейчас она слишком ослаблена, чтобы рана закрылась прежде, чем кровопотеря станет опасной для

жизни.

— Великие, пощадите нас, — дрожал Ото, даже не пытаясь поднять уроненное ружьё.

Бесстрашный на охоте, Ото смертельно боялся прямых проявлений могущества Великих. Произошедшее ошеломило его, приведя в совершенно беспомощное состояние. Увидев сломленного духом товарища, Мария заставила себя собраться. Она в ответе за Ото, как за подчинённого.

— Ото, подними ружьё и прекрати причитать! — рявкнула она. — Помоги встать.

Вздвогнув, охотник принялся помогать девушке. Ноги держали её с трудом.

— У тебя есть пузырёк с кровью? — прошептала Мария и, приняв живительное лекарство, добавила: — Надо доложить о произошедшем. Будь проклято всё это...

* * *

В лучах восходящего солнца старый город выглядел не так зловеще, как ночью, но столь же безрадостно. Мрачные охотники грузили в повозку тела убитых чудовищ. Часть трупов пойдёт на исследования Церкви, часть сожгут в городском крематории.

Мария, понурившись, сидела на лавочке рядом с Германом. Командир вполголоса беседовал с одним из заместителей Людвига. Охотник выглядел донельзя уставшим и печальным.

— Герман, можно отойти? — спросила девушка. — Я хочу поговорить с Гисбертом.

— Конечно, Мария, — кивнул тот.

Девушка чувствовала себя просто отвратительно. Происходящее в городе перешло грань, за которой кончаются какие-либо оправдания для виновников беды. Никакая эволюция в богоподобных сверхсуществах, никакое бессмертие, никакие знания не стоят творящегося ужаса.

Она не пыталась оправдать себя. Мария понимала — у неё своя доля вины. Остаётся лишь пытаться хоть что-то изменить.

Но что если судьба Ярнама и её собственное будущее уже предрежены? Как умелый игрок предсказывает ходы неопытного соперника и строит партию по своему желанию, так и их судьба может оказаться решённой. Открытие древней крови, создание Церкви, распространение заразы, эксперименты по возвышению человека до уровня Великих... ходы в игре? Люди — пешки, некоторым из которых ради забавы, возможно, дадут шанс пробиться в ферзи?

Мария так глубоко погрузилась в мрачные раздумья, что столкнулась с спешащим церковником. Извинившись, она нашла взглядом экипаж с пострадавшими. Скоро он уедет в Соборный округ. Там раненым окажут первоклассную помощь.

Раненый охотник лежал на носилках, рядом с другими ранеными. Вокруг хлопотали врачи Церкви. Увидев Марию, Гисберт осторожно повернул голову. Навестить пострадавшего также пришли Люциус и Валентайн.

— Я жив, — глуповато улыбаясь бескровными губами, прошептал он.

— Ты в порядке? — бросил Валентайн, уставившись в потолок пустым взглядом.

— Не совсем, но говорят, что быстро поправлюсь, — ответил тот.

— Валентайн, а ты в порядке? — тихо спросила Мария.

Врач Церкви, увидев охотников, не на шутку разозлился.

— Убирайтесь отсюда! Раненым нужен покой! — гаркнул сутулый мужчина с неряшливыми рыжими усами. — Вы мешаете работать.

* * *

На обратном пути в мастерскую Валентайн поравнялся с Марией и продолжил начатый прошлым днём разговор.

— Ну как, тебе доставило удовольствие убивать вновь? — жестоко ухмыльнулся охотник. — Честно.

— Нет. Раньше иногда нравилось, но в этот раз ничего, кроме отвращения, — честно ответила девушка.

— Не верю, — покачал головой Валентайн. — Хотя ты странная охотница. И от кровавых клинков отказалась, хотя о них половина мастерской мечтает. У тебя есть возможность занять такие, я знаю.

Валентайн снова ухмыльнулся, но на этот раз гримаса казалась призванной скрыть досаду.

— Мария, почему ты отказалась от кровавого клинка?

— Зачем оружие, которое пьёт кровь владельца? — пожала она плечами. — Да, за счёт своей особой силы они наносят больше вреда противнику при нанесении удара. Но за счёт ослабления владельца. Бойца, постоянно ослабляющего себя ради шанса быстрее победить врага, можно одолеть просто потянув время. Не хочу ставить себя в столь уязвимое положение. К тому же, подобное оружие разжигает жажду убийства.

Продолжать разговор не хотелось. Вымученно улыбнувшись, девушка ускорила шаг.

По улицам спешили горожане. Раздражённо ржали сонные лошади. Громко ругался наступивший на конское яблоко паренёк.

В Соборном округе часы гулко пробили девять. В Ярнаме наступил новый день. Кошмар отступил до следующей ночи.

Поднявшись на одну из высочайших башен Соборного округа, Мария окинула взглядом открывшуюся перед ней величественную панораму. Вокруг, подобно гигантским сталагмитам, к небу вздымались шпили храмов Церкви. В низине в стороне от архитектурного ансамбля бросалось в глаза исполинское дерево. Гиганта посадили четыреста лет назад в честь победы Ярнамского королевства над захватчиками-южанами по приказу давно почившего в могиле короля. Дерево относилось к почти исчезнувшей породе марламан^[13]. Церковные служащие, следящие за состоянием квартала, говорили, что дерево больно и опасались его гибели.

Перейдя через мостик и поднявшись по винтовой лестнице, девушка очутилась в небольшой зале. На страже тяжёлой металлической двери, разукрашенной сложным геометрическим орнаментом, стояло трое мрачных охранников.

Увидев Марию, один из них недовольно поморщился.

— Вам нужно в Хор? — осведомился он. — Нам приказали не пускать никого, кроме действительных членов Хора и остальных, кто здесь работает.

— У меня есть приглашение, — произнесла Мария, подавив раздражение.

Посмотрев бумагу, охранник почесал нос и хмыкнул.

— Приглашение подлинное, — кивнул тот. — Но вам придётся сдать оружие.

Сзади раздались шаги. Одетая в дорогое платье девушка показалась Марии смутно знакомой. На шее пришедшей висел красивый золотой медальон. Носительница медальона выглядела совсем юной — не старше двадцати. Охотница почувствовала, что пришедшая действительно очень молода, а не подвергалась омолаживающим процедурам. Но обосновать своё ощущение она не могла.

— Леди Амелия, — уважительно поклонился охранник.

Расставаться с Ракуйо и пистолетом Марии очень не хотелось. Без верных помощников и защитников она почувствовала себя голой и незащищенной. Спрятанный в сапоге нож охотница сдавать не стала.

— Мы вернём всё в целостности и сохранности, когда вы покинете Верхний Соборный округ, — пообещал охранник.

Хор располагался в комплексе зданий, возведённых в самой высокой точке города. Устроившись у вершин закрывающих город с противоположной от озера стороны скал, адепты Хора могли спокойно предаваться своим таинственным занятиям. Даже воздух здесь обычно оставался свежим: дым тысяч печей обходил Верхний Соборный округ стороной. Достойное обиталище для тех, кто желает вознестись к небесам.

Большинство простых горожан никогда не заглядывали в обитель Хора. Кроме того, что Церковь Исцеления старалась не допускать непосвящённых к своим тайнам, сами горожане боялись приближаться к Верхнему Соборному округу. Да и сами хористы, часто отмеченные ужасающими изменениями тела, не любили без серьёзного повода покидать пределы своего убежища.

Шагая по мосту, ведущему к высоким воротам Хора, Мария поняла, что замечает и чувствует намного больше, чем ей хотелось бы. Разлитые в воздухе отголоски тёмных песнопений зачаровывали и увлекали в далёкий бессветный край. Ей показалось, что она медленно дрейфует по ледяным водам северного моря на огромном корабле, полном

мертвецов. С беспросветно-чёрного неба сыпал яростный метеоритный дождь. Вспыхивая белым пламенем, осколки небес бесславно испарялись, не долетая до бушующих вод. На корабль налетали высокие пенные валы, угрожая перевернуть и утянуть в пучину. Но капитан умер и превратился в гнилой смердящий труп, а она не умеет управлять кораблём.

Небо что-то шепчет ей. Слова утешения или упрёка — не разобрать.

Сбросив наваждение, Мария вошла в гостеприимно открытые ворота.

Тонущие в голубоватом полумраке залы встретили девушку перешёптыванием многих голосов. Среди высоких колонн плавали таинственные белые силуэты адептов. Огоньки свечей казались звёздами, затерянными в космической пучине.

Местные обитатели словно и не заметили появление гостьи. Но Мария чувствовала, что на неё направлено бдительное внимание. Просто хористы слишком заняты, утомлены заботами и погружены в себя, чтобы поприветствовать её обычными способами.

Мимо прошествовал невысокий хорист в длинной мантии. С бледно-синего лица тарасились девять глаз.

Слуги старались делать свою работу в отсутствие хористов. Облик многих искателей тайных знаний мог напугать непривычного человека до полусмерти. Поэтому почти все присутствующие здесь принадлежали к высшим кругам Церкви Исцеления.

Поднявшись по скрытой тенями лестнице, Мария увидела женщину в обычной для членов Хора белоснежной одежде. Вместо пальцев на левой руке у той извивалось восемь гибких щупалец. Глаза скрывала повязка.

— Я рада, что ты пришла, Мария, — сказала хористка. — Признаюсь, я не рассчитывала.

— С тех пор, как я изучала птумерианские лекарства под вашим руководством в Бюргенверте, прошло много лет, — ответила охотница. — Но я обязана вам. И ваше приглашение — честь для меня.

Хористка небрежно пошевелила щупальцами.

— Зови меня на «ты». Я Анна, ты — Мария, не нужно официоза. Мы все равны перед оком Космоса, — вымолвила она. — Пошли в мой кабинет. Все в сборе. Предстоит долгая беседа.

Коридоры Хора напоминали волшебный лабиринт. Над каждой дощечкой дорогого паркета словно витал морок, путающий и скрадывающий очертания предметов. Охотница с затаённым испугом подумала, что вряд ли без затруднений найдёт обратную дорогу.

Отперев красивую застеклённую дверь с ажурной ручкой, Анна пропустила охотницу вперёд.

— Заходи и чувствуй себя как дома. Здесь мы в безопасности — до поры до времени, — произнесла она загадочную фразу. — Я поддерживаю связь с Бюргенвертом и узнала о твоём визите в старый университет. Мы стремимся к одной цели и можем стать надёжными союзниками друг другу.

Во мраке кабинета льдисто блестели стёкла шкафов. На массивном столе книги соседствовали с стопками бумаг и пишущими принадлежностями. На углу стояла коробка, набитая пузырьками с таинственными жидкостями и упаковками желтоватых таблеток. В шкафу напротив двери нашло убежище целое войско сложнейших приборов, многие из которых выглядели для Марии неизвестными.

Кроме них двоих, в комнате находилось ещё пять человек.

Лицо устроившегося в мягком кресле скрывали пропитавшиеся жёлтым гноем бинты.

Незнакомец нервно стучал пальцами по подлокотнику.

На простом деревянном стуле у шкафа сидела Ром. Увидев Марию, она приветливо улыбнулась.

У стола стоял Валлар, крутя в пальцах нечто, похожее на кусок слюды. Охотница удивилась, встретив здесь коллегу. Впрочем, разве не все ярнамские знатоки тайного так или иначе связаны с Хором?

Оставшиеся двое явно входили в Хор. И если расположившийся рядом с Ром внешне ничем не отличался от обычного человека, то второй внушал своим обликом отвращение и ужас: вместо головы у него росло причудливое образование, похожее на серый гриб-строчок.

— Не ожидала снова меня встретить? — подмигнула Ром. — Признаюсь, меня привезли едва не насильно.

Закрыв дверь, Анна указала Марии на свободное кресло, и уселась во главе стола.

— К сожалению, многие из тех, кого я хотела бы видеть, прийти не смогли, — начала хористка, положив руки на подлокотники. — Но время на исходе, и мы должны действовать. Валлар прав, проблему нужно решить в течение ближайших недель, любой ценой. Иначе либо в городе произойдёт восстание, либо всех просто сожрут. Уже начались первые беспорядки.

— Не говори: «любой ценой», если не знаешь, какая цена может быть назначена, — отрезал Валлар. — Но, в-общем, ты права.

Охотница озадаченно уставилась на Анну.

— Ты удивляешься, почему я доверяюсь тебе, хотя мы не виделись много лет? — хористка не улыбнулась, но в голосе мелькнула добрая ирония. — Игры в секреты и заговоры устраивают люди, стараясь взять верх друг над другом. Логариус и Её Величество ведут негласную войну, и люди недалёкие и неосведомлённые думают, что эта борьба что-то значит. Но судьбу Ярнама решит иное противостояние. И враг — не человек.

— Да и секретов у нас нет, — кивнул Валлар.

— Логариус — жалкий недоумок! — каркнул забинтованный. — Он считает Анну своим врагом, так как она пытается наладить сотрудничество с королевой.

Мария вспомнила этот голос. Он принадлежал учёному, что протянул ей сосуд с кровью Великого в птумерианских подземельях. Но что случилось с беднягой?

— Я знаю, что зло, о котором пойдёт речь, призвано не злой волей, а выпущено беспечностью и безответственностью, — горько произнесла хористка. — Логариус будет мешать, но мы должны действовать вопреки всем препятствиям. Я так и не смогла его переубедить. Он слишком самоуверен и слишком любит подозревать других в обмане.

— Ты говоришь о Чуме Зверя? — спросила Мария, напрягшись.

— Я говорю о её источнике, о силе, что оскверняет святую кровь Церкви, — Анна пристально посмотрела охотнице в глаза. — Ты слышишь музыку луны тёмными ночами, когда люди оборачиваются зверями?

— Слышу, но я не знаю, что является источником, — замотала головой охотница, припоминая ночи, полные крови и чудовищ. — Что ты имеешь в виду? Разве не может кровь изначально содержать порчу?

— Мы пока не знаем, — сказал забинтованный. — Но есть догадки. У нас полный воз догадок!

— Перечислю вопросы, что обещают указать путь к истине, — Анна коснулась щупалец нормальной ладонью. — Чем чудовище отличается от человека? Или, иначе, что меняется в

обратившемся человеку, если смотреть в суть? Как чистая кровь становится осквернённой? Почему скверна Зверя стала проникать в кровь людей, не подвергавшихся переливанию испорченной крови? Как происходящее связано с луной, с ночью?

— Птумерианскую цивилизацию погубило то же зло, — проскрипел забинтованный. — Погибнем и мы, если не перекроем источник заражения.

— Я не могу назвать себя абсолютно сведущей в данной материи, но думаю, что нужно искать следы ритуала, — неуверенно протянула Мария. — И я, и ты, Анна, отличаемся от обычных людей. Причина — ритуалы кровослужения, проведённые определённым образом и с особой кровью. Чудовища также являются изменившимися людьми.

— Верно, — одобрительно кивнула Анна. — Но ритуал, вызвавший из небытия погибель Птумеру, невозможен без невероятно сильной крови. Чистой крови Великого.

— Без ответа остаётся вопрос: почему заражение распространяется так быстро и легко поражает очищенную кровь? — поинтересовалась Ром. — Не может же предполагаемый ритуал проводиться над каждым обратившимся и над каждой каплей порченной крови?

— Вот тут и нужна ты, Мария, — охотница спокойно встретила суровый взгляд Анны. — Твоё сердце носит по венам кровь наследницы одного из могущественнейших родов птумерианской расы, смешанную с кровью Великих. Даже моя кровь уступает твоей. Ты одна из немногих, кто способен сделать нужное.

— Это так. Ты можешь оказать нам неоценимую помощь, — склонила голову Ром.

— Что я могу сделать? — покосившись на конвульсивно дернувшегося забинтованного, спросила Мария.

— Ты сможешь почувствовать следы ритуала и изучить их, если выйдешь за грань привычной действительности, — Анна указала на больного. — Сновидцы Яаар'гула помогут, мой друг сведёт с нужными людьми.

— Я провожу тебя, — кивнул забинтованный охотнице и протянул ей стопку бумаг. — Ты разбираешься в снах и кошмарах?

— Только сначала тебе, — Анна жалостливо посмотрела на тяжело захрипевшего забинтованного, — нужна медицинская помощь. А мы с Марией должны подготовиться и разобраться, что конкретно придётся искать и с чем столкнуться.

— Нет, я в порядке, — сипло выдохнул больной.

Мария подняла руку.

— Я плохо понимаю, что вообще происходит, — призналась охотница. — Меня неожиданно пригласили в Верхний Соборный округ. И здесь собрались люди, которых я не ожидала увидеть в одном месте. И меня, не введя в курс дела, собираются отправить непонятно куда и непонятно зачем! Я вижу, что здесь собралась весьма достойная публика, но...

— Валлар, разве ты не рассказал всё Марии? — удивлённо уставилась на охотника Анна.

— Я хотел сделать это после того, как она рассуждала о необходимости остановки кровослужений, — начал оправдываться мужчина. — Но не успел. Зверь снова поднял голову в Старом Ярнаме.

— Значит, именно ты сейчас и будешь просвещать Марию, — повелела Анна.

Охотник недовольно поморщился.

— История нашего маленького заговора началась с того, что Анна, как и ты, поняла, что Лоуренс не воспринимает угрозу чумы Зверя всерьёз. Это произошло вскоре после начала

череды обращений в Старом Ярнаме. Анна занимается изучением языка Великих, и смогла заподозрить неладное, услышав их «разговоры». Глава нашей Церкви до сих пор уверен, что с распространением новых сортов целебной крови проблема уйдёт в прошлое. Лоуренс полагает, что прекращение кровослужений лишь увеличит число обратившихся, и считает, что причиной обращений является плохая очистка и повышением мастерства служителей Церкви можно всё исправить.

— Чудовищная слепота, — пробулькала адепт с грибообразным выростом вместо головы.

— Попрошу не перебивать, — сердито бросил Валлар и продолжил. — Анна стала исследовать чуму Зверя: она сразу предположила, что здесь замешан некий скрытый от нас ритуал, посвящённый неизвестному нам Великому. Очень быстро она поняла, что её возможностей недостаточно для получения ответа, и стала искать помощи. Так Анна наладила сотрудничество со всеми присутствующими здесь. Все мы в своё время поняли, что нынешнее положение дел грозит катастрофой, но столкнулись с непониманием и недальновидностью окружающих. Много кто нам сочувствует, но помочь делом готовы немногие. Ты, Мария, очень нужна нам. Ты обладаешь определённым влиянием на Кейнхёрст и знаешь о проводимых там обрядах. Но главное — из-за родства с птумерианами ты сможешь найти путь в их кошмары. Проклятие Зверя перешло к нам от птумериан, и их забытые сны хранят секрет.

— Но почему именно я? — спросила Мария. — Почему не подошёл иной представитель ярнамской аристократии?

— Только ты усвоила кровь Великих. Ты наша единомышленница. И ты готова помочь нам делом, — прохрипел забинтованный. — И твоему опыту борьбы с чудовищами и иными опасными существами остальным наследникам Птумеру можно только позавидовать.

— Я согласна помочь всем, чем смогу, если мне будут объяснять смысл каждого нашего шага и не станут подставлять, — выдохнула Мария.

— Не надейся, что тебе будут всегда пояснять, что нужно делать — мы приглашаем тебя не как махательницу саблей, а как умного, способного к рождению новых идей человека, — с ехидцей ответила Ром.

— Анна, Валлар сказал, что ты изучаешь язык Великих, — полюбопытствовала Мария. — Я не знала, что у нас есть какие-либо знания в этой области.

Анна обрадовалась вопросу.

— Великие не являются одним видом. Они даже не объединены в единое общество, как считают некоторые, — подавшись вперёд, начала объяснять адепт Хора. — Великие — десятки типов существ совершенно разного происхождения, с разными целями и склонностями, с абсолютно различной историей и биологией. Однако у них есть общие качества. У каждого вида наверняка есть свой язык, соответствующий его особенностям. Однако Великие имеют систему знаков, если можно так сказать, понятную для всех представителей общности. Кэрилл пытается перенести эти знаки на бумагу, и добился впечатляющих результатов. Он воспринимает их как некие неопишуемые звуки. Для меня это — хороводы света в пустоте. Однако пока что мы понимаем лишь малую долю того, что слышим и видим, а видим и слышим лишь ничтожную часть того, что сообщают друг другу Великие.

Вздыхнув, Анна стянула закрывающую глаза повязку. Охотница вздрогнула, увидев пустые глазницы, наполненные белёсой слизью.

— Я лишилась человеческого зрения, но обрела способность видеть незримое, —

печально сказала хористка. — В городе появилось много такого, чего люди не видят и видеть не должны. Великие разговаривают, и понимая даже малую толику их речей, я оказываюсь во власти страха.

* * *

Кабинет они покинули спустя несколько часов, полных страшных открытий, тяжёлых споров, мрачных размышлений и сложных решений.

— Приглашаю тебя на ритуал Воззвания к Космосу, — произнесла Анна, пропуская вперёд двух присутствовавших при разговоре адептов. — Тебе будет полезно.

— Знаешь, каждый раз после того, как мне говорят эту фразу, я попадаю в какой-нибудь переплёт, — проворчала Мария. — Соглашаюсь исключительно из уважения к тебе.

— Я не пойду с вами, — отказался забинтованный. — Я уже иду на поправку, но мне нужен покой.

Спустившись с лестницы, Мария лицом к лицу столкнулась с высоченным хористом. На лунно-бледном вытянутом лице зловеще блестели двумя сапфирами тёмно-синие глаза без зрачков и белка. Долговязый и гибкий, как червяк, он вызывал невольное отвращение. Ненавидяще зыркнув на охотницу, хорист приоткрыл большой рот, полный чёрных зубов, будто вознамерившись укусить, но сдержался и скрылся за толстой дубовой дверью слева.

* * *

Дворик наполнился адептами Хора. Белые тени опускались на землю среди запорошенных снегом сухих подсолнухов. Лоуренс, единственное тёмное пятно среди алебастровых призраков, воздел руки в странном жесте и поднял взгляд к небесам. Жест выглядел следующим образом: одна рука поднималась прямо вверх, а другая — в сторону под прямым углом к первой. В результате получалось, что руки образуют прямоугольный треугольник.

Глава Церкви, высокий мужчина в роскошных чёрных одеждах, выглядел равным древним королям. Его безупречно правильное лицо излучало уверенность и силу. В умных серых глазах горело тайное пламя.

Стоявший на балконе адепт что есть силы дунул в длинную серебряную трубу. Раздался протяжный тоскливый вой.

Адепты Хора, повторив движение своего лидера, запели гимн на высоком наречии, чуть погодя перейдя на неизвестный Марии птумерианский. Высокопарные слова о возвышении через поглощение благой крови сменились потоком чуждых уху человека звуков.

Sanguine sancte...

Яаар'на шха, фитал'на рлхаа...[\[14\]](#)

Девушка зябко поёжилась, и не холод стал причиной. Повеяло чем-то древним, давно забытым, но дерзко вызванным из пучины минувших тысячелетий. Потянуло жуткой космической стужей. Головки мёртвых подсолнухов тревожно заколыхались.

Потемнело. Подняв глаза к небу, Мария увидела, что облачная хмарь рассеялась, обратившись чернотой, сверкающей холодными огоньками звёзд.

— Но сейчас же день, — ошеломлённо пробормотала охотница, наблюдая невозможную метаморфозу.

Spatium, magna, veterum...

Яар'на шха, рнама, у айиплум... [\[15\]](#)

Мария увидела, что от церковников исходит едва заметное сияние. Теперь адепты сами казались белыми звёздами на фоне сгущающейся тьмы. Налетел порыв ветра. Подсолнухи пали ниц. Песня набирала громкость, словно песню Хора подхватывали сотни новых голосов.

Происходящее находилось далеко за пределами понимания охотницы. Но у Марии родилось неожиданное чувство, что суть действий Хора теперь доступна и для её разума — достаточно лишь прислушаться.

Чёрные небеса разразились дождём лазурных искр. По стенам святилища бегали слепящие белые огни. Слезы небес.

Яар'на шха...

Мария ощутила, что с огромной скоростью летит сквозь пустоту. Мимо проносились безымянные звёзды и космические облака. Куда ведёт этот путь?

Вселенная развернулась, словно веер. Взгляду открылись миры и измерения, вовсе неопишуемые для бедного человеческого языка. Звенящие многомерные спирали скручивались и разворачивались. Клубились разноцветные туманы. Пульсировали пузыри, заполненные таинственной жизнью. Путь к корням Вселенной продолжался.

Увиденная бесконечность оказалась лишь малой точкой в другой, куда более великой. У Марии возникло чувство, что сейчас ей откроются конечные истины, придут ответы на все вопросы, что разумные существа задавали с рождения первых звёзд и зададут до угасания последнего светила во Вселенной. Но вместо откровения за последним пределом ждала слепая тьма и хаос.

Задрожав, Лоуренс упал на колени.

— Вернись, наш путеводный огонь! — возопил он.

На святилище пала непроглядная чёрная мгла, прорезаемая багровыми сполохами. Охотнице казалось, что сейчас её разорвёт на куски. В ушах зазвенело. Девушка попыталась побежать, но у неё не было ног, да и бежать оказалось некуда и не по чему: зловещий танец теней поглотил всё. Воцарилась тьма, едва рассеиваемая злыми красными огоньками.

Дернувшись, она поняла, что плывёт по тёмному морю под густыми лиловыми облаками. Сверху презрительно смотрела гигантская красная луна.

— В ночи ничего не видно! Лоуренс, спаси меня! — с мольбой запричитал чей-то голос, до боли знакомый, но не узнанный.

Видение исчезло, снова оставив Марию во мраке. Из пустоты доносились плач и истошные вопли. Призвав на помощь всю свою волю, охотница вынырнула из хищной трясины кошмаров.

Сквозь серые облака по-прежнему светило солнце. Подсолнухи печально таращились на людей своими высохшими глазами. Адепты Хора медленно приходили в себя. Анна сидела, тяжело привалившись к стене. Лоуренс лежал лицом вниз, обхватив руками голову.

Собрав себя с пола, Мария подошла к перепуганной Анне.

— Тебе нужна помощь? Я могу помочь? — участливо спросила охотница. — Что произошло?

— Нет, я в порядке, — дрожащим голосом произнесла хористка. — Там, снаружи, мы не

можем найти ничего, кроме мрака и ужаса. Я верила, что иду к истине и могуществу, но сейчас начинаю опасаться, что ищу свою погибель. Прости меня, Мария...

— Нам не хватает глаз, — прошепестел Лоуренс, подходя к ним шатающейся походкой. — Мы не видим света и гармонии, потому что наши глаза на это не способны. Нам нужны новые глаза...

Никчёмный союзник

Мастерская Германа располагалась на краю глубокого ущелья, что на окраине Соборного округа. Единственный путь сюда лежал через запутанные коридоры одной из башен. Мало кто знал дорогу сюда. Даже прошедший по ней неоднократно мог немало поплутать, прежде чем добраться до Мастерской. Охотникам, не считая Германа, не слишком нравилось местоположение их Мастерской.

Человек, всё-таки отыскавший дорогу к Мастерской, оказывался в уютном саду с извилистыми дорожками и раскидистыми деревьями. В дальнем конце сада уютился скромный двухэтажный домик с изящной башенкой. Здесь охотники Германа собирались для совета, ремонта снаряжения и отдыха.

Единственный этаж дома занимала длинная комната, заставленная столами с инструментами, старинными книжными шкапами и загадочными, окованными железом сундуками. С улицы вело три входа: две двери и высокое, от пола до потолка, окно. На гостей печально смотрела искусно выполненная статуя девушки, облокотившейся на надгробие.

Над домом нависал старый, изъеденный жуками марламп. Как-то раз Мария и Валентайн пошутили над Германом, спрятав на дереве его шляпу. Старый охотник был ужасно зол...

Герман любил ходить по запутанным дорожкам вокруг своей Мастерской, размышляя о грядущем и вспоминая о былом. Иногда при этом он тихо напевал себе под нос. В такие моменты старого охотника старались не беспокоить. Правда, иногда он звал Марию и тогда они бродили вместе. Девушка внимательно выслушивала не всегда понятные рассуждения командира.

Отношение старого охотника к своей ученице выглядело достаточно странным. С одной стороны, он всегда уделял ей больше внимания, чем любому другому из своих подчинённых и доверял ей мысли, которые не высказывал больше ни перед кем. Когда Мария только училась охотничьему делу, он требовал с неё больше, чем с остальных новобранцев, объясняя тем, что считает её очень способной и не хочет, чтобы та пострадала из-за недостаточного уровня подготовки. С другой стороны, Герман подчёркнуто соблюдал дистанцию. Оставаясь наедине с Марией, он до неловкости старательно избегал прикосновений. Нечаянно коснувшись её руки во время беседы, он мог потом долго извиняться.

Герман был старше Марии более чем на двадцать лет. Когда она только поступила в Бюргенверт, он уже являлся одним из первооткрывателей гробниц Птумеру и уважаемым в городе человеком. Девушка долго считала, что старый охотник испытывает к ней исключительно отцовские чувства, но позже стала подозревать иное. Она восхищалась Германом и любила его как друга и учителя. Возможно, она согласилась бы и на большее; но командир не хотел открывать ученице свои чувства, даже если таковые имели место.

Мария знала, что Герман уже был женат. Его первая жена, Глория, умерла много лет назад от холеры. Тогда Бюргенверт только начинал свои исследования, и ещё не существовало чудодейственных лекарств, способных излечить холеру за один день и навсегда защитить человека от неё. Детей пара завести не успела. Охотница видела портрет Глории. Невысокая, смуглая и темноволосая, та являлась полной противоположностью Марии. Герман только раз упомянул о жене при ученице. Тогда, в ещё более-менее

спокойные времена, когда случаи обращения оставались единичными и основная угроза исходила из старых подземелий, одним прекрасным вечером они шли по Центральному Ярному. Мария засмотрелась на растущие на чьём-то балконе цветы. Охотник спросил, какие цветы она любит. Та ответила, что ей милы все, но более всего розы и подсолнухи. Герман улыбнулся и рассказал, что его покойная жена тоже обожала эти так непохожие друг на друга растения.

* * *

Перед лестницей в сад Валлар галантно пропустил Марию вперёд. Оказавшись среди голых деревьев и присыпанных снегом дорожек, девушка лицом к лицу встретилась с Валентайном. Охотник выглядел ужасно. На дикие воспалённые глаза падали растрёпанные грязные волосы. Пробурчав нечто нечленораздельное, тот попятился и, резко развернувшись, зашагал к дому.

— Валентайн! — сурово окликнул его Валлар. Ответа не последовало.

— Бедняге нужен отдых и наблюдение врачей, — тревожно заметила Мария. — Я уже говорила ему, что...

— Валентайн! — грозно повторил Валлар.

Охотник проигнорировал окрик.

— Вот что получается, когда великая сила соприкасается со слабой волей и неотточенным разумом, — печально произнёс Валлар. — Валентайн пошёл в разнос после того, как одолел в лабиринтах пробуждённого от вековечного сна безумного птумерианского старейшину и испил его крови.

— Я думаю, всё началось ещё раньше, — раздался сзади вкрадчивый голос. — Он из тех, кто быстро влюбляется в кровь.

Обернувшись, Мария к своему великому удивлению заметила Эрика. Тот учтиво поприветствовал охотников.

— Я рада видеть тебя, сэр Эрик, — сказала охотница.

— Я тоже рад видеть вас обоих, — кивнул аристократ. — Вы оба знаете о печальном происшествии в лабиринте, когда нехорошие люди решили погубить одного хорошего человека руками других хороших людей. У меня появились отличные зацепки в деле об этом злодеянии. Мы можем навестить свидетеля и попробовать раскрыть соучастника.

— Займёмся этим немедленно, — предложила Мария. — Эта ночь обещает стать легче предыдущей, и, кроме того, я направлена на другое задание. Не знаю, что меня ждёт, и поэтому я хочу рассчитаться с долгами.

— Мне нравится твой настрой, — одобрительно кивнул Валлар. — Считай меня в деле. Только сначала нужно согласовать всё с Германом.

— Чего мы ждём? — нетерпеливо нахмурился Эрик.

Перед домом Гисберт наблюдал за тем, как Люциус отчитывает Валентайна. Провинившийся стоял вполоборота, яростно сжав кулаки и набычившись.

— Мы с Генриеттой надеялись на твою помощь, но ты предпочёл забыть о своём обещании, — негодовал Люциус. — Ты подводишь своих товарищей, и в последнее время делаешь это систематически. Каким бы умелым бойцом ты не был, тебе всё равно нужно не забывать о других. Что с тобой?

— Ничего! — отрезал Валентайн, и, обернувшись, увидел Марию. Почувствовав себя окружённым, он ещё больше рассвирепел и, грубо оттолкнув Гисберта, ушёл прочь от дома.

Услышав шум, Герман выглянул из двери. Оглядев присутствующих, лидер охотников остановил взор на Валларе и Марии.

— Валентайн упорно старается сойти с ума и покрыться шерстью! — объяснил Валлар. Герман сердито прищурился.

— Люциус, догони его и приведи обратно, — повелел он.

— Будет сделано, — с едва заметной досадой послушался тот.

Поздоровавшись с Марией и Валларом, лидер охотников вопросительно посмотрел на Эрика. Аристократ спокойно выдержал взгляд. Мария по всей форме представила их друг другу. Кивнув Герману, Эрик едва заметно улыбнулся.

Пройдя в дом, они расселись кто где. Герман занял кресло у стола. Мария устроилась у окна. Валлар сел на ящик, усадив Эрика на стул с треснувшей спинкой.

— Я хочу попросить разрешения заняться расследованием покушения, — сказала Мария. — Эрик нашёл свидетеля, и сегодня мы хотим поговорить с ним. Никто не сделает этого кроме нас: сейчас всем не до расследований, к тому же заговорщики достаточно влиятельны.

— Никаких проблем, но к ночи постарайтесь вернуться в Мастерскую. Кто знает, вдруг понадобится ваша помощь, — разрешил Герман. — Сэр Эрик, что сейчас известно о покушении на Марию?

— Я знаю, что капрал Грубер и Вейс одурманены адептом Хора, и нашёл человека, который видел совершённое с солдатами злодеяние, и имеет вещественное доказательство. Мне удалось разыскать его благодаря большой удаче и огромным усилиям. Свидетель в опасности, поэтому я переправил его в безопасное место и приставил охрану, — рассказал Эрик. — Ещё я узнал, что Мартинса выпустили. Логариус поручился.

— Ты уже говорил со свидетелем? — поинтересовалась Мария.

— Нет, я действовал через верных мне людей, — разочаровал Эрик. — Поэтому предлагаю немедленно отправляться. Если всё получится, Мартинс не отвертится.

Раздались торопливые шаги. В Мастерскую ворвался человек в церковном одеянии.

— Герман, Людвиг хочет срочно поговорить с вами.

Так уж получилось, что всех присутствующих ждали неотложные дела. Разговора не вышло. Герман встал и попросил прощения у присутствующих.

— Мария, Валлар, постарайтесь вернуться сюда до заката, — обернувшись, попросил лидер охотников с порога. — Разговор есть по поводу вашей затеи с Яаар'гулом.

* * *

Аргус прислушался к шороху и нервно дёрнулся. Крыса. Просто крыса, а он дёргается, будто к нему кровопуск подкрадывается!

Он уже жалел, что рассказал всё посланцам Кейнхёрста. В том, что они именно обитатели королевского замка, Аргус не сомневался: характерная одежда, элегантные кривые клинки и пистолеты с богато украшенными рукоятками говорили сами за себя.

Но нет, сказал он себе. На него уже охотились, и неожиданное предложение помощи со стороны типов в красном стало спасением. Без них его бы уже убили. Два дня назад на него

напали. Ему чудом удалось уйти. А теперь у него появилась надежда выйти из передраги живым.

Аргус жестоко корил себя за то, что не уехал из Ярнама, как старший брат. Купился на обещание абсолютного здоровья, вечной жизни и богатства.

— Как же, заведи их демоны! — выругался он вслух. — Ни того, ни другого, ни третьего. Вместо этого я получил ежедневный смертельный риск и солдатское жалование. Теперь ещё и встрял, куда не следовало.

Во дворе за окном издевательски закаркала ворона.

— Какой же я дурак! — продолжил корить себя он.

Неприятности Аргуса начались с жутковатого случая в казарме. Как-то вечером, когда он вкушал заслуженный отдых, капрал разбудил его и приказал следовать за собой. Он вывел его и Вейса из казармы и представил двух гостей.

Один из гостей явно являлся церковником. Присмотревшись, солдат узнал Мартинса, часто принимавшего участие в организации экспедиций в птумерианские подземелья. Другой выглядел очень странно. Он не выглядел никак. Когда он посмотрел на него, ему показалось, что между ними мутное заплытое стекло. Глаза скользили по фигуре неизвестного, не в силах схватиться за какую-либо деталь. В ушах шумело.

Тем не менее, он услышал главное, пусть совершенно не осознав важность услышанного.

— Вы понимаете, бойцы? — шипел невыразительный голос, от звучания которого хотелось оцепенеть и лежать без движения до смерти последней звезды. — Мария Браге заражена и уже обратилась. Ты должен убить её. Убей... уже не важно... только так, да... убей и расскажи, как она...

Очнувшись от забытья, он увидел, что Грубер и Вейс идут обратно к казарме. Голова раскалывалась от жуткой боли. На земле перед ним растекалась лужица белёсой слизи. Удивившись про себя, он поступил так, как его учили: при обнаружении подобных субстанций позвать учёных, а если их нет, то взять образец самому, избегая попадания на кожу и вдыхания запаха. То, что он не в лабиринте, вылетело из его головы. Покрутив головой, он увидел пустую бутылку из-под бренди в мусорной куче неподалёку. Используя отломленную с дерева палочку, он поместил немного слизи в бутылку, закупорил и забрал образец с собой.

По-настоящему придя в себя, он испугался до потери дара речи. Ещё бы: с ним сделали нечто ужасное и непонятное! Через полчаса солдат снова потерял сознание. Позже солдата отправили к врачам, но причину недомогания установить не удалось. Разумеется, он не пошёл в экспедицию с отрядом, оставшись под наблюдением. А вскоре его попытались убить. Аргус отдавал себе отчёт в том, что уцелел исключительно благодаря везению.

Посланцы Кейнхёрста предложили убежище и помощь, когда солдат уже с радостью принял бы помощь от кого угодно, даже от чудовища или явившегося во плоти Великого. Теперь Аргус сидел в обшарпанной комнате на третьем этаже ветхого особняка на окраине Старого Ярнама и предавался тяжёлым думам. скрипучая кровать, единственный предмет мебели в комнате, дребезжала при каждом движении Аргуса. Двое в красных одеяниях сидели за дверью и что-то вполголоса обсуждали.

В Старом Ярнаме начиналась паника. Люди бежали, бросая дома, перебирались к родственникам в другие части города или вовсе покидали Ярнам. Церковники поставили стражу на дорогах и пропускали горожан с большой неохотой. Ходили слухи о карантине. Но

почему всем заняты бойцы Церкви, а не полиция или регулярная королевская армия? Ходили слухи и о надвигающемся перевороте.

— Куда смотрит королева? — задал Аргус злободневный вопрос, разглядывая мутное оконное стекло.

Тяжело вздохнув, Аргус вынул из потайного кармана пузырёк с тёмно-красной жидкостью. Святая церковная кровь, смешанная с экстрактом растений, выращиваемых в Верхнем Соборном округе, а изначально обнаруженных на нижнем уровне святилища Великого Исза.

Он тоже подсел на эту гадость, подумал солдат. И опустошил пузырёк одним большим глотком.

Усталость исчезла. Вялость, вызванное долгим сидением в душном помещении, сменилась бодростью. Тревога ушла, уступив место уверенности и спокойствию.

В стене опять что-то зашуршало. Аргус ненавидел крыс, и их присутствие вызывало у него нервозность. Но, опьянённый кровью, он воспринял раздражитель абсолютно равнодушно.

На улице раздался выстрел.

* * *

Мария, Эрик и Валлар шли по тесным запутанным улочкам Старого Ярнама. Даже днём мрак не покидал эти места: высокие башни и скалы закрывали солнце большую часть дня. Охотница ни за что не захотела бы жить здесь: она любила солнечный свет и простор, хотя судьба завела её в края, где не хватало ни того, ни другого.

Череда ночных происшествий с обращением горожан в чудовищ не прошла незамеченной. Пока что страшная тайна Ярнама оставалась тайной для приезжающих на лечение иноземцев, но Мария понимала, что раскрытие ужасной правды лишь вопрос времени. Многие жители города больше не верили в способность власти обеспечить безопасность. Самые напуганные уже покидали город, несмотря на все чинимые им препоны.

Другие призывали дать больше полномочий Церкви: ложь, что в распространении Чумы Зверя виновна королева, прочно поселилась в умах тысяч ярнамитов. О том, к чему может привести заблуждение, охотница думала с содроганием.

Серые, больные лица встречались повсюду. Пепельнокровные узнавались не только по цвету кожи. Нетвёрдая походка, сгорбленные спины, нечёткие движения выдавали пострадавших. Несколько раз Мария чувствовала на себе злые взгляды. В Старом Ярнаме не любили представителей аристократии. Старейшие представители уважаемых семейств считали нынешнюю правящую династию и всех к ней приближенных узурпаторами.

— Почему здесь? — пробасил Валлар, перешагивая через кучку лошадиных испражнений.

— Здесь нынче беспокойно, и люди Логариуса станут искать свидетеля в Старом Ярнаме в последнюю очередь, — шёпотом объяснил Эрик. — Окрестности Хемвика ближе к Кейнхёрсту, но именно поэтому я отверг этот вариант как слишком очевидный. А так и ваше присутствие здесь не вызовет подозрений — в Старом Ярнаме сейчас полно охотников.

Из распахнувшейся в доме слева двери вывалился пьяный серолицый детина и громко

запричитал.

— Я хочу отдать свою кровь! Нет жизни без смерти, и я хочу умереть! — икая, голосил он. — Безлиций бог хочет взять мою душу, и я с радостью отдам её!

Валлар, презрительно оскалившись, ударил умалишённого выпивоху по лицу. Упав в грязный снег, серолицый заскулил, словно раненый щенок. Обойдя пьяного, охотники поспешили продолжить путь.

— Убей меня! — догнал охотников визгливый крик безумца. — Принеси меня в жертву!

Эрик провёл их мимо тех мест, где ночью погибла семья. Выломанную дверь поставили на место и заколотили досками. Тёмное окно, скрывающее залитую кровью комнату, напоминало пустую глазницу уродливого черепа. Мария опустила голову. Сожаление, стыд и горе жгли сердце. Хотелось заплакать, но слёз не было.

У занесённых снегом ворот стояли церковники и осматривали начерченный кровью символ. Или они искали следы тех призрачных существ, что вынырнули из мрака тенями вневременного ужаса?

Мимо торопливо прошли хорошо одетый мужчина с двумя огромными чемоданами, женщина с заплечным мешком и двое детей. В их глазах Мария увидела затаённый страх и мрачную решимость. Они бегут из Старого Ярнама, поняла она.

— Надеюсь, развалины нашего города никогда не раскопают, — пробурчал Валлар.

— Рано хоронишь, — раздражённо ответил Эрик. — Или ты уже лишился воли?

— Давайте оставим пустые разговоры, — недовольно прервала его Мария. — Мы не на прогулке.

Миновав тёмный и грязный переулок, троица вышла в длинный, заросший уродливым кустарником дворик. Посреди стояла низкая некрасивая ротонда. Таращился тёмными окнами выдавший лучшие времена особнячок. Скрипело старое треснувшее дерево.

Отворилась калитка. Хрустя снегом, закутанный в длинный плащ человек устремился к двери особняка. К его несчастью, охотников скрыл кустарник, и пришедший попал в западню.

Вынырнув из-за зарослей, Мария преградила путь человеку в плаще.

— Назад, Мартинс, — зло процедила она.

Тот пытался выхватить свой пистолет, но охотница оказалась быстрее. Прогремел выстрел. Мартинс выронил оружие, схватившись за раненую руку, и с сипом повалился в снег. Подоспевший Валлар оттащил раненого в ротонду и подобрал выпавший из простреленной руки пистолет. На крыльце особняка показался мужчина в красно-чёрном одеянии и подбежал к Эрику.

— А вот и неудавшийся убийца, — улыбнулся Эрик, указав на Мартинса. — Помоги отнести его в дом. Поговорим с обоими сразу.

* * *

Пленного затащили на второй этаж особняка, в спальню с ободранными обоями, обыскали и привязали к кровати. Пуля задела крупные сосуды, и на руку пришлось наложить жгут. Аргус несказанно обрадовался, увидев неудавшегося убийцу беспомощным и обезоруженным. Когда все присутствующие расположились на стульях вокруг кровати, Мария начала допрос.

— Какая же ты сволочь, — спокойно произнесла Мария, презрительно глядя на Мартинса. — Скажешь, кто одурманил солдат, получишь некоторое снисхождение.

— Показания, данные под пытками, доказательствами в суде не считаются, — самодовольно заявил тот и поморщился от боли в пострадавшей руке. — Я ничего вам не скажу, более того, я сам выступлю с показаниями против вас. Вы похитители и убийцы.

— Мы пытать тебя даже не начинали, — сонно протянул Эрик. — У нас есть веские свидетельства против одного из членов Хора, а именно характерная субстанция и описание. Мы найдём виновника в любом случае. Тебе же мы хотим помочь восстановить доброе имя, рассказав о гнусных преступлениях своих подельников.

Хорошо, что Аргус оказался феноменально устойчивым к воздействию на разум. Если бы не эта деталь, улик не нашлось бы, а её, вероятно, убили бы в подземелье, подумала Мария.

— Я невиновен, я никого не одурманивал и не знаю, кто одурманивал, а здесь я просто гулял, — нагло ответил Мартинс.

— Какой же ты глупый, — сказала Мария. — Сначала попытался выстрелить в меня, хотя я даже не угрожала тебе. Все видели, что за пистолет первым схватился ты.

— Будь ты сдержаннее, мог бы спокойно уйти отсюда, — развил тему Эрик. — Логариус совершил большую ошибку, когда доверил это дело тебе. Или ты сам решил выслужиться?

— Логариус не причём! — ответил горе-стрелок.

— Не думай, что ты сильно нам нужен, — брезгливо бросил Валлар. — Сейчас снимем жгут, и ты просто истечёшь. Ты же обычный человек, не благословлённый кровью. Почему, кстати?

— Не твоё змеиное дело! — злобно выплюнул Мартинс.

— Вероятно потому, что ты родом из Старого Ярнама, хотя и переехал в Соборный округ и помалкиваешь о своём происхождении, — сощурился Эрик. — Посереть боишься. Никак твой папка свою сестрёнку сношал? Чтобы сохранить «чистоту» крови. [\[16\]](#)

— Мразь!!! — заорал пленный и тут же взвыл от приступа боли. — Ненавижу...

— На правду не обижаются, — ехидно улыбнулся Эрик. — Ты уже потерял немало крови. Если мы снимем жгут, ты умрёшь. А так как бинтов у нас могло и не быть, а до врачей идти долго, твоя смерть не вызовет у нас столько проблем, сколько ты обещаешь. Поэтому лучше будь общительней. Если скажешь что интересное, может, даже поможем чем-нибудь. Ты же хочешь жить вечно, не болеть и чудовищем не стать? В Кейнхёрсте есть кровь, которая, быть может, тебе поможет...

Мария знала, что Эрик лукавит. Кровь, используемая в Кейнхёрсте, отлично подходила всем, кто среди дальних предков имел птумериан. Иногда подходила она и тем, кто просто обладал крепким здоровьем и сильным духом. Хнычущее порождение поколений кровосмесительных союзов явно не принадлежало ни к тем, ни к другим.

— Что вы хотите от меня? — сник Мартинс. — Какие гарантии у меня есть?

— Гарантий никаких, мы не в банке, — насмешливо покачал головой Эрик. — Зачем хотели убить Марию? Кто подчинил волю капрала Грубера? Понимаете ли вы с Логариусом, чем чреват переворот в сложившейся ситуации? Действовал ты по приказу Логариуса или по своему почину?

— Я знаю очень мало, — начал пленный. — И...

— Если мало — зачем ты нам? — поинтересовался аристократ. — Ты знаешь

достаточно. Так что говори. Подробно и обстоятельно. И не пытайся врать — Валлар проходил обучение в Хоре, и способен читать в умах.

Мария знала, что этот могучий охотник тренировался распознавать намерения окружающих существ, людей и не только. Но и понимала также, что обмануть Валлара для умеющего человека не так уж и сложно. Впрочем, Мартинс вряд ли входил в их число.

— Я скажу, — продолжил раненый. — Покушение организовано...

— Не врать! — рявкнул Валлар. — Ты собрался соврать.

— Кронус, Кронус Гнилой Глаз, он решил убрать из Церкви тех, кто предан королеве. Кого-то удалось выжить мирно, но охотники немного сами по себе, и Кронус перестарался, — замямлил Мартинс. — Я невиновен, как и Грубер. Думаете, я мог противостоять его воле? Он настоящий демон.

— Вторая часть твоего пассажа является ложью и самообелением, — безжалостно отметил Валлар.

— Но благодаря первой фразе ты на шаг приблизился к выходу из беды, — вклинилась Мария. — Продолжай.

— Логариус не имеет отношения к покушению на тебя! — выпалил пленный.

— Это правда, но не вся, — высказал своё мнение Валлар. — Но лично мне ситуация понятна. Адепт Хора Кронус зачем-то заключил союз с Логариусом. Тот давно настроен против королевского двора. И Кронус решил «помочь». Да, Логариус ошибся с союзником. Раньше у него был шанс постепенно лишить Кейнхёрст влияния в городе и вместе с Лоуренсом получить всю полноту власти. Теперь же, когда началось кровопролитие, всё закончится лишь ещё большим кровопролитием. Логариус не дурак и понимает, что вооружённый переворот приведёт к хаосу.

— И всё это на фоне Чумы Зверя, — горько добавила Мария. — Но зачем Кронус решил помогать Логариусу? Валлар, ты вхож в эти круги. Есть идеи?

— Мартинс, почему? — спросил охотник.

— Не знаю, клянусь, — пробормотал пленник.

— Правда, — удивился Валлар. — Я тоже не знаю. Может, хотел получить больше власти?

— Мне кажется, что адептов Хора мирская власть волнует не в первую очередь, — не согласилась девушка. — Скорее Логариус пообещал дать ему добро на какие-нибудь опасные эксперименты и ритуалы в случае своего успеха. Ради новых знаний и ради тайного могущества адепты Хора готовы на гораздо большее, чем ради простой власти.

Мастер Логариус со своими учениками всегда держался немного обособлено от остальных церковников. Он всегда отличался нетерпимостью ко всему, что шло вразрез с его взглядами. Вскоре после основания Церкви он обвинил королеву Аннализу в ереси. Тогда никто кроме него и его учеников не использовал это слово и не мыслил в религиозных категориях. Логариус стал первым жрецом новой религии, гротескной и дикой, выросшей из современной науки и старинных оккультных учений.

* * *

Благодаря подробному рассказу Аргуса и признаниям Мартинса прояснились детали событий, приведших к трагедии в подземелье. Слизь в бутылке являлась неплохим

вещественным доказательством. Все собравшиеся могли подтвердить, что Мартинс напал первым, и Мария просто защищалась. Теперь они знали личность истинного виновника. Эрик предложил вызвать полицию. Он надеялся на правосудие.

Но разбирательство отнимет время, понимала Мария. Новые проблемы, и снова время уйдёт. Пусть этим займётся Эрик, решила она. Жажда возмездия не должна идти наперёд долга. Её ждёт несравненно более важное дело. Надо идти в Яаар'гул.

Забывтые кошмары мёртвой цивилизации, народа далеких предков Марии, ждали своего сновидца.

Отозвав Эрика в сторону и объяснив ситуацию, Мария вышла за порог и скрылась в полумраке Старого Ярнама.

В Яаар'гул пускали немногих. Даже уборщиков улиц старались набирать из родственников адептов Церкви Исцеления. Постороннему для прохода в закрытый квартал требовалось особое разрешение. В чём-то квартал вокруг школы Менсиса являлся даже более труднодоступным для простого человека местом, чем Верхний Соборный округ.

Одна из дорог к Яаар'гулу начиналась от главного храма Соборного округа, спускалась по скалистому склону и выходила к высоким воротам. За воротами путника ожидала длинная лестница, ведущая в огромный зал под куполом, построенный по подобию птумерианских храмов. Посреди зала располагалась ритуальная чаша. Там же находилась дверь, за которой лежал Яаар'гул.

Мария устало брела вниз по каменистой тропе. Шедший сзади Валлар тоже погрузился в свои мысли. В эту ночь в Старом Ярнаме обратился всего один человек, но оба охотника были вымотаны — второй день на ногах. Добавил усталости и тяжёлый спор с Германом, не желавшим, чтобы Мария и Валлар связывались со сновидцами.

Печной дым коптил утреннее безоблачное небо. Стояло безветрие, и над городом висела гарь. За ночь сильно похолодало. Покрытые инеем ветви деревьев тускло блестели. Недовольно каркали зябнувшие вороны.

Охотница подумала, что не отказалась бы сейчас упасть, потерять память и уснуть на несколько десятилетий. Пусть её занесёт снегом, и лето не сможет растопить белые перины. Пусть Ярнам погибнет вместе с птумерианским проклятием, пусть люди забудут об извлечённых из древнего мрака тайнах. Когда время сотрёт совершившееся зло, она проснётся, выберется из руин и уйдёт прочь из родных земель...

Встряхнувшись, Мария выбросила из головы нездоровые мысли.

Валлар уже давно оставил надежду. Но сдаваться без борьбы для него означало изменить себе. Валлар догадывался, что причина Чумы Зверя куда глубже, чем думает Лоуренс и остальные. Раз птумериане с их мудростью и могуществом проиграли — не победить и людям. Зверь живёт в каждом человеке и управляет людским родом с его возникновения, лишь иногда ослабляя хватку. Сама суть жизни — в зверстве. Человеческие разум и воля — недавние приобретения, ненадёжные и неуместные, как драгоценная диадема на бедняке. Люди захотели вознестись до уровня богов, не понимая, что некоторые ограничения являются благом. Что оковы, наложенные природой, не столько сдерживают человечество, сколько спасают его от своей же тёмной сути. Так судил Валлар.

Но охотник узнал слишком много, чтобы снова надеть спасительные оковы. Обучение в Хоре не прошло бесследно. В его руках крохотный осколок могущества Великих. Даже эта крохотная искра может сжечь тело и разум. Достаточно допустить ошибку. И тогда — смерть или безумие.

* * *

Адепты духовной школы Менсиса, расположенной в тайном квартале Яаар'гул, проводили дни и ночи в сомнамбулическом состоянии между сном и бодрствованием, выискивая ключи к сокровенным тайнам бытия. Они надеялись, что в зыбком мире снов

скрываются ответы на тревожащие Церковь Исцеления вопросы. Их вело смутное эхо присутствия Великих. Забираясь всё глубже в колдовские грёзы, адепты чувствовали себя паломниками в стране богов. Сновидцев вела кровь предков и пламенеющая страсть к знанию. Сновидцы всё дальше уходили от земного. Продвинувшиеся дальше остальных в своих поисках теряли связь с обычной действительностью, превращаясь в безвольные оболочки. Иногда их удавалось призвать обратно, но всё чаще заблудившиеся во снах умирали, оставляя о себе лишь воспоминания. Но опасность не останавливала отчаянных исследователей.

Жители Яаар'гула казались Марии отстранёнными и безразличными к происходящему вокруг. Даже извозчик, сидевший в пустой телеге, выглядел погружённым в лабиринты своего разума. Возможно, так действовал тяжёлый дух квартала, мрачный, торжественный и навевающий болезненную дремоту.

Валлар помотал головой и выругался. Их провожатые имели облик под стать месту. Три высокие, сгорбленные фигуры в плащах шагали мерно и тяжело. Когда Мария первый раз увидела эту троицу, она невольно обрадовалась, что вооружилась: от длинных, молочно-белых лиц с чёрными колодцами-глазами веяло невысказанной угрозой.

Порыв ледяного ветра принёс отголоски звучной мелодии.

— Ты слышишь песнь, друг мой? — тихо спросила девушка.

— До моих ушей доносится музыка, но я не могу уловить слов, — ответил Валлар.

— О *Somnum**, — узнала Мария. — Гимн в честь снов, написанный Лоуренсом. Это поэтический перевод древнего птумерианского заклęcia. Поют в соборе, что за площадью. Интересно, как они зовутся? Для всех ярнамитов, кроме местных обитателей, Яаар'гул — белое пятно. Мне довелось увидеть карту, но на ней почти нет названий.

— Храм Сна и Площадь Пришествия, — неожиданно ответил свистящим шёпотом самый высокий из их зловещих провожатых.

— Почему им даны такие имена? — полюбопытствовала Мария.

— О Храме ты вскоре поймёшь сама. Площадь Пришествия — мы верим, что однажды Великие откликнутся на наши молитвы, и спустятся с небес во всей своей славе. Площадь назвали в честь их будущего пришествия.

Спутник Марии становился всё мрачнее и мрачнее, словно великая печаль завладевала его сердцем. Иногда Валлар бормотал себе под нос проклятия. Охотница заметила, что на улице совсем нет вывесок торговцев. А у ворот в закрытый квартал она видела лишь нескольких человек.

— Неужели жители Яаар'гула совсем не сообщаются с внешним миром? Как же они живут? — поражалась охотница. — Или я что-то не понимаю?

Взглянув на возвышавшуюся впереди спину, она решила попытать счастья и снова испытать терпение мрачного проводника.

— А как у вас с едой и другими важными товарами? — полюбопытствовала она.

— Привозят. Раздают. Мы отказались от торговли и денег. Суётный подсчёт медяков отвлекает от высокого, — просвистел проводник.

— И хватает? — усомнился Валлар. — Когда раздают, обычно недодают. Я десять лет в королевской армии служил и знаком с недостатками бесплатного казённого обеспечения.

— Мы не голодаем. Стремление к материальным удобствам — страсть низменного разума. Нам не нужна роскошь, — в голосе проводника появилось раздражение.

Дорога раздалась вширь и пошла вниз. Людей вокруг ощутимо прибавилось. Пение

стало отчётливо слышно. Путь привёл к высоким воротам, украшенным причудливыми барельефами и гротескными изваяниями. В открытую пасть ворот текла торжественная процессия. Облачённые в строгие чёрные одеяния люди звенели золотыми и серебряными колокольчиками, шагая под торжественное пение хора. В массивных латунных чашах с выгравированными на тусклом металле заклитиями курились ладан, нард и мирра.

Присоединившись к окутанной ароматным дымом процессии, Мария и Валлар прошли через ворота и оказались на многолюдной площади. С трёх сторон на высоте второго этажа площадь окружали длинные балконы с балюстрадами тёмного мрамора. На них тоже стояли люди с колокольчиками.

На противоположном от входа конце площади распахнулись двери храма. Вышли трое в таких же тёмных одеяниях, как и у большинства собравшихся. Одного из них Мария узнала: то был Миколаш, известный ей по Бюргенверту. Вышедший вместе с ним человек сделал шаг вперёд и начал речь.

— Приветствую вас, братья и сёстры! — прогремел голос оратора. — Рад видеть вас! Сегодня нас ждут новые сны! Да станет кровь нашей верной проводницей!

Тем временем цепкий взгляд говорившего пробежался по толпе. Встретившись с этим колючим взором, Мария почувствовала себя неудобно. Увидев новые лица, оратор едва заметно кивнул Миколашу. Тот незамедлительно нырнул в толпу и спустя минуту появился возле охотников.

— Мне сообщили, что вы придёте, охотники, — услышала Мария вкрадчивый голос с придыханием.

От Миколаша пахло давно немытым телом. Неприятный запах перебивал даже густой аромат благовоний. Землистое лицо расплывалось в приторной улыбке. Маленькие глазки воровато бегали по сторонам. Девушку передёрнуло от неприязни.

— Вам оказана великая честь, — протянул сновидец. — Присоединиться к ритуалу Менсиса. Погрузиться на дно бессолнечного моря.

— Миколаш, давай мы побеседуем в более уютной обстановке? — недовольно предложил Валлар.

— Разумеется! Идёмте за мной, — сутулясь как обычно, Миколаш повёл охотников ко входу в храм.

Пройдя сквозь толпу, они погрузились в холодный мрак храма. Лестница шла вверх, но вскоре Миколаш свернул в сторону. Пройдя через лабиринт тёмных коридоров и окутанных тьмой залов, охотники попали в унылого вида келью, освещаемую лишь крохотным закопченным окошком.

— Леди Мария, здесь вы будете жить всё время вашего паломничества, — с той же слащавой улыбкой заявил Миколаш. — Валлар, твоё жилище соседнее. За стеной.

Трое зловещих сопровождающих, неотступно следовавших за охотниками, безмолвно стояли в коридоре. Их присутствие заставляло девушку нервничать всё больше и больше.

— Я собиралась ночевать дома, — возразила Мария.

— Тогда вы не достигните необходимого для паломничества отрешения от уродливого бренного мира, — произнёс сновидец, странно взыв в конце фразы. — Еду вам будут приносить. Остальные удобства в конце коридора.

Охотница обратила внимание на стоявший в углу металлический предмет, напоминающий высокую узкую клетку без дна. Толкнув Валлара за спиной Миколаша, она украдкой показала ему на жутковатую конструкцию.

— Что это? — грубо спросил охотник у сновидца.

— Это то, что помогает видеть, помогает излечить нашу ужасную слепоту, — пространно объяснил он. — Во сне. Вы всё поймёте! Мы, пилигримы неявного мира, засыпаем и просыпаемся в такт астрологическим циклам. Вы же знаете, что возможность общения с Великими зависит от расположения звёзд? И что кровь тоже подвластна таким циклам? Это и есть ритуал Менсиса. Вернее жалкое подобие того, чем он должен стать в будущем. Скоро наступит ночь. Ночь будет длинной, и мы увидим много прекрасных снов.

Резко выпрямившись, он вперил взгляд в Марию. Сновидец смотрелся жалко: грязный, заросший, сгорбленный и полубезумный. Но в этих стенах он был хозяином. Элегантная Мария и могучий Валлар оставались гостями.

— Вы слышали о Великой Кос? — взвыл Миколаш. — Миллионы лет назад она спустилась с небес в морские пучины, и до нынешнего века дарует видение истины тем, кто возжелает того всем сердцем. Но повелители кошмаров жестоко карают недостойных, дерзнувших ступить в их владения.

— Мы слышали о Великой Кос, — осторожно подтвердила охотница. — Но не могли бы вы говорить более предметно?

— Чего ты желаешь? — неожиданно спросил он. — Мы укажем путь за стены сна, но дальше ты пойдёшь одна. Я знаю о тебе, наследница птумерианских мудрецов. Тебя ждёт путешествие по стопам предков. У каждого паломника свой путь. За тобой следят глаза. Много глаз. Даже больше, чем за твоим другом...

* * *

Для Марии последующие дни слились в одно мучительное бдение на грани сна и бодрствования. Весь мир съёжился до унылой кельи и затхлого зала, где она, Валлар и другие добровольные узники слушали безумные песнопения Миколаша и созерцали ряды причудливых символов и идиограмм. Разговаривала она мало и исключительно с Валларом. Но на исходе второго дня охотник ушёл в себя и перестал отвечать ей. Миколаш объявил, что Валлар погрузился в царство грёз и беспокоить его нельзя. С того дня охотник неподвижно сидел в своей келье с жуткой клеткой на голове, не двигаясь, не принимая пищи. И без того бледное лицо налилось мертвенной серостью.

Очень скоро Валлар стал похож на измождённого человека, сидевшего в углу общего зала с дня их прибытия. Миколаш представил неизвестного как своего родича. На голове человека красовалась та же металлическая конструкция. Иссохший, исхудавший, подобный обтянутому кожей скелету, человек явно находился на пороге смерти.

Только сейчас Мария до конца осознала отчаяние их положения. И Анна, и многие другие ходили запутанными дорогами меж сном и явью в поисках ответа. Но никто не нашёл пути к спасению. Анна считала, что происхождение Марии приведёт её в кошмары Птумеру, к разгадке. Но разве эта надежда не призрачна?

Воодушевление Анны и остальных — попытка сохранить хорошую мину при плохой игре, думала охотница. Мария не являлась опытным сновидцем, и ей оставалось надеяться на удачу.

Цель маячила на грани сознания, дразня и лишая покоя. Серые стены не желали отпускать Марию. Монотонность сводила с ума. Мысли о расплывающейся заразе наполняли

сердце колючей тревогой. Пока её учитель сражается за жизнь города, она сидит с клеткой на голове в сыром подвале, бесполезная и никчёмная. Иногда девушке мерещилось, что когти чудовищ уже скребутся о хлипкую дверь.

Но Мария не позволяла сомнениям одолеть себя. Убивать чудовищ, отказавшись от попыток найти источник распространения заразы — значит участвовать в войне, заведомо обречённой на поражение. Идти во мрак царства сновидений, положившись на зов крови? Надежда призрачна. Но она хотя бы есть.

Когда охотница уже потеряла счёт времени, а сумрачная келья превратилась в ничего не значащий карандашный набросок, Миколаш заглянул к Марии.

— Ешь это, — повелел сновидец, запихнув в рот обессилившей охотнице склизкий комок. — Глотай. Это поможет тебе.

— Что это? — слабо просипела девушка, проглотив мерзкую субстанцию и отстранив Миколаша.

— *Corpus amygdaloideum*, миндалевидное тело, — ответил тот, безумно улыбаясь. — Мой родич Вацлав скончался этой ночью. Он был хорошим человеком и сновидцем, да. Ты — это то что ты ешь, верно?

Мария почувствовала сильнейший прилив тошноты.

— Не смей выплёвывать! — крикнул Миколаш, зажимая девушке рот. — Вацлав обрадовался бы, если бы узнал, чему послужил его мозг!

Понимая, что сопротивление ничем не поможет делу, охотница подавила тошноту и откинулась в кресле. Зажмурив глаза, она почувствовала, как ей на голову опустилась злополучная клетка.

— Где же он? Внутри или вовне? — услышала Мария торопливое бормотание. — Везде, конечно! Ибо древние учили, что микрокосм един с макрокосмом!

В следующий ужасный миг девушка почувствовала, что некая могучая и неодолимая сила властно тащит её во тьму...

* * *

Ужасное видение явилось Марии: исполинская тварь с двумя короткими ногами, восемью ужасными когтистыми лапами, тщедушным туловом и головой, рельефом напоминающим уродливую, покрытую противными волосками миндалину. Лапы располагались омерзительно несимметрично. У кошмарного создания имелся короткий хвост, чем-то напоминающий рачий, только длиннее и подвижнее. На подбородке твари извивались длинные, влажно блестящие щупальца.

Спустя мгновение видение растаяло. Мария поняла, что лежит среди развалин, где только что отгремела ужасная битва. Вперемешку лежали тела людей и чудовищ. Встав, девушка с удовольствием нащупала на поясе рукоятку верного Ракуйо.

Присмотревшись к лицам павших в битве людей, она поразились странным чертам некоторых из них. Эти люди походили не на современников Марии, а скорее напоминали изваяния, виденные в птумерианских лабиринтах.

Оглядев себя, охотница поняла, что её одеяние представляет из себя причудливую смесь птумерианских и человеческих одежд.

До самого горизонта простирались дымящиеся развалины. Солнце на небе

отсутствовало. Мария знала ритуал, необходимый для продвижения в сокровенные глубины кошмара; но ей хотелось найти место поудобнее.

Чтобы двигаться в этом странном туманном мире, хватало осознанного желания. Ноги лишь помогали оформить намерение.

— Ты помнишь моё имя, Мария? — прошептал незнамо как возникший на её пути человек.

— Ты... ты кто? — пробормотала охотница, всматриваясь в незнакомое лицо.

— Ты помнишь вкус моей крови, — расхохотался человек. — Вкусно? Понравилось?

— Я не знаю, о чём ты, — попятилась Мария, видя, как облик собеседника искажается, и человеческое уступает место звериному.

Лезвие Ракуйо прошло сквозь врага, не причинив вреда. Но в мыслях охваченной смятением охотницы пронеслись слова, как-то сказанные Ром.

— Обжигающий океан огня, опалённый ониксовый остров, — прошептала Мария, полоснув клинком по своей руке.

Слова сами по себе бессильны. Но словами и волей можно вызвать то, что таится в нас самих.

По Ракуйо побежало ослепительное белое пламя. Выполнив резкий выпад, охотница проткнула разъярённое чудовище. Вспыхнув, существо мгновенно превратилось в пепел.

— Ты — не настоящий, — сказала она пеплу. — Я прошла это испытание. Я виновна, но не позволю угрызениям совести похоронить меня раньше срока.

Послышались тяжёлые шаги. Звук представлялся одновременно далёким и близким. Руины нависали над головой, соединяясь в совершенно невозможные конструкции. В застывшем воздухе — хотя какой здесь воздух? — висели едкие эманации страха и беспросветного отчаяния. Само место располагало к тому, чтобы опустить руки и сдаться. Но Мария лишь крепче сжала Ракуйо, приготовившись встретить новую опасность.

Из арки полуразрушенных ворот вывалился Валлар. Одежда охотника побурела от засохшей крови. Глаза пылали неукротимой яростью. Руки сжимали двуручный молот, окутанный лазурным сиянием.

— Я разможу тебя, Лоскутик! Жалкое членистоногое! — рычал охотник. — Я настигну тебя и выпью кровь, тварь!

— Валлар! — позвала Мария. — Ты меня слышишь? Это я, Мария Браге, охотница!

— Этот никчёмный уродец обманул меня и заманил в ловушку! — проревел Валлар. — Я увидел свет на краю пропасти и пошёл на него! Но это была западня! Никогда не верь паукам! Я должен настигнуть и убить подлеца!

— Валлар! Не знаю, что с тобой случилось, но мы должны выполнить свой долг! — попыталась вразумить его Мария. — Ты знаешь, куда идти?

— Иди куда хочешь, бледная женщина, — Валлар стиснул молот. — Никто не выполнил свой долг. Дело провалено. Мы мертвы. Твоё прекрасное тело жрут черви, жирные, жадные. Теперь я хочу только одного — убивать. Хочу купаться в крови. Чтобы кровь лилась неиссякаемым зловонным водопадом. Хочу возвести храм из костей жертв.

— Ты ошибаешься! Мы не мертвы, но спим! — возразила Мария. — Надежда ещё есть! Одумайся и укроти гнев!

— Нет! Это ты ошибаешься, безумная! Мы погибли, и наше заточение, наша охота будут вечными! — хрипло взревел охотник. — Прочь с дороги!

Рванувшись со скоростью охваченного неистовством быка, Валлар исчез среди руин.

Мария снова осталась одна. Сейчас она окончательно осознала, что всё происходит за пределами привычной действительности. Окружающий пейзаж не принадлежал миру яви. Здешние препятствия бросали вызов силе не физической, но духовной.

— Мне нужно говорить с теми, кто знает прошлое! — оглядев пепелище, строго сказала охотница. — Откройте путь! Он здесь, я чувствую! Не пытайтесь запутать меня!

Ничего не изменилось.

— Амигдала! Внемли имени, что дали тебе люди, и предстань передо мной! — собрав всю свою волю, повелела Мария, и клинком начертила в воздухе символы, описанные Миколашем как дающие право обращаться к Великому. О чудо! — перед ней вспыхнули огненные линии.

Охотнице стало не по себе от своей дерзости. Кто она такая, чтобы взывать к Великим? Немало сомнений пришлось преодолеть ей, чтобы довести дело до конца.

Мария поняла, что теперь находится посреди каменистой пустоши под туманным жёлтым небом. Среди голых скал торчали ряды каменных надгробий. Вымощенная битым песчаником дорога вела в мрачное, дышащее нездоровыми парами ущелье. Ни одна зелёная травинка не скрашивала давящей серости ландшафта.

Спустя некоторое время её внимание привлёк человек, навзничь лежащий на обочине. Подойдя к нему, она узнала одного из соседей по добровольному заточению в подземельях Яаар'гула. Фигура человека выглядела дымчатой, призрачной, ненастоящей. Куда более ненастоящей, чем валяющиеся кругом камни и серо-жёлтое небо.

— Вы в порядке? — спросила она.

— Я проиграл. В который раз, — безжизненно ответил человек. — Привратники не убивают. Они просто ждут, когда ты сломаешься, и отправляют назад. Потому что ты не готов.

— Миколаш говорил, что мир грёз защищают от посягательств недостойных некие существа, — вспомнила Мария. — Вы имеете в виду их? Вам нужна помощь?

— Лучше помоги себе, — так же безжизненно произнёс человек. — Я переоценил себя. У меня нет ни воли, ни мужества. Я обуза себе, и не хочу становиться обузой тебе.

Мария не смогла ответить.

— Оставь, — выдохнул человек и растворился в воздухе.

Встреча с Амигдалой

В стороне от тропы показался вырезанный в камне проход. Оттуда лился золотистый свет. Золотое сияние манило и приглашало свернуть с выбранного пути. Вспомнив произошедшее с Валларом, Мария преодолела мимолётное искушение.

На обломанном клыке скалы неподалёку сидело странное существо. Внешне оно выглядело как огромный паук с человеческой головой.

Стоило охотнице приблизиться, как паукочеловек спрыгнул на землю и побежал прямо на неё. Выхватив клинок, девушка приготовилась к обороне. Но, вместо того чтобы напасть, существо упало перед ней ниц.

— Не губи, прекраснейшая и могущественнейшая госпожа! — заискивающе лепетал паукочеловек. — Я принёс тебе важные, очень важные известия!

— Кто ты? — сурово спросила Мария. — Отвечай!

— Презренный Лоскутик моё имя, — ответил он. — А сказать я должен вот что: в пещере, что за этой скалой, тебя ожидает сокровище. Позволь мне услужить тебе и показать дорогу! Для меня великая честь угодить такой как ты!

— Нет, Лоскутик, — усмехнувшись, отказалась охотница. — Ты заманил в свою глупую ловушку человека, что проходил здесь до меня. Не надейся, что я пойду за тобой!

— Все дороги здесь ведут к Великому Амигдале, так что какая разница, какую из многих выбрать? — расплылся в слащавой улыбке уродец.

— Убирайся! — рявкнула Мария. — Не попадайся мне на глаза: Валлар хотел размножить тебя. Я — зарублю.

* * *

Извилистая дорога, петляющая по каменистым пустошам, привела Марию к воротам полуразрушенной крепости. Щупальца мёртвых лиан опутывали каменные стены. Рядом зияла пропасть и, чтобы добраться до входа, пришлось проделать небезопасный путь по её краю. Предательски ненадёжная тропка так и норовила уйти из-под ног. Бездна выдыхала едкие жёлто-зелёные испарения. На дне в пруду из мерзкой жижи копошились белёсые осьминогоподобные создания.

Чёрный зев открытых ворот дышал могильным холодом. Ступив под их тень, охотница оробела.

— Я заявляю своё право войти, — твёрдо отчеканила она, выводя в воздухе пылающие символы.

Окружающая тьма сгустилась и набросилось на Марию голодным хищником. Долго продолжалась незримая борьба. Могучая воля пыталась сломить сновидицу, забрать силы и выкинуть наружу, выпив досуха.

Ей вспомнились слова: «Привратники не убивают. Они просто ждут, когда ты сломаешься, и отправляют назад.»

С каждым шагом духовное давление возрастало. Стиснув зубы, Мария продолжала идти вперёд. Только упрямство и нежелание сдаваться помогло выдержать испытание. Вскоре тьма немного рассеялась, и давление исчезло.

Девушка почувствовала на себе взгляд. Повинуясь воле охотницы, бегущее по лезвию Ракуйо пламя ярко вспыхнуло, залив светом длинный высокий коридор.

Навстречу ей двигалось страшное существо, похожее на клубок змей или щупалец, обвязанный полосами расшитой жуткими письменами ткани. У твари смутно угадывались голова и руки. Вместо кистей руки заканчивались длинными костяными лезвиями. При движении существо издавало мерные влажные шлепки и ритмичные постукивания. Порождение кошмара гнало перед собой всеокрушающую волну ужаса.

Мария невольно попятилась назад. Почувствовав её смятение, существо неумолимо ринулось вперёд, выпуская из верхней части тела длинный тонкий хобот. На конце уродливого отростка блеснули бритвенно-острые шипы.

— Привратник не сумел прогнать меня и решил убить! — с ненавистью подумала девушка. — Человек на дороге ошибался! Они убивают!

Вернув самообладание, Мария пришла в себя. Существо замахнулось костяным мечом, но охотница ловко поднырнула под удар и со всей силы рубанула конечность твари. Ракуйо вспыхнул маленьким солнцем, и костяной меч упал на пол. В отличие от обратившихся, пронзительно визжащих от боли, порождение кошмара переносило раны без единого звука.

Преждевременно обрадовавшись успеху, Мария поспешила ударить ещё дважды, надеясь быстро расправиться с противником. Но напавшее на охотницу существо за время своего мерзостного существования погубило не один десяток смельчаков и умело пользоваться ошибками своих жертв. В следующее мгновение девушку настиг удар десятка твёрдых как стальные плети щупалец. Ошеломлённая ударом, Мария пропустила взмах костяного меча. Сознание схлопнулось в раскалённый добела сгусток боли.

Подняв с пола верхнюю половину тела своей жертвы, тварь вонзила ей в грудь гибкий хобот и принялось пить кровь.

Раньше Мария и представить не могла таких мук. Невыносимая боль вместе с ужасом и отчаянием затопили разум, смывая всё на своём пути. Эта ужасная агония смела всё человеческое. Ничего не видя, забыв себя от страдания, охотница бессильно открывала рот в немом крике.

Побеждённая воля восстала из пламени страдания подобно мифическому фениксу. Смерть сломала свою косу. То, что когда-то являлось Марией, принялось отчаянно собирать разрозненные осколки. Боли и страха не осталось — пришла радость от чудесного самовозрождения.

Окровавленное тело растаяло прямо в щупальцах порождения кошмара. Валявшийся на полу клинок полыхнул белым пламенем и исчез. Недоуменно поведя хоботом, тварь уползла во тьму.

* * *

Мария открыла глаза. Впереди по-прежнему темнел провал ворот с затаившимся во мраке ужасом. В зелёных глазах девушки танцевало злое колдовское пламя. Страх ушёл. Она знала, что делать.

Темнота спешно бежала от яростного белого пламени. На этот раз Привратник даже не пытался прогнать её, сразу кинувшись в атаку.

— Я уйду от твоих мечей, как песок сквозь пальцы. Песок, путешествующий по

пустыне, — прошептала Мария, полосуя лезвием по руке.

Растворившись в желтоватой дымке, охотница пропала из виду врага. Костяные мечи и хобот ударили в пустоту. Не успело порождение кошмара развернуться, как острое лезвие дважды пронзило его мерзостную плоть. Привратник попытался ответить, но лишь выбил крошку из хрупкого камня. Затем тварь лишилась с немалым трудом восстановленной конечности.

Прежде лишь немногим удавалось так ранить Привратника. Ярость незваной гостьи напомнила ему о ярости сильнейших из его жертв. Но раньше все жертвы умирали, сдавались или бежали. А эта вернулась. И не повторит прошлой ошибки.

Существо слабело с каждым пропущенным ударом. В последний момент уклонившись от отчаянного броска, Мария отсекала хобот и вонзила пылающее лезвие в основание обрубка. Взметнувшееся до потолка пламя поглотило Привратника. Так закончилась его многовековая стража.

Переведя дух, охотница двинулась дальше. Потрясение сильно изменило её. Мнимая гибель оставила шрам в душе, но подарила ранее недоступную мудрость. Кроме того, Марию не покидало чувство, что некая могучая сила помогала собирать осколки её разбитого разума после поражения.

Коридор, низкий зал, пахнувший кровью жертв Привратника, длинная винтовая лестница остались позади. Мария оказалась под открытым небом.

Взгляду охотницы предстал внутренний двор крепости. Посередине площади возвышался колоссальный трон из чёрного базальта. Мария узнала исполинское существо, восседавшее на нём. Встречи с ним жаждали сновидцы Яаар'гула, но лишь единицы хотя бы видели Его тень. Великий Амигдала. Один из бессмертных владык страны снов. Тот, кого она видела в начале сна в виде смутного образа, предстал во всём своём ужасающем величии.

В Бюргенверте говорили, что человек, увидевший данного Великого воочию, должен сойти с ума.

Оказавшись перед Амигдалой, охотница испытала восхищение.

Мария подняла руки в ритуальном жесте. Одна рука вертикально вверх, другая параллельно земле.

— Великий Амигдала! Почтеннейший и могущественнейший Творец и Владыка Кошмаров! От своего имени, от имени обитателей города Ярнам и во имя крови моих предков, я прошу дать мне знание, — твёрдо и громко произнесла она. — Какая сила повинна в гибели цивилизации Птумеру и обращении людей в чудовищ?

В сознание Марии ворвался неуправляемый поток образов. Покачнувшись, она попыталась выловить из этой бурлящей реки что-то отдельное.

Многое, что раньше являлось скрытым, стало явным и понятным. Другое из значимого стало неважным и наоборот. Прежняя Мария если и не исчезла, то сильно изменилась.

В этом сне она отчасти поняла суть сил Великих. Мария догадалась, в чём основная ошибка Церкви и древних птумерианцев. Пришло знание таких тайн, о которых раньше она не могла и помыслить. Откровение не удавалось осмыслить до конца. Охотница подозревала, что после пробуждения забудет большую часть. Чтобы вспомнить, придётся пройти ещё много дорог — в мире яви и в мире сна. Но так ли уж это плохо? — спросила она себя.

Мария разобралась, почему люди обращаются в чудовищ. Амигдала знал об этом даже

больше виновника. Амигдале подвластны страх и агрессия — кто, как не Он, мог разбираться в существах, чья природа несёт в себе искажение этих базовых эмоций?

Амигдала простёр над сновидицей чудовищную шестипалую руку. Мария почувствовала, как незримая сила отрывает её от земли, и провалилась в стремительный лиловый водоворот.

* * *

Когда лиловый вихрь рассеялся, Мария увидела себя посреди длинного зала с низким потолком. На стенах пылали факелы. Попытавшись пошевелиться, охотница почувствовала, что скована по рукам и ногам тяжёлыми ржавыми цепями. Острые шипы вонзались в плоть.

Вокруг возвышалось десять алтарей с прикованными телами. Одиннадцатый достался ей.

Повинуясь беззвучному приказу, шипастые кандалы окутались ярким пламенем. Не выдержав жара, металл потёк. Освободившись, Марии с огромным трудом удалось укротить неистовое пламя. Едва не сгорев, она погасила жёлто-белые языки и укуталась в дымную мантию.

Переведя дух, девушка осмотрела остальные алтари. Девять жертв непонятного ритуала давно умерли. Десятый оказался жив. Найдя ключ на пустом, забрызганном кровью столе неподалёку от выхода, Мария освободила страдальца.

Присмотревшись, она поняла, что неизвестный является птумерианцем и облачён в жреческие одеяния. Хотя тот на удивление быстро пришёл в себя, поговорить не удалось: охотница не знала древнего языка. С большим трудом удалось объясниться при помощи куска обугленной деревянной колодки, рисуя на стене. Передавая обгоревшую деревяшку, охотница и птумерианец смогли вкратце рассказать друг другу историю своих злоключений.

По ходу дела выработалась система обозначений: например, если один из собеседников понимал рисунок другого, то изображал рядом открытый глаз. В обратном случае рисовался закрытый глаз.

Давным-давно цивилизация птумерианцев вышла на связь с могущественными существами, которых в Ярнаме называли Великими. Часть встреченных Великих скрывалась в исполинских гробницах, расположенных в глубочайших пещерах и в тёмных морских впадинах. Другие скрывались в иных измерениях и далёком космосе. Птумерианцы выстроили огромные города-храмы вокруг гробниц и поклонились тем, кого признали своими богами. Используя высшие достижения своей науки, они оживили многих спящих Великих. В ответ те поделились частью своих знаний и сил.

Мария знала, что существует множество видов Великих. Благодаря этому она поняла, что птумерианец рассказал о дальнейших событиях. Оказалось, что на многих из новых птумерианских богов лежит проклятие: при всём своём могуществе Они не могли влиять на ту реальность, в которой жили птумерианцы и люди, как того желали. Чтобы добиться ещё большего расположения своих богов, жрецы Великих заключили договор, названный Кровавым контрактом.

Великие делились с птумерианскими жрецами своей сверхъестественной силой, давая им пить свою кровь. Так высокопоставленные птумерианцы могуществом, а отчасти и обликом уподобились своим идолам. Постепенно жрецы захватили власть в обществе,

превратив Птумеру в жестокую теократию.

Но за такие дары приходилось платить. Глава культа — верховная жрица — должна была заключить брак с Великим и родить ребёнка. Колоссальную разницу между человекоподобными птумерианцами и Великими, препятствующую появлению общего потомства, удалось преодолеть не сразу: понадобились десятилетия изысканий. Но в один судьбоносный день жрица зачала. Протоестественное соединение науки и могущества Великих дало плоды. Порождённый нечестивым союзом птумерианки и инопланетного божества, ребёнок стал проводником Их воли в мир. С тех пор в жреческих кругах каждые десять лет выбирали нескольких женщин, что должны были родить детей от Великих. Избранные считали свою роль великой честью. После рождения детей-полукровок они нередко вставали во главе городов-храмов или занимали иные важные посты.

Сначала птумерианский народ думал, что вступил в золотой век. Благодаря крови Великих стало возможным почти неограниченное совершенствование тела и разума. Жрецы начали наивно считать, что боги озабочены их благом и исполнением их желаний. Но Великие рассматривали птумерианцев лишь как средство достижения собственных целей.

Со временем проявились побочные эффекты. Сила, дарованная жрецам, выедала их изнутри при частом использовании. Многие мудрецы со временем обратились в пустые оболочки, безумные тени самих себя, смертельно опасные для своих сородичей. Но это стало лишь началом. Один из найденных Великих в силу своей природы обладал огромной властью над бессознательной составляющей разума птумерианцев и людей. Более всех остальных жаждал он менять мир. Кровь всех смертных существ была испорчена его влиянием задолго до рождения разума на планете. Птумерианцы дали ему волю, смешивая свою кровь с кровью Великих. Началась Чума Зверя.

Жрецы молили своих богов о помощи, но ответом стало молчание. Возникло народное движение, направленное против культа Великих и детей-полукровок. Лидеры движения утверждали, что жрецы позволили полукровкам принести расу Птумеру в жертву Великим.

Говорили, что во всём виновата тогдашняя верховная жрица — женщина по имени Ярнам. Тогда она уже носила ребёнка от одного из Них. Восставшие, что взяли город-храм штурмом, убили её, выстрелив в живот и отрезав голову.

Чуму Зверя остановить не удалось. Цивилизация рухнула. Однако почти все полукровки погибли от рук восставших, и планы желавших власти над родной для птумерианцев действительностью Великих пошли прахом.

Один из городов-храмов пережил цивилизацию Птумеру на тысячу лет благодаря союзу с людьми и осторожному обращению с кровью. Но проклятие настигло и их. Последние из птумерианцев, обладавшие крохами дарованной Великими силы, принесли себя в жертву и провели ритуал, чтобы навеки запечатать Чуму Зверя в мире кошмаров. К тому моменту они знали о своём враге достаточно. Выжившие покинули погибший город, разбрелись по миру и со временем полностью смешались с людьми.

Воспоминания о пожертвовавших жизнью птумерианцах запечатлелись в кошмаре. Собеседник Марии являлся не более чем воспоминанием о давно умершем жителе древнего города.

Знание о ритуале хранил Хозяин Кошмара — живое воспоминание о последнем из полукровок. Хранил в своей призрачной крови.

Место, в котором оказалась Мария, очень сильно напоминало подземные лабиринты Птумеру, в которых она бывала много раз. Разве что сырости меньше. Кое-где, после длинных подъёмов, охотница встречала окна. За ними до горизонта простиралась бесплодная пустыня. Камни и песок под беззвёздным небом. Только луна в вышине, неправдоподобно огромная и болезненно-яркая.

Охотничье чутьё безошибочно вело к цели. По дороге несколько раз встречались уродливые твари — воспоминания о птумерианцах, обратившихся чудовищами. Пройдя запутанный путь по залитым кровью залам и галереям погибшего города, Мария добралась до огромного храма. Он располагался на поверхности. По обеим сторонам занесённой песком аллеи возвышались зловещие статуи. В одной из них охотница узнала Амигдалу. Створки огромных ворот храма из тёмного металла испещряли священные письмена. Из узких окон-бойниц лился мертвенный зеленоватый свет. За огромным куполом в чёрное небо втыкались четыре высоких башни.

Налетел страшный ветер. Видимость упала. Поднятый могучим вихрем песок лез в глаза, рот и уши, сбивая дыхание и ослепляя. Аллею моментально занесло, и правильное направление удавалось сохранять лишь по памяти. Превозмогая неожиданную ярость пустыни, Мария добралась до ступеней храма и поднялась к воротам. Ветер усиливался с каждым шагом девушки по направлению к входу. Мелкие песчинки залетали даже под воротник, которым охотница закрыла лицо. В шорохе песка слышалось шипение тысяч змей, а сквозь вой ветра доносился булькающий хохот. Отчаянным усилием приоткрыв одну из створок ворот, Мария протиснулась внутрь.

Храм освещался сотнями зеленовато-голубых светильников. По базальтовым плитам пола бежала тонкая резьба, изображающая космические облака и звёздные семейства. Внутренняя сторона купола повторяла изображённое внизу. По периметру корчились уродливые статуи, изображающие изменённых влиянием крови Великих птумерианских старейшин.

На возвышении в центре храма спиной к входу стояло существо в длинных красных одеждах. Существо — потому что человека или птумерианца оно напоминало мало. Конусообразная голова твари, лишённая глаз, носа и рта, усеянная щупальцами-присосками, заканчивалась тонким острым шипом. Из рукавов торчали утыканые иглами культы. От существа шёл протяжный, заунывный звук, созвучный доносящемуся снаружи вою песчаной бури.

Звук сам собой сложился в слова. Каким-то непостижимым образом твари удалось облечь свои мысли в понятную Марии форму, хотя ни одного общего языка у них найти не могло!

— Не думай, что получишь здесь желаемое, дочь предателей, — уловила охотница чужую мысль. — Я спасал Лоран не для того, чтобы твои предки-трусы позорно бежали.

— Имеет ли это значение сейчас, когда Лоран давно занесён песками, но та же беда угрожает другому городу? — сохраняя хладнокровие, решила попытаться поговорить Мария.

— Время не имеет значения. Здесь оно не властно. А предательство забыть нельзя, — обратился словами свист. — Вне явного мира мы могли бы возродить былое величие Птумеру. Кошмар, полный чудовищ, питал бы нашу силу. Но твои предки предпочли

смертную долю упоению вечного кровавого пира. Ритуал, заключивший силу Красной Луны в кошмар, являлся последним шансом на обретение истинного величия! Ограниченные недоумки видели в нём лишь возможность спасения многих через жертву немногими. Твои предки бросили меня, отказавшись погрузиться в глубины моего сна! Трусливо сбежали! Бросили умирать и усыхать в одиночестве, среди этих голодных песков! Так что убирайся!

— Расскажи мне о ритуале, и я немедленно покину тебя, — не оставила попыток договориться охотница. — Или дай каплю своей крови. Я знаю её тайный язык.

— Ты так же глупа, как и твои прапрадеды! — заскрипели злые слова.

Хозяин кошмара воздел уродливые конечности к потолку и протяжно завыл. Через приоткрытую дверь в храм ворвался песчаный вихрь, закруживший вокруг древнего жреца. Заискрили слепяще-фиолетовые разряды молний.

Мария, повинувшись интуиции, отбежала к стене и спряталась в нише за одной из статуй. Вихрь терзал храм. Песок стачивал базальт. Непрерывно вспыхивающие разряды разбивали статуи и светильники.

Вскоре ветер ослаб. Взгляду осторожно выглянувшей из укрытия охотницы предстало зрелище разорённого храма и обессилившего жреца. Понимая, что нельзя упускать такую возможность и в то же время опасаясь ловушки, Мария ринулась в атаку и чуть было не поплатилась за это, когда хранитель кошмара проткнул головным шипом свою мерзкую культю и исторг внушительный фонтан крови, вспыхнувшей всеиспепеляющим пламенем. Чудом увернувшись, охотница отступила. Ей вспомнилась схватка с братом Джоулом в подземелье: тот тоже полагался на сверхъестественные силы и проиграл, дав себя измотать. В этот раз противник куда сильнее, но она справится, сказала себе Мария.

Охотница чувствовала страх врага. Жрец боялся подпускать её ближе, и на этом можно сыграть, поняла девушка. Двигаясь вокруг центрального постамента, Мария вынуждала жреца наносить себе всё новые раны и тратить силы на попытки сжечь её и поразить электрическими разрядами. Пару раз она не успевала уйти с линии огня и получала болезненные ожоги. Отбежав назад и вновь укрывшись в нише, охотница переждала новый песчаный вихрь. На этот раз стихия отступила быстрее. То ли хозяин кошмара понял бесполезность затеи, то ли враг уже начал выдыхаться.

Забулькав, жрец встал на колени. Из его туловища выдвинулись длинные окровавленные шипы, разорвав одежду. Один шип проткнул правую конечность. Дёрнувшись, урод освободил культю. На шипе остался внушительный кусок мяса. На пол полилась кровь, обращаясь ядовитым туманом. Вскочив, хранитель кошмара бросился на Марию, окутанный удушающим облаком. Воспламенив клинок, охотница заставила пламя вырасти и прыгнуть вперёд, подобно голодному тигру. Огонь встретился с облаком, выжег яд и опалил мерзостное создание.

Из-за огромных шипов на теле противника Мария не могла подойти достаточно близко, чтобы нанести смертельный удар лезвием Ракуйо. Враг яростно наступал, надеясь насадить охотницу на шипы. Девушке удавалось достать жреца лишь кончиком лезвия, что приводило его лишь в ещё большую ярость. Окончательно потеряв самообладание, враг полез через кучу обломков разбитых скульптур, не разбирая дороги. И, споткнувшись об обломок статуи, хозяин кошмара повалился на пол, сломав несколько шипов.

Подскочив к растерянному врагу, Мария нанесла серию бешеных ударов по верхней части его туловища, надеясь отрубить уродливую голову. Пролившаяся кровь вспыхнула яростным пламенем и подняла в храме шторм, не уступавший по силе предыдущим.

Отчаянным усилием воли охотница заставила разбушевавшееся пламя жечь своего врага. Приняв на себя удар молний и песка, Мария провалилась в полную свиста ветра темноту, где визжало и причитало умирающее воспоминание об отвратительном порождении противоестественного союза Великого и птумерианской жрицы. Лишь ценой невероятного напряжения девушке удалось сохранить рассудок в этот момент. Из последних сил дотянувшись до обожжённого тела, охотница прикоснулась к тайне совершённого в незапамятные времена ритуала. И, покинув кошмар, погрузилась в самый обычный сон.

* * *

— Лоуренс следит за нами, — Миколаш, сгорбившись, мерил шагами келью. — Нашу работу саботируют!

— Каковы ваши распоряжения? — бесстрастно поинтересовался жуткий громила в балахоне.

— Найдите и заprite всех подозреваемых, — повелел сновидец. — Нельзя позволить кому-либо помешать нам завершить цикл Менсиса!

— Этих тоже? — спросил облачённый в балахон, указав на кресла.

В креслах сидели два человека с клетками на головах: мужчина могучего телосложения и высокая светловолосая женщина. Оба пугали смертельной бледностью. Лицо женщины искажала судорога боли.

— Да, этих тоже, — кивнул Миколаш. — И не забудьте разыскать проныру из Бюргенверта! Я не удивлюсь, если он играет ключевую роль в плане Лоуренса!

Время ушло

Проснулась Мария от холода. Придя в себя, она обнаружила, что лежит на подстилке из холщового мешка и сена. Из пола торчали металлические штыри решётки. Единственным источником света являлась тусклая керосиновая лампа, прикреплённая к стене. Её дрожащий огонёк давал алый отблеск на металлические прутья. Окна отсутствовали. Посмотрев на себя, девушка увидела, что одета в мешковатую рубаху и рваные штаны. Вся одежда пропала, включая нижнее бельё — нынешнее одеяние было напялено на голое тело.

Скрипнув зубами от унижения, охотница попыталась воскресить в памяти последние события. Что это за место и как она сюда попала? Мария помнила только кельи сновидческой обители. Образы кошмара поднимались из омута памяти с трудом, будто полный проклятых сокровищ сундук. Отчётливо вспоминались лишь ощущение ужасной боли и отчаяния, за которыми последовала холодная отрешённость, порождённая пониманием некой страшной истины. И ощущение могущества. Непохожее на пьянящее чувство силы, как от глотка крови. Не жадное упоение. Но сейчас всё ушло. Возможно, она сможет вернуть забытое — долгим упорным трудом. Но стоит ли?

Проснулась долго дремавшая жажда крови. Отчаянно захотелось впитать в себя хоть капельку этой липкой солоноватой жидкости. Закружилась голова. Крови хотелось так сильно, что у девушки даже запершило в горле. Зверь пытался взять реванш. Но кровопийца быстро сдался и бежал, испуганно поджав хвост. В Марии появилось что-то, что ему очень не нравилось.

Нынешнее местопребывание — темница, решила она глядя на внушительные прутья решётки. Предательство?

В воздухе висел кислый запах мочи. Точно темница, подумала она. Сзади доносились вздохи и сухой кашель. Поднявшись с матраса, Мария осмотрелась по сторонам и к своему удивлению заметила знакомое лицо.

— Здравствуй, Мария, — обрадовался её пробуждению Ян Горак из Бюргенверта, одетый в такое же тряпье, как и она, только ещё и покрытое засохшими пятнами крови. — Мне жаль, что мы встретились при столь нелепых и удручающих обстоятельствах. Ты в порядке? Когда тебя принесли, ты была как неживая.

— Ян! Как ты здесь оказался? Где мы? — поражённо промямлила девушка. — Как я? Бывало и лучше.

Помещение, в котором им не посчастливилось попасть, содержало шесть клеток, объединённых в два блока по три клетки. Клетки имели общие стены и запирались на большие навесные замки. В соседней клетке Мария заметила Валлара. Охотник без движения лежал на матрасе. Их с Яном клетка располагалась посередине. В другой крайней сидела обнажённая молодая женщина, тихо всхлипывающая и дрожащая от холода. Сосед Валлара — невысокий толстячок с бородавкой на носу — сидел, уставившись в одну точку и монотонно бормоча какую-то молитву.

— Мы в Яаар'гуле. Я пришёл сюда в надежде раздобыть образец редкой крови, но у Миколаша и его дружков обострение параноидального психоза. Они думают, что все хотят саботировать ритуал Менсиса, — развёл руками Ян. — На подписанное Анной разрешение даже смотреть не захотели. Видела бледных громил в балахонах? Стоило мне зазеваться, как они скрутили меня и бросили сюда. Позже пришёл Миколаш и обвинил меня во всех грехах.

— Я прибыла сюда с другим охотником, — Мария указала на неподвижно лежащего Валлара и подошла к решётке. Дотянувшись сквозь прутья, она безуспешно попыталась привести охотника в чувство. — Мы согласились присоединиться к ритуалу, чтобы найти источник проклятия Зверя во снах.

— У вас получилось? — взволнованным шёпотом спросил Ян. — Надеюсь, твой друг скоро придёт в себя.

— Мне удалось лишь найти несколько зацепок, — покачала головой Мария. — Мне нужно время, чтобы разобраться.

Ей показалось, что от этих слов померк и без того тусклый свет керосиновой лампы.

— Время, — горько прошептал учёный и яростно мотнул головой: — Мария, мы что-нибудь придумаем. Но сначала надо выбраться. Уверен, вместе мы найдём способ освободиться.

— Может, они нас просто отпустят? — предположила Мария. — Мы всё-таки не какие-нибудь бродяги. Хотя, если Миколаш позволяет себе такое, значит он окончательно лишился рассудка, а Церковь и Корона потеряли власть над городом.

— Надо выбираться, — твёрдо повторил Ян. — В Ярнаме что-то назревает. Везде беспорядок.

— Я не умею открывать запертые двери голыми руками, — вздохнула Мария.

— Надо проявить сообразительность и смекалку, — дал бесполезный совет учёный. — Эх, что случилось с великим сновидцем?

— У него вроде родственник умер недавно, во время ритуала, — выдвинула версию охотница, умолчав о тошнотворных подробностях.

— Родственник? Он считает родственниками всех, чью кровь ему переливали, — усмехнулся Ян.

В дверь заглянула снулая морда охранника и, не увидев ничего подозрительного, исчезла. Учёный поднял руку, будто захотев помахать охраннику, но тут же опустил.

— Позовём охрану? — внезапно предложила охотница, сев на подстилку, привалившись к стене и вытянув ноги.

— Предложим ему взятку? — ядовито поинтересовался Ян. — К сожалению, деньги оставил дома. Может, у тебя есть с собой банковские чеки? Или золото Кейнхёрста?

Склонность Яна к шуткам в сложных ситуациях Мария знала ещё по учёбе в Бюргенверте.

В эту нелёгкую минуту на обычно решительную и неунывающую охотницу навалилась мучительная апатия. Усевшись на сено, девушка обхватила голову руками и зажмурила глаза. Не хотелось ничего, только лечь и умереть. Стали ли отрывки полученного от Великого Амигдалы знания причиной приступа отчаяния, или просто она подошла к пределу своей выносливости? Охотница не знала. На краю сознания бродила мысль, что попытки предотвратить катастрофу обречены на провал. Отчётливо причину такого вывода вспомнить не получалось.

Тело налилось свинцом. Искать способ освободиться не осталось сил. Благодаря отвратительному ритуалу Миколаша она краем глаза взглянула на силы, исподволь манипулировавшие безрассудными ярнамитами с того злополучного дня, когда археологи из Бюргенверта раскопали вход в лабиринты Птумеру. Всё тщета. Человек — разменная монета в играх Великих.

Анна рассчитывала, что носительница птумерианской крови найдёт в кошмаре ключ к

спасению. Но охотница чувствовала, что лишь подтвердила неминуемость гибели.

Закрыв лицо руками, Мария тихо заплакала от злости и бессилия.

— Мария, милая моя, — прошептал Ян и взял её за руку.

— Ян, мы прокляты, — беззвучно пробормотала девушка. — Задолго до Церкви и Бюргенверта. С самого рождения жизни. Обречены питать отвратительную тварь своей кровью. Древние религии утверждали, что человек предназначен богу. Шло время и мы поверили в себя. Те верования канули в прошлое, как унижающие достоинство человека-творца, человека-борца. Теперь я знаю, что культы прошлого были правы. Мы лишь мясной скот для омерзительной твари. Такова наша природа. Это предначертанная нам судьба. Наш рок.

— Пожалуйста, успокойся и послушай меня, — мягко произнёс Ян ей на ухо. — И ты, и я знали, что стоящие за Чумой Зверя силы невероятно могущественны. Мы давно знали, что особых шансов на победу нет. Но разве это обстоятельство отменяет нашу правоту? Я не собираюсь быть овцой, покорно идущей на убой. Ты, думаю, тоже. Что вообще мы можем противопоставить врагу?

— Если тебе не удалось найти лекарство, то ничего, — покачала головой Мария. — Разве что...

— Мне и моим людям не дают ни средств, ни времени. До результата, к сожалению, ещё далеко, — горько вздохнул Ян. — Уж не происки ли это упомянутой тобой тёмной силы? Но о чём ты хотела сказать, но не договорила?

Сосредоточившись, Мария извлекла из памяти историю гибели Лорана. Голова отозвалась ноющей болью. К горлу подкатил комок.

— Я узнала способ, которым жители Лорана остановили Чуму Зверя, — прошептала девушка. — Они принесли в жертву тех, кто нёс в себе силу Великих.

— Предлагаешь умертвить адептов Хора? — грустно улыбнулся учёный. — Не уверен, что они согласятся, пусть даже жертва могла бы спасти мир. Разве что Анна, но она не сторонница жертвоприношений по другим причинам.

— К тому же я сомневаюсь, что жертва поможет. Кровь хористов всё же слишком слаба. Мы лишь выиграем время, — отвергла этот вариант Мария. — Нужно что-то совершенно иное.

— Ты и Ром, — с затаённым ужасом прошептал Ян. — Став одними из Них, как хочет того бедная Ром, вы смогли бы предотвратить беду?

— Я не знаю, Ян, не знаю, — тяжело вздохнула Мария. — Я не думаю, что смогу. Я близка к тому, чтобы сломаться. Чтобы принять такое могущество, нужно уже быть подобной несокрушимо алмазу. Даже если получится, вряд ли мы справимся с этой тварью. За ней миллионы и миллионы поглощённых жизней.

— Если возвышение спасёт от Чумы только вас двоих, я умру без отчаяния, — бесстрастно ответил учёный. — Но мы в любом случае не должны сдаваться! Война не проиграна! Ещё есть время, и мы с тобой не одни! В любом случае твоё путешествие дало новые знания. Все вместе мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо. Ты устыдил меня, — выпрямилась девушка. — Я даю слово не сдаваться. Пусть отчаяние придаст сил.

Мария чувствовала, как вязнет и путается в потоке событий. Беспорядки в городе, заговор Логариуса, нелепое заключение, — на первый взгляд несвязанные события приобретали устрашающий смысл. Чья-то могучая воля довлела над всеми, кто пытался идти

против утягивающего в пропасть течения.

В глазах охотницы снова загорелась решимость. Убрав волосы с лица и утерев слёзы, она задумчиво глянула на злосчастную решётку.

— Предлагаю всё же позвать охрану.

* * *

Пробуждение в темнице Яаар'гула стало одним из худших в жизни Валлара. Голова гудела подобно самому большому колоколу Соборного округа. Кости нещадно ломило. Чувство вины проснулось одновременно с сознанием: он подвёл Марию. Он не способен управлять собой и совершенно никчёмён. Часть разговора Марии и Яна дошла до его ушей, но окончательно Валлар пришёл в себя тогда, когда у клеток раздался резкий голос тюремщика.

— Вы не выйдете отсюда, пока Миколаш не решит, что наше дело в безопасности, — холодно процедил охранник.

Осмотревшись, охотник увидел Марию в соседней клетке и обрадовался: девушка жива. Но, осознав сложившееся положение, Валлар немедленно рассвирепел, несмотря на боль и усталость.

Валлар с детства отличался непростым характером. Долгая служба в армии, а затем и обучение в Хоре научили его сдерживать гнев. Но сейчас, надломленный и отчаявшийся, он не мог и не хотел сдерживаться.

В детстве его считали немного неуравновешенным, а в армии боялись. Но Валлар был умён и умел находить истоки своих чувств. Он всегда обладал болезненной чувствительностью к несправедливостям и несовершенствам мира. Возможно, именно поэтому идеи Церкви так захватили его в своё время. Гнев Валлара порождался нежеланием принимать зло в любых формах. Но гнев — опасное чувство, особенно в сочетании с отчаянием.

— Миколаш — вонючий осёл! — прохрипел охотник, тяжело поднимаясь на ноги. — Выпусти нас с Марией! Остальных тоже выпусти! Вы имеете такое же право устраивать здесь тюрьму, как дворовый пёс — носить ярнамскую корону!

— Ты, урод, — прошипел охранник и отпер дверь клетки. — Я научу тебя уважению!

Валлар являлся очень сильным и умелым бойцом. Но охотник вступил в противостояние изнурённым, а бледный гигант был сыт, полон сил и зол. Схватив Валлара в охапку, он ударил охотника в солнечное сплетение и поволок прочь.

* * *

Оттащив охотника в соседнее помещение, охранник бросил пленника на пол. Попытавшись встать, Валлар схватился за стоявший посреди помещения стол. Охранники явно обедали здесь: на то указывали три пустых тарелки, вилки, блюдо с куриной тушкой и разделочный нож. В обычных тюрьмах такие вещи держат подальше от заключённых, подумал Валлар.

Зашипев, бледный верзила метнулся к охотнику и схватил за горло.

— Ты знаешь, что я вижу во сне? — процедил душитель.

— Иди к демонам, — просипел Валлар и вырвался из захвата.

— Я вижу воскресших из мёртвых в лучах Кровавой Луны, — прокаркал бледный, с силой оттолкнув Валлара, отчего тот снова упал. — Я вижу живых, свободных от масок и иллюзий.

— Зачем ты говоришь мне это? — злобно выплюнул охотник, прикидывая расстояние до ножа.

— Я никому не позволю препятствовать воле богов и хулить Миколаша, — прошипел гигант, сжав кулаки и оскалив острые зубы. — Скоро людям откроется Истина. Великое Откровение грядёт. Не будет более ни смерти, ни неволи.

— Ты в бреду, грязный безумец! — заорал Валлар, с трудом скрывая ужас от понимания смысла услышанного.

— Мы все примем этот дар, глупый охотник, — со зловещим спокойствием произнёс бледный великан. — Добровольно или нет. Луна всё ближе. Мы притянули её. Ширма сорвана.

Валлар сам не знал, где нашёл силы и решимость для отчаянного нападения. Резко вскочив на ноги, охотник схватил со стола разделочный нож и полоснул тюремщика по горлу. Страшно взвывая, бледный попытался обрушиться на голову Валлара свой исполинский кулак, но охотник чудом увернулся, опрокинув деревянный стул.

— Я убью тебя, — прошипел тюремщик, не обращая внимания на рассечённое горло. — Не надейся на покой: этой ночью тебе не уснуть. Ты в кошмаре.

Выпрямившись, бледный поднял руку и воздел глаза к потолку, будто в молитве. Вокруг огромной уродливой кисти вспыхнул синий свет. Валлар почувствовал, как неведомая сила неумолимо тянет его к противнику.

Тюремщика подвёл недостаток настоящего боевого опыта. Вместо того, чтобы сопротивляться, охотник прыгнул в сторону врага и вонзил нож в чёрный глаз бледного гиганта. Завопив, тюремщик попытался отступить, но пропустил и второй удар. На охотника обрушились тяжёлые удары. Хрустнули сломанные рёбра. Но Валлар бил снова и снова, пока ослеплённый враг не рухнул на пол. Тогда израненный охотник принялся пить свежую кровь.

* * *

Сняв ключи с тела охранника, Валлар доковылял до клеток и освободил товарищей. Мария настояла на том, чтобы вызволить и остальных пленников подземелья. К сожалению, голая девушка оказалась не в себе, и уговорить её покинуть клетку оказалось непросто. Осмотрев безумную, Мария заподозрила, что та находится на раннем сроке беременности. Мужчина с бородавкой на носу оказался простым горожанином, навещавшим родственников в Яаар'гуле и ставшим жертвой болезненной подозрительности Миколаша. Отобранные вещи нашлись неподалёку — в той же комнате, где произошла схватка с тюремщиком. Пропали только артефакты Хора, которыми владел Валлар, и приличная сумма денег.

Отбросив стеснительность как неуместное чувство, беглецы спешно скинули рвань и переоделись в свою одежду. Мария нашла свой пистолет. Не найдя верный Ракуйо, она не на шутку перепугалась, но вовремя вспомнила, что оставила клинок у Германа: в Яаар'гул не

разрешалось проносить полноразмерное холодное оружие и длинноствольное огнестрельное.

Для переодевания Валлару потребовалась помощь. Раненый и измученный охотник пытался сделать вид, что чувствует себя нормально, но, сев рядом со своей одеждой, начал терять сознание.

Надо было решать, как выбираться. Выбор стоял между лестницей в зале с клетками и закрытой тканью дырой в стене в комнате, где умер тюремщик. Дыру нашли случайно — Ян попытался прислониться к стене и упал. Из тайного хода дхнуло стужей. Тюрьма худо-бедно отапливалась посредством проложенных в стенах воздуховодов, соединённых с подземными печами. Поэтому совсем замёрзнуть узники не могли, хотя на улице стояла зима.

Сумасшедшую девушку нарядили в одежду, снятую с убитого. Та, разумеется, оказалась велика, поэтому Марии пришлось поработать ножом, срезая лишнюю ткань.

Когда в зале с клетками послышались громкие голоса, Мария осторожно выглянула из двери и увидела шестерых уродливых громил, подобных убитому, и четырёх обычных людей, вооружённых пистолетами. Выбора не осталось. Больше всего охотница боялась, что сумасшедшая выдаст их. Но та покорно побрела в темноту.

Ход вывел беглецов на пустырь, что располагался за закрытыми воротами в Старом Ярнаме. Когда Яаар'гул ещё не поднял к небесам шпили своих соборов, здесь проходила дорога, которой пользовались жители старейшей части города. Но новые постройки перегородили старую дорогу, и теперь там располагался никому не нужный пустырь, окружённый скалами и неприступными стенами. Перепланировка неоднократно подвергалась осуждению как глупая и нелепая. Но сделать ничего уже было нельзя, разве что снести добрую половину строений Яаар'гула.

Ян первым понял, куда они попали. Ценой немалых усилий удалось приоткрыть ворота и протиснуться в образовавшуюся щель. Пробравшись через сугробы, беглецы оказались на бессолнечных улицах Старого Ярнама. К вечеру местные жители старались спрятаться за дверьми и решётками.

Стоило беглецам отойти от ворот на сотню метров, как из подворотни выскочила стая собак. Их шкуры покрывали отвратительные язвы, а глаза пылали дикой яростью и голодом. Чума Зверя перекинулась и на животных. Одну Валлар застрелил из пистолета, ещё одну Мария успела зарезать разделочным ножом, захваченным из темницы. Третья набросилась на толстячка с бородавкой. Сумасшедшая, прятая за спиной Яна, истошно завопила.

* * *

Сделав большой глоток, Мария отставила чашку в сторону. За окном Мастерской бушевала метель. Все собравшиеся выглядели мрачными и сосредоточенными. Герман сидел напротив охотницы, вертя в пальцах пустую чашку. Расположившийся на ящике Гисберт буравил взглядом стоящий на столе белый фарфоровый чайник, будто видя в посудине причину всех нынешних несчастий. Люциус стоял поодаль и, закрыв глаза, тихо молился.

Рядом с Марией сидела заплаканная Ром, укутавшись в тёплый зимний плащ. Ян держал Ром за руку.

В Старом Ярнаме им помогли охотники, услышавшие стрельбу и крики. К сожалению,

бывший сокамерник Валлара погиб: зубы заражённого пса разорвали ему горло. Самого охотника отправили в больницу Церкви, как и сумасшедшую девушку. Добравшись до Мастерской, Мария застала там Ром. Увидев подругу, охотница поняла, что произошло что-то очень плохое.

— Как же это произошло? — прошептала Мария.

— Бомбу подложили в кабинет, детонатор соединили с дверью, — всхлипнула Ром.

— Убийцу, я так понимаю, не нашли? — хладнокровно спросил Герман.

— Нашли, — зло ответила Ром, хватая чашку с чаем. — Кронус Гнилой Глаз теперь не отвертится. Оказывается, он уже в невинной крови вымазан был — он погубил солдат из сопровождения экспедиции, той самой, во время которой на Марию покушение совершили. Состоялся суд, против него дали показания девять человек. Приговор вынесен. Ему отрубят голову, а кровь, глаза и внутренние органы пойдут на нужды Церкви. Только Анну всё равно не вернёшь.

— Как же всё это отвратительно и глупо! — взорвался Ян. — Из-за дурацких церковных интриг погиб единственный человек, который мог понять Великих! Единственный, который имел хоть какой-то осмысленный план борьбы с причиной Чумы Зверя! С причиной, а не с жертвами!

Мария промолчала. От горя и бессилия хотелось просто застрелиться. Нелепая и ужасная трагедия... Или ответный ход той силы, которой они осмелились бросить вызов?

— Зачем Кронус совершил убийство? — поинтересовался Герман. — Он надеялся, что это сойдёт ему с рук? Чего он добивался? Замешан ли Логариус?

— Анна угрожала Кронусу, — объяснила Ром. — Обещала изгнать из Хора. Говорят, он пытался украсть какие-то чрезвычайно ценные артефакты и передать их Логариусу. Но тому, как всегда, удалось отвертеться.

— Но почему Гнилой Глаз поступил столь безрассудно? — удивился старый охотник. — Он не мог не понимать, что подписывает себе смертный приговор, особенно с учётом его предыдущих злодеяний.

— Примерно в то же время в Верхний Соборный округ силой проникли рыцари из Кейнхёрста. Кронус заманил их туда, чтобы свалить вину на Аннализу, — объяснила Ром, вытирая слёзы шёлковым платком. — Но Гнилой Глаз не рассчитал время, и лазутчики опоздали. Он долго дразнил Кейнхёрст призраком переворота, чтобы в нужный момент спровоцировать людей Аннализы на насилие. Он хотел избавиться от неудобных Логариусу и свалить вину на королеву. В результате Кронус и себя на гильотину отправил, и хорошего человека убил. Да и рыцари хороши — расстреляли ребят из охраны Хора просто для того, чтобы устрашить предполагаемых заговорщиков.

— Теперь Кейнхёрст и Церковь разве что не воюют, — вставил Люциус.

— Людвиг, узнав о гибели Анны, хотел этого Кронуса на месте зарубить, — рассказала Ром. — А покровительница Хора, Великая Ибраитас, отвернулась от своих последователей.

— Кто это? — удивлённо спросил Люциус.

— Великая. Та самая «святая», которую нашли археологи из Бюргенверта в лабиринте Исза, — рассказала Ром, не видя смысла скрывать эту тайну. — Её кровь переливают адептам Хора и кровавым святым.

Для Люциуса и Гисберта услышанное явно стало большим открытием.

— Я думал, Великих в нашем мире не осталось, — поражённо пробормотал новичок.

Мария закрыла глаза и вспомнила всё, что говорила адептка Хора в их последнюю

встречу.

— Покойся с миром, Анна, — беззвучно прошептала она. — Похоже, мы и в самом деле прокляты.

— Ром, ты не знаешь, связано ли произошедшее с приездом учёных из Бюргенверта? — спросил Герман. — Намечается что-то серьёзное, и мне это не нравится. Ходят слухи, что Виллем нашёл какую-то деревушку на другом берегу озера, в которой можно раздобыть чудодейственное лекарство от Чумы Зверя. И что туда чуть ли не военный поход хотят устроить.

— Не знаю, — покачала головой Ром и зло процедила: — Я ничего не знаю. С каждым днём я слабею и глупею.

Командир охотников резко встал и отошёл к двери. В ту минуту он казался глубоким стариком.

— Мы не управляем событиями. Они происходят против нашей воли. Церковь, Кейнхёрст, Яаарг'ул, Бюргенверт — везде смятение и хаос, — медленно произнёс он. — Время давно упущено, каждый гребёт жемчуг к себе. Никто не понимает, что происходит.

— Ты прав, Герман. Время, когда была возможность выйти с малыми потерями, прошло, — подняла голову Мария. — Нам остаётся только одно: сражаться до последнего. Кто как может.

Правда всплывает на поверхность

Людвиг стоял на коленях перед закрытым гробом в часовне Великого Идона. Дубовый гроб, украшенный ажурной резьбой, с инкрустациями из серебра и голубого берилла являлся настоящим шедевром ярнамских гробовщиков. Анна была не последним человеком в иерархии Церкви Исцеления, и удостоилась больших посмертных почестей. За спиной охотника, почтительно склонив голову, стоял его ближайший помощник Ференц. Служившая в часовне кровавая монахиня расставляла свечи. Окутанный ароматным дымом ладана, гроб казался охотнику жутким наваждением, внушённым злыми силами. Анна не может лежать в этом поганом ящике, твердил он в мыслях. Это сон. Кошмар. Вроде тех, что можно увидеть, приняв плохую кровь. Нет, Анна жива. Возможно, отдыхает в библиотеке Хора или ведёт беззвучную беседу с живущим под собором существом, бродя по берегу подземного пруда...

— Откройте гроб! — зычно повелел охотник.

— Но, господин, взрыв был очень силён, — замямлил безликий человечек, топтавшийся слева от мерзкой коробки. — Возможно, вам не стоит этого видеть. Я знаю, она была вам дорога...

— Откройте гроб, — ледяным тоном повторил Людвиг.

Двое служителей часовни сдвинули крышку в сторону. Помертвевший лицом предводитель церковных охотников застыл бледным изваянием.

— Анна! — дрожащим голосом позвал охотник. Склонившись над изувеченным телом любимой женщины, он быстро коснулся губами уцелевшей части лица Анны и сел на пол, бессильно привалившись к гробу.

— Я не смог тебя защитить, — горько прошептал он. — Прости меня, милая моя.

Людвиг провалился в чёрную бездну неизбывного горя. Толпящиеся вокруг прихлебатели, часовня с уродливыми статуями, проклятый город Ярнам — всё для него перестало существовать. Лишь два лица сияли в темноте — и оба принадлежали Анне. Одно лицо было прекрасно и радостно улыбалось, как в последнюю его встречу с любимой. Другое лицо представляло из себя покорёженный взрывом кусок мёртвой плоти.

— Анна, вернись. Попроси Великих, ты же умеешь разговаривать с ними! Я умоляю тебя, вернись ко мне! — полубезумно пробормотал он.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Последняя встреча Людвиг и Анны произошла накануне покушения. Они стояли вдвоём на мосту в Верхнем Соборном округе, что перед воротами Хора, и любовались дневным городом. Измотанный бесконечными охотами Людвиг наслаждался покоем. Анна стояла рядом, взяв друга за руку. Охотник, прищурился глазами, смотрел на клубящиеся над далёким озером снеговые тучи.

— На город надвигается метель, — произнесла Анна после долгой паузы. — Недолго осталось любоваться голубым небом и солнцем.

— Прости за бестактный вопрос, но ты их видишь?

— Я вижу не так, как ты, но вижу, — спокойно ответила женщина. — Хотя сейчас я думаю, что зря отказалась от обычного зрения. Придёт время, и я восстановлю его.

— А какого цвета были у тебя глаза? — поинтересовался охотник. — Уверен, когда ты их восстановишь, во всём мире прекрасней не будет.

— Карие, — ответила Анна. — Спасибо, хотя ты торопишься с похвалой.

— Не люблю, когда идёт сильный снег, — сменил тему Людвиг. — Видимость падает, дороги заваливает, телеги застревают, и начинается бедлам.

— То, что мы держимся за руки на улице, не уронит твою репутацию? — усмехнувшись, спросила Анна. — Впрочем, зачем я спрашиваю: здесь нет твоих родственников, а адептам Хора нет дела до чьих-либо добрых отношений.

— Мне так же давно нет дела до мнения моих глупцов-родственников, — добавил охотник. — Кто они такие, чтобы устанавливать мораль? Что они знают, чтобы говорить о любви?

Они немного помолчали.

— Я последнее время много размышлял о такой вещи, как судьба, — внезапно начал Людвиг. — И понял, откуда берётся заблуждение о предопределённости. Подлинный выбор мы совершаем не тогда, когда приходим на распутье. То, что происходит на развилке — лишь следствие прошлого состояния, что и питает заблуждение о непреодолимой судьбе. Истинный выбор совершается гораздо раньше, когда мы копаемся в тонкой химии своей души! Когда мы выстраиваем свои глубинные убеждения, когда творим, находим и пересматриваем свои ценности. Когда принимаем или отвергаем то, что позже становится основанием нашей личности.

— Мне нравится твоя мысль, — улыбнулась Анна. — Я тоже пришла к выводу, что настоящее — плод семян, посаженных давным-давно и без понимания ответственности момента. Людям надо учиться находить ростки будущих бед и безжалостно выпалывать их прежде, чем они окрепнут.

— Ты абсолютно права, — Людвиг пожал руку женщины. — Почему Лоуренс никогда не слушает тебя?

— Он опьянён властью и подобием знаний, что мы получаем в своих исследованиях, — Анна помрачнела и ссутулилась. — Ещё два десятилетия назад любой из нас мог умереть от тифа, чохотки или обычного гриппа. Женщины часто умирали родами. Жители нашей страны умирали от воспалений и различных язв, умирали от сотен болезней. Сейчас всё это в прошлом — для ярнамитов и всех, у кого есть деньги, чтобы оплатить курс лечения, и возможность приехать в Ярнам. Дар исцелять есть власть над смертью. А эта власть намного более высокого порядка, чем власть, принесённая силой оружия или денег. Трудно не опьянеть от такой власти! Пока ещё беды не перевесили того блага, что принесла древняя птумерианская кровь, если вести подсчёт спасённых и погубленных жизней. Пока Зверь не поступится в покои Лоуренсу, он не одумается.

— А что ты имеешь в виду под подобием знаний? — охотник заинтересовался необычным выражением.

— Сведения не есть настоящие знания, мой дорогой Людвиг, — улыбнулась Анна ещё шире. — А ещё есть мудрость. Возьмём, к примеру, порох. Для получения пороха нужны уголь, сера и селитра. Это отрывочные сведения, но ещё не знания, потому что не описаны ни пропорции смеси, ни её свойства, ни путь получения самих сведений. Если уточнить рецепт и действие пороха, рассказать о способах применения, объяснить основные методы химической науки — отрывочные сведения станут знанием. А если объяснить, как применять порох во благо — знание обогатится мудростью.

— Продолжай, — Людвигу стало любопытно.

— Как ты понимаешь, мы обладаем лишь отрывочными сведениями о тех силах и реальностях, что стоят за исцеляющей кровью, — продолжила Анна. — У нас нет ни знаний,

ни мудрости.

Уборщик, устав грести снег, присел на лавочку у ворот Хора. Отдыхавшая на её спинке ворона сердито каркнула и улетела, сделав круг презрения над головами людей.

— В детстве я не понимала разницу между вороной и вороном. Рядом с нашей деревней жил огромный ворон, что иногда осмеливался нападать на кур, — рассказала женщина. — Когда мы с родителями переехали в Ярнам, я считала городских ворон сёстрами и братьями того лесного злодея.

Людвиг посмотрел на Анну. На лице той светилась ясная улыбка.

— Я вижу, сегодня ты в хорошем расположении духа, — немного удивился охотник. — Поделись своей радостью. Последнее время мне редко приходится слушать приятные вещи.

— Ты со мной, рядом, — ответила Анна. — В нашем случае надо использовать любую возможность воспрять духом хоть на миг.

Поправив наглазную повязку, адепт Хора продолжила.

— Оставь страх и отчаяние, — произнесла она, приобняв Людвигу. — Ты и я вместе уже немалая сила. Есть и другие, кто встанет на пути зла. Будет непросто, разумеется. Все великие победы доставались с трудом.

— Я с тобой, Анна, — прошептал охотник. — Навсегда, клянусь.

И теперь его любимая мертва. А он сам, бессильный и сломленный, стоит перед её гробом. Казнь негодяя Кронуса состоялась на восходе. Людвиг видел, как голова мерзавца отделилась от тела. Справедливость восторжествовала. Хотя о какой справедливости может идти речь, если Анна мертва? Анна спасала от безумия Ярнама. Что теперь ждёт его, когда спасительницы больше нет?

Никем не замеченный, в часовню вошёл Братор, один из ближайших помощников Лоуренса. Этот человек выполнял тайные поручения главы Церкви Исцеления и являлся одним из немногих людей, кому Лоуренс доверял безоговорочно. В Церкви поговаривали, что странные отравления двух высокопоставленных церковников, занимавшихся опытами с осквернённой кровью вопреки воле Лоуренса — его рук дело. Как бы то ни было, Братора недолюбливали как опасного человека с неприятной тайной.

Повинуясь его небрежному жесту, служители часовни закрыли гроб. Подойдя ближе, Братор выдержал злой взгляд Людвигу.

— Пришёл высказать притворные соболезнования? — выплюнул охотник и, пошатнувшись, поднялся на ноги. — Лучше проваливай. Где ты был, когда Кронус, будь проклято его имя, закладывал бомбу в самом сердце Церкви? Боролся с «осквернителями» крови?

— Я и Анна равно стремились к благу Церкви, — сухо ответил помощник Лоуренса.

— Ты бесполезен, Братор, — дико рассмеялся Людвиг. — Назначь вместо тебя оскоплённого борова, он и то лучше справится с защитой Церкви от скверны и предательства.

Братор побелел от гнева.

— Ты забываешься, охотник. Сражайся с чудовищами, и не гавкай на людей, чьи дела выше твоего слабого разума, — злобно оскалился помощник главы церкви.

Метнувшись вперёд, Людвиг впечатал кулак в ненавистное лицо. Не ожидавший нападения Братор не успел среагировать и очутился на полу.

— Это ты забываешься, крыса, — презрительно произнёс охотник, успокоившись. — Уходи и не появляйся перед моими глазами. Ты не достоин даже секунду находиться в

одном помещении с Анной.

Тем временем в часовню зашли Герман и Мария. Одетые в охотничьи одеяния, с оружием, они резко выделялись на фоне остальных собравшихся.

— Друзья, я попрошу оставить разногласия в этот скорбный час, — мягко попросил Герман.

* * *

Анну похоронили на кладбище перед часовней Великого Идона, где хоронили видных представителей Церкви Исцеления. На церемонии присутствовали несколько адептов Хора, Людвиг, Герман, Мария, Бродор, Ром, ещё не до конца оправившийся Валлар и служители часовни.

Марии не нравилась погребальная церемония, принятая в Церкви. Слишком уж много уделялось внимания принадлежности усопшего к организации. Девушка предпочла бы сожжение по обычаю далёкого прошлого: лучше уж отдать тело небу через дым, чем кормить могильных червей.

Встав перед свежей могилой, служительница часовни зашептала молитвы. Когда гроб опустился в объятия земли, она произнесла ритуальную фразу.

— Древняя кровь в твоих венах течёт, в грядущий заветный час пусть твоя смерть умрёт, — пропела одетая в белое женщина. Двое могильщиков принялись закапывать могилу.

Ром разрыдалась. Валлар скрипнул зубами. Людвиг скорбно склонил голову и закрыл глаза. По щекам у охотника текли слёзы.

* * *

Вернувшись домой, Людвиг без сил рухнул на кровать. Он так и не убрал со стен дурацкие портреты. Теперь они издевательски насмеются над ним! Он их снимет, все. Но сначала надо отдохнуть.

Но стоило закрыть глаза, как стало ещё хуже. Воображение наполнилось образами ужасных зверств. Жажда крови. Проклятие всех охотников. Оно настигнет каждого из них, рано или поздно. Их создали, чтобы убивать тех, кто стал воплощением этой жажды — чудовищ. Но сами охотники со временем склонны уподобляться своим жертвам. Что за злая шутка судьбы?

Без Анны так темно и серо. В пустоте нет ничего, кроме слабнущей воли и растущей кровавой жажды. Ярнам желает видеть в нём защитника, а он не смог защитить ту, что любил. Церковь хочет сделать его своим полководцем в войне с Чумой Зверя, а он не может справиться даже с собой.

Решение пришло само собой. Его старый меч, что несёт в себе все краски бескрайнего космоса, что вобрал в себя сам свет луны! Стоит сжать в руках холодную рукоять загадочного меча, как отвага и решимость вернутся к нему!

Но Анна советовала не пользоваться этим оружием...

Она могла ошибаться. И в любом случае Анна не хотела бы, чтобы он пал духом. А меч

— Среди паломников произошло заражение, — доложил Ференц. — Также возможны новые обращения среди жителей уже Центрального Ярнама.

Людвиг сидел в своём кабинете. На столе у главного церковного охотника лежал тяжёлый двуручный меч, украшенный затейливой гравировкой.

— Собирай людей, — отрывисто приказал он. — Пора изменить охоту. Сегодня последний раз, когда мы истребляем чудовищ под покровом тайны. Я знаю, что шпионы следят за происходящим вокруг церковных лечебниц. Охотникам Германа не удастся сохранить тайну. О чудовищах узнают все, и отныне мы будем охотиться, призвав на помощь ополчение, армию и полицию. Только самые решительные меры позволят победить нависшую над нами угрозу.

— Стоит предупредить Германа о шпионах? — спросил Ференц. — Их можно нейтрализовать.

— Бесполезно, — покачал головой Людвиг. — Среди соглядатаев очень влиятельные лица. Герман ничего не должен знать. Он не поймёт. Мы должны будем представить события в выгодном нам свете.

— Что вы хотите сказать?

— Будущее — за Церковью. Корона Ярnamу не нужна, — выдохнув, решительно произнёс охотник. — Всё понятно?

Каким бы мерзавцем не являлся Логариус, в одном он прав. Чтобы устоять, Ярнам должен стать единым. Либо королева, либо Лоуренс должны уступить, думал Людвиг. У Анны не получилось никого примирить. Значит, придётся действовать силой.

Когда помощник скрылся за дверью, взгляд Людвиг упал на меч. Он знал, что по-настоящему оружие показывает себя лишь в лунном свете. Но даже сейчас по серебристому лезвию бегали отсветы неземного сияния.

— Рази врагов без пощады, — произнёс охотник. — Я знаю, ты сможешь направить мою руку. Ты укажешь путь к очищению.

Сир Гремия являлся потомком чужеземного знатного рода, никак не связанного с Кейнхёрстом. Он немало гордился своим происхождением, из-за чего охотники из простонародья не слишком жаловали высокомерного коллегу. В Ярнам будущий охотник попал из-за серьёзной болезни желудка. После излечения он решил остаться в городе и присоединился к Церкви. В своё время, как и Валлар, Гремия прошёл обучение в Хоре и владел несколькими священными артефактами. Из оружия охотник предпочитал большой меч и особый распылитель ядовитого тумана. Такие выдавали лишь приближенным к Хору.

Грация^[17] была очень странной женщиной. Высокая, как леди Мария, но намного толще и шире, она казалась насмешкой над собственным именем. Её сальные рыжие волосы спутанными прядями падали на некрасивое лицо. Огромная и неуклюжая, она обладала

чудовищной силой. Родом из деревни под Ярнамом, она не получила никакого образования и не умела ни читать, ни писать. Кроме того, она так и не научилась обращаться с огнестрельным оружием. За всё это ей дали прозвище «Простушка», на которое, впрочем, женщина не обижалась. Несмотря на вышеназванные обстоятельства, Грация считалась хорошей охотницей и сражалась наравне с другими подчинёнными Людвига. Пользовалась Грация тяжёлым топором и куском железа с дырками для пальцев.

Мария редко пересекалась с Гремией и Грацией. Поэтому когда Ференц намекнул, что на ночной охоте церковниками придётся командовать Валлару, она невольно обрадовалась, хотя тут же отругала себя за такую радость.

— Я их не знаю, они не знают меня. Если вы хотите, чтобы обратившихся уничтожили скрытно, то избавьте меня от них, — сердито пробасил Валлар. — Мария идёт с Гисбертом и Валентайном. Мне дают ваших болванов. Герман ставил под моё начало других людей.

— Ты оспариваешь приказы Людвига? — разозлился Ференц.

— Мой командир — Герман, а не Людвиг, при всём уважении, и распоряжения Германа в приоритете, — парировал Валлар. — Почему опять за кровью не уследили? А на королеву наговариваете.

Плюнув на землю, Ференц пошёл искать Германа.

На ступенях лестницы, поднимающейся к величественному главному храму Соборного округа, собрали несколько десятков охотников. Почти всех. Бойцы Германа держались немного обособленно от церковников. Ещё одна группа собиралась вокруг Ото — одиозного охотника-изобретателя, обожающего безумные механизмы, изошрённое оружие и мощную взрывчатку.

Охотникам Германа, чьи группы усилили несколькими бойцами Церкви, предстояло уничтожить обратившихся пациентов, проживающих в гостинице для паломников. Герман хотел успеть вывести заражённых из жилых помещений ещё до обращения, и попытаться поместить несчастных в лабораторию Церкви. Основной части охотников предстояло контролировать Центральный и Старый Ярнам.

* * *

Оглядев спутников, Мария грустно улыбнулась.

— Сегодня мы сами по себе. Никаких церковников, — отметила она.

Валентайн выглядел подавленным. Охотник избавился от шляпы и усов: гладко побрившись и одев обычную шапку, он не походил на себя прежнего. Тёмные глаза нервозно бегали из стороны в сторону.

— Валентайн, ты в порядке? — спросила девушка.

— Да, я в порядке. Я полностью владею собой, — заверил он.

Гисберт, наоборот, оказался настроен на хорошее.

— Отличная будет охота, — встрял он. — Мы знаем, где чудовища, и первый ход за нами.

— Гисберт! — сурово одёрнула его Мария. — Мы идём убивать невинных людей. Радоваться нечему. Наши жертвы ничем не хуже нас с тобой.

— Но я слышал от охотников Людвига, что обращаются только порочные люди, — не на шутку испугавшись гнева командира, затараторил Гисберт.

— Назови трёх достаточно непорочных людей, знакомых тебе лично, — попросила охотница. — По твоему мнению.

— Вы, Герман, кровавая святая Аделина, — перечислил Гисберт.

— Я польщена, — ответила Мария. — Но насчёт меня ты ошибся. Будь я такой, я бы выступила против рискованных опытов Церкви после первого же случая обращения человека в чудовище. Мария Браге — не очень хороший человек, и не только поэтому. Но я о другом. Безупречные люди есть, но их невероятно мало. Большинство страдает множеством пороков и слабостей, но за это нельзя обрекать на смерть. Тем более на такую. Пошли. У нас мало времени.

Валентайн, слышавший весь разговор, болезненно поморщился. В Марии появилось нечто донельзя пугающее. Правда, он не мог облачить свои ощущения в слова. Девушка вызывала бессознательный страх, не связанный ни с её статусом командира, ни с мастерством во владении оружием.

Пустые улицы, освещённые лучами заходящего солнца, готовились стать свидетелями новых трагедий. Разрозненные отряды охотников стекались к жилым кварталам. На этот раз заражённых решили вывести из жилья до обращения и по возможности захватить живыми.

После сновидческого путешествия Мария начала иначе видеть мир. Поначалу она списывала изменения на нервное перенапряжение. Но теперь очевидное отрицать не получалось. Занавес обыденной действительности приоткрылся, обнажив доселе невиданное. Окидывая внимательным взором высокие каменные башни с резными крышами и накрытые тенью заснеженные дворы, охотница всё время замечала новое.

В закатных тенях гордых храмов плясали сумеречные силуэты неземных пейзажей. В багряных облаках бушевали вихри космических энергий. На каменных мостовых вставали угрожающие образы чуждых существ. Достаточно лишь шага в сторону, чтобы безвозвратно провалиться в бездну. Мария знала, что её сподвижники не видят этого мрачного хаоса, и невольно завидовала им.

Некоторые встреченные существа смотрели на охотницу в ответ. Она ощущала на себе их тяжёлые взгляды. За ней давно наблюдают, поняла она. Наблюдают из вечерних теней, из искрящегося в свете фонарей снега, из хмурых облаков, из вечного смога.

Хуже того: теперь люди выглядели иначе. Под масками человечности часто прятались звери, ожидающие своего часа. Когда взойдёт Красная Луна, что однажды явилась Марии во сне, маски будут сорваны со всех, на кого падёт её гибельный алый свет.

Снег хрустел под ногами охотников. Время поджимало. Девушка ускорила шаг. Карманные часы показывали без десяти пять. Приближалась ночь и восход луны. Её аромат струился в воздухе.

Её Ракуйо, изящный «Листопад», приятной тяжестью лежал в ножнах. Из кобуры торчала расписная рукоять Эвелины. Мария привычным движением проверила остальное. Скланки с едкой кровью, пузырёк лечебной крови, бутылка с зажигательной смесью, запас пуль для пистолета, — на месте. Всё остальное тоже готово к применению.

Валентайн хищно оскалился.

Вскоре охотники добрались до гостевого дома. Из окон за ними следили десять пар внимательных глаз. В этих взглядах читались настороженное внимание и готовность к действию.

— За нами следят люди из окон гостиницы, — объявила Мария.

— Нас ждут или они просто встревожены чем-то? — задал резонный вопрос Гисберт.

— Не знаю, — покачала головой охотница. — Будьте готовы к неожиданностям.

Постучав в дверь, Мария долго дождалась ответа. Спустя несколько десятков томительных секунд в двери приоткрылось крохотное окошко на высоте среднего человеческого роста.

— Охотники? — ойкнул работник гостиницы, курносый мужчина средних лет. — Проходите, проходите...

Дверь со скрипом отворилась. Ветер бросил в дом пригоршню снега.

— Что за люди наблюдают из окон второго этажа? — строго спросила девушка, заходя в помещение.

— Не знаю, — развёл руками мужчина. — Паломники?

Мария знала, в каких комнатах остановились заражённые. Дело оставалось за малым — убедить несчастных пойти с ней до того, как те обратятся. В лабораториях Церкви их тщательно изучат и умертвят.

Поднявшись по лестнице, охотники оказались в длинном коридоре, освещённом газовыми лампами. Заражённые располагались в первой и четвёртой по счёту комнатах слева. Наблюдали за улицей из комнат справа. Стараясь не шуметь, Мария направилась к четвёртой двери и осторожно постучалась. Валентайн занялся первой комнатой. Гисберт следил за лестницей.

Постояльцем четвёртой комнаты оказался подтянутый господин с пистолетом на поясе. Посмотрев в его холодные серые глаза, Мария поняла: их ждали.

— Вы Николас Моро? — спросила охотница, настороженно прислушиваясь к возне в комнате напротив.

— Совершенно верно, — сухо ответил мужчина. — Что вы от меня хотите? И с кем имею честь разговаривать?

— Мы представители Церкви Исцеления, — спокойно сказала девушка. — Меня зовут Мария. К нашему великому сожалению, с перелитой вам кровью могут быть проблемы. Вы должны пройти с нами.

— Да, и завтра я умру во время лечения, а моё тело бесследно исчезнет, — ядовито усмехнулся господин с пистолетом и повысил голос до крика: — Надеюсь, родственники получают компенсацию?!

Все двери по правую сторону от лестницы резко распахнулись. На охотников уставились стволы ружей. Но Мария оказалась быстрее и сообразительней, чем рассчитывали устроившие засаду. Стоило сероглазому прокричать ключевую фразу, как охотница очутилась за его спиной и приставила дуло Эвелины к голове сероглазого.

— Я настоятельно советую бросить пистолет, Мария, — хладнокровно произнёс мужчина. — Я, как-никак, заместитель министра. Или Ярнамскому королевству уже не нужны союзники?

— Тогда вам стоит попросить своих людей опустить ружья, — не осталась в долгу Мария. — Поймите, вам в любой момент может стать плохо. Вам действительно делали вливание, Николас?

— Почему врачи приходят к пациентам с пистолетами и саблями, Мария? — резко перебил её мужчина.

— Что нам делать, Мария? — из коридора донёсся выкрик Гисберта.

— Что нам делать, Мария? — насмешливо повторил назвавшийся Николасом.

— Не прибегайте к насилию без крайней нужды! Но оружия не отдавайте! — приказала

охотница, лихорадочно ища выход из положения.

Из окна номера открывался хороший вид на близлежащие здания. За тёмным окном соседнего гостевого дома на секунду вспыхнул яркий голубой свет.

— У вас часто стреляют по ночам, — как ни в чём ни бывало продолжил сероглазый. — Вопрос: в кого? К вечеру все прячутся по домам. По улицам бродят вооружённые люди. Кого они разыскивают? На кого охотятся? И куда смотрит полиция?

— В городе орудует секта, похищающая исцелённых кровью людей, — девушка решила врать напрапалую. — Мы считаем, что лечиться подобным способом — грешно и противоестественно. В этот раз у нас, похоже, не получилось искупить грех Церкви.

— Позовём местных полицейских? — предложил один из стрелков с ружьями.

— Мне представляется, что уважаемая Мария нас коварно обманывает, — улыбнулся назвавшийся Николасом. — Оружие «сектантов» явно избыточно для похитителей. С таким впусом на слонов и гигантских кабанов охотиться. «Сектанты» явно не боятся попадаться на глаза полицейским.

Охотница осознала, что попала в серьёзные неприятности. Если назвавший себя Николасом заражён, то он может начать обращаться в любую минуту. Тогда тайне охоты конец. Бесповоротный. Если тело и дух Николаса воспротивятся заразе, то ей грозит судебное разбирательство. Разумеется, её втемную оправдают и отпустят, но хорошего мало.

— Есть свидетельства, что некоторые из прошедших ваше «лечение» претерпевают ужасающие превращения и становятся безумными хищными тварями, — выложил карты сероглазый. — Очевидно, вашей «Церкви» не выгодно, чтобы об этом знали. Я не настоящий Николас, Мария. Моро и остальных пациентов мы спрятали сразу, как увидели вооружённых убийц, идущих к гостевому дому. Как сложно было поселиться здесь, не участвуя в кровослужениях! Но деньги и царящая у вас неразбериха творят чудеса. Мои люди не тронут вас пальцем, если вы дадите нам покинуть город.

Стоявший в коридоре Гисберт грязно выругался.

— Думаю, в глубине души вам совестно. Что же заставляет вас подчищать за целителями-губителями? — рассуждал вслух мужчина. — Деньги? Долг? Может, что-то личное? В любом случае, меня это не касается. Меня касается другое — жизни граждан моей страны, что доверяются вашей «Церкви».

— Что вы собираетесь делать? — перешла в наступление Мария.

— Выбраться из Ярнамского королевства и рассказать миру правду. Бедный Моро! Если всё так, как я думаю, нам придётся убить его. Между прочим, даже если вы убьёте нас всех, тайна всё равно выплыла наружу. Если нам повезёт и с Николасом всё будет в порядке, то у нас всё равно уже есть доказательства. Несколько дней назад обратился пациент, уже покинувший Ярнам. Тело досталось нам.

— Блефуете?

— Нет.

— Я отпущу вас, но без гарантий, что потом с нашей стороны не будет проблем, — решила Мария. — Но взамен вы приведёте Николаса Моро и Луизу Ламбер. Только тогда я уберу пистолет от вашей головы. Обещаю, что не буду их убивать, если они ещё люди.

Валлар, Грация и Гремия попали в сходное положение. Правда, они повели себя менее благоразумно: когда засада обнаружила себя, Грация разmozжила голову одного из стрелков стальным бруском. В ответ от другого прилетел заряд картечи, серьёзно ранив разъярённую охотницу. Поняв серьёзность положения, Валлар использовал артефакт Хора, парализовав нападающих. Одурманенная жаждой крови, Грация бешеным зверем набросилась на беспомощных людей. Четыре раза взлетали стальной брусок и топор. С огромным трудом Валлару и Гремии удалось успокоить охотницу. Пока Валлар боролся с Грацией, двое участников засады скрылись вместе с необратившимся заражённым.

Впоследствии Мария услышала, что в Церкви знали о соглядатаях, но даже не предупредили охотников.

Но по-настоящему страшные события той ночи не имели отношения к раскрытию тайны охоты. В Центральном Ярнаме обратились тринадцать человек. Тринадцатый являлся высокопоставленной фигурой в Церкви Исцеления. Он регулярно принимал редкие сорта крови, чтобы обрести вечную молодость, абсолютное здоровье и тайное могущество. Возможно, именно поэтому он превратился в чудовище, равных которому ранее встречали только в глубинах птумерианских лабиринтов. В итоге в Центральном Ярнаме погибло пятьдесят два мирных горожанина и двое охотников.

Погибшие церковные охотники подчинялись Люциусу из людей Германа. Когда охотники обнаружили огромное невиданное чудовище, Люциус хотел выждать удобного момента и только тогда напасть. Но привыкшие работать заслонами и большими отрядами в Старом Ярнаме бойцы Церкви полезли в бой, надеясь на подкрепление, которое не успело бы подойти ни при каких обстоятельствах.

Позднее вину за их гибель Людвиг возложил на охотников Германа.

* * *

После событий той ночи Церкви стало кристально ясно, что демон выпущен из филактерии. Высокопоставленные представители нескольких влиятельных стран своими глазами увидели подтверждение ужасных слухов. Необъяснимые наукой превращения людей происходили на самом деле. Вся Церковь затихла в ожидании страшного удара.

Через несколько недель заграничные газеты пестрели будоражащими заголовками, такими как: «Ярнамское королевство во власти демонов», «Исцелённые ярнамской кровью обратились в огромных волков!» и «Цена исцеления: душа и тело».

Как ни странно, сразу после отбытия вышеназванных представителей ничего не изменилось. Поток жаждущих исцеления паломников не уменьшился. Лоуренс перевёл дух.

Церковь окончательно изменила принцип охоты. Если раньше основной задачей являлось сокрытие следов неудачных кровослужений, то отныне требовалось изничтожать заразу под корень любой ценой. Любимая Германом тактика действия малыми скрытными группами стала бессмысленной в новых условиях. К облавам стали привлекать целые отряды полицейских и солдат. Кроме того, любой взрослый горожанин мог записаться в ополчение и принять участие в ночной охоте. У Мастерской Германа окончательно отобрали право самостоятельно планировать охоты. Отныне старый охотник вместе со всеми своими подчинёнными находился под командованием Людвига, чему был чрезвычайно недоволен.

Другим значимым событием тех недель стало обособление Ото и дружных с ним

охотников. Они организовали свою Мастерскую на окраине Старого Ярнама и быстро прославились своим странным оружием и любовью к взрывчатке. Объявив свою Мастерскую частным предприятием, они немало унизили Церковь. Тем не менее, в то беспокойное время им исправно платили за убийство чудовищ и экспедиции в подземелья. Любителей пушек и взрывов вскоре прозвали «Пороховыми бочонками».

Ото погиб при странных обстоятельствах: однако позже все пришли к выводу, что охотник грубо нарушил правила обращения со взрывчаткой, увлѣкшись созданием очередного навороченного орудия охоты.

Две недели длилось беспокойное затишье. Как ни странно, новых обращений не случилось. Противоречия между Церковью и Кейнхѳрстом не выливались в открытое противостояние. Тем не менее, все предчувствовали большие перемены к худшему.

В начале последнего месяца зимы Лоуренс выступил перед высшими иерархами Церкви и объявил, что лекарство от Чумы Зверя найдено. Нужно лишь взять его, уточнил он.

Длинная вереница людей, лошадей и повозок растянулась почти на километр. Из-за оттепели переход по льду озера стал невозможен, и участникам похода пришлось идти вдоль береговой линии, извилистой и труднопроходимой. Трижды приходилось уходить от озера и искать путь в обход непреодолимых для лошадей каменистых склонов. К концу первого дня экспедиция потеряла четырёх лошадей, сломавших ноги на бездорожье. Эта часть Ярнамского королевства состояла из непривлекательных и потому малолюдных земель, поэтому о хорошей дороге приходилось только мечтать.

Вскоре после сбора экспедиции началось необычное для зимы потепление. Снег и лёд таяли. По-весеннему тёплый ветер пригнал дождевые облака, и дождь моросил круглые сутки.

В походе участвовали представители как Церкви, так и Бюргенверта. Восемьдесят солдат королевской армии охраняли учёных. Передовой отряд, занятый непосредственной разведкой, состоял в основном из охотников Германа. Мария входила в число разведчиков.

Над озером бежали рваные серые тучи, гонимые злым ветром. Людей и лошадей сёк стылый косой дождь. Кое-где к тропе подступал лес. Высокие сосны, пихты и чёрные ели роняли на головы идущих комья сырого снега. Под ногами людей противно хлюпала смешанная с тающим снегом грязь. Ветер кричал и надрывался в оврагах, прижимая к мёрзлой земле сухие стебли воронца и трясая бурыми головками мёртвого рогоза.

Вся природа выглядела преисполненной враждебности. Передовой отряд старался передвигаться скрытно. Иногда Герман приказывал остановиться и проверить местность. Жители деревни могли заподозрить неладное и проследить за передвижением экспедиции. Охотникам очень быстро пришлось признать, что из-за незнания ими местности возможные враги имеют значимое преимущество. Трое следопытов, нанятых Церковью, помогали мало: дорогу вдоль берега им раньше использовать не приходилось.

Всю дорогу Мария чувствовала, как за ними неотрывно наблюдает безжалостный, нечеловеческий взор. От него не было укрытия. Хотелось зарыться в землю, нырнуть на дно озера, обратиться озябшей елью — лишь бы спрятаться. В ледяном зеркале озера мерещилось отражение нездешнего лилового неба с жуткой красной луной.

Капкан злого рока ещё не захлопнулся, но охотница догадывалась, что поход в затерянную рыбацкую деревню станет для Церкви и Ярнама ещё одним шагом на пути к гибели. Мария настойчиво искала выход, но пока никаких конкретных идей не приходило. Поняв, что из-за раздумий может не заметить опасность, девушка отогнала тревожные мысли.

Многие из участников похода знали о Великой Кос, древнем могущественном существе, давным-давно избравшем местом своего обитания море. Учёные Бюргенверта подозревали и о том, что жители деревни защищены от Чумы Зверя именно благодаря Её покровительству. Но организаторы экспедиции помнили о безразличии Ибраитас к делам Ярнама, и считали, что Кос не станет помогать жителям деревни.

Кроме лекарства от Чумы Зверя, учёные надеялись найти новый способ расширить своё восприятие. В одной из своих работ Миколаш утверждал, что Кос способна дать человеку «новые глаза», подразумевая видение высших уровней бытия. Поклоняющиеся Великой деревенские могли послужить хорошим материалом для исследований.

Угнетённые постоянными неудачами в борьбе с Чумой церковники потеряли голову сразу же, как учёные Бюргенверта заявили о существовании приближенного к Великой и неуязвимо к Чуме племени. Всё, чего они так долго пытались добиться, теперь казалось лежащим перед носом. Достаточно лишь протянуть руку и взять.

* * *

С наступлением ночи возникла необходимость найти место для лагеря. Продолжение пути в темноте стало бы непозволительным безрассудством. И так много времени ушло на вытаскивание телег из попавшегося на пути оврага. Подходящее место удалось найти в ста метрах от дороги: длинная отвесная скала защищала от ветра обширную ровную площадку, усеянную мелким камнем.

Охотников Германа и двух следопытов отправили разведать местность. Углубившись в темневший неподалёку ельник, Мария первой заподозрила неладное.

Под тяжёлыми тёмно-зелёными еловыми лапами царил мрак и сырость. Тысячи отмерших иголок усеивали снег. Мимо бежала вереница кабаньих следов.

Мария жестом приказала Валентайну и Гисберту спрятаться в овражек за поваленной елью и юркнула туда же. Девушка увидела, как из-за пригорка выбралось странное существо, похожее на кощунственную помесь человека и чудовищной рыбы. На спине твари рос рваный серый плавник. Тряпье, служившее уроду одеждой, украшали с десятков крупных морских ракушек. Чешуйчатые перепончатые лапы, покрытые отвратительными струпьями, сжимали короткое копьё. На боку рядом с плавником топорщился вырост, прикрытый одеждой. Ветер принёс отголосок гнилостной вони.

С трудом верилось, что такая тварь произошла от людей. Понимание этого обстоятельства лишь усиливало отвращение. Мария много раз видела обратившихся в чудовищ, но ранее не виданный пример искажения человеческого облика, ныне представший перед её взором, оказался не менее омерзительным.

— Что там? — нетерпеливо прошептал Гисберт. — Я только чувствую запах.

Он не видит тварь, догадалась Мария. И Валентайн не видит.

Услышав человеческую речь, существо пригнулось и начало красться вправо, по широкой дуге обходя скрывшее охотников бревно.

Сосредоточившись на сверхъестественном чутье, охотница увидела, чем являлся закрытый просоленной тканью уродливый горб на спине рыбчеловека. Огромный белый слизень впивался в зеленовато-серую кожу десятком загнутых шипов-присосок. Этот слизень не был обычным паразитом. Авгур живого Великого скрывал лазутчика от глаз людей.

Мгновенно сориентировавшись, Мария достала Эвелину и, прицелившись через промежуток между поваленной елью и снегом, выстрелила. С гибелью паразита иллюзия спала, и тварь предстала взглядам ошеломлённых охотников.

Рыбчеловек оказался ошеломлён ещё больше. Вскинув ружьё, Валентайн выпустил в голову противника заряд картечи. Обезглавленное тело рухнуло на забрызганный кровью и мозгом снег.

— Они следили за нами! — выпалил Гисберт. — Здесь могут быть и другие!

— Почему мы его не заметили? — удивился Валентайн, подобравшись к уродливому

труп.

— Видите белого слизня? — срезав тряпьё со спины рыбчеловека, Мария показала паразита охотникам. — Это живой проводник силы Великого. Надеюсь, не у всех жителей деревни на спине такие твари.

— Какая гадость! — поморщился Валентайн. — Силы Великого? Что ты хочешь сказать?

— Великая Кос действительно является покровительницей этого рыбоподобного племени и дарит им своих авгуров, — преодолев отвращение, охотница обыскала омерзительный труп. — Если нам действительно придётся вступить в бой, то нужно быть готовым к Её вмешательству. Не думаю, что она потерпит нападение на Её детей. Связь между племенем и Великой куда теснее, чем мы думали.

Гисберт побледнел и нервно сглотнул.

* * *

Известия о слежке взволновали командующих походом учёных и церковников куда меньше, чем обнаружение паразита на теле лазутчика. Стало ясно, что придётся столкнуться с куда более серьёзной опасностью, чем предполагалось ранее. Некоторые даже предлагали повернуть обратно.

Валлара не на шутку напугали вести о паразите. Страх охотника разделяли многие учёные и солдаты. Нападение на деревню, охраняемую могущественной Великой, казалось делом не только чрезвычайно опасным, но и кощунственным. Люди возроптали на Церковь.

В конце концов Герман не выдержал и сурово отругал подчинённого. Старый охотник сказал, что когда речь идёт о спасении людей от превращения в чудовищ, страх и сомнения должны быть забыты.

Командующие походом, включая Германа, помнили об унижении, которому рыбоподобные служители Кос подвергли посланцев Ярнама. Отказав им в скромной просьбе об одном-единственном образце крови, рыболоды пригрозили посланцам смертью и отобрали у них принадлежащие Бюргенверту священные артефакты. Оскорбивший ярнамитов деревенский волхв сказал, что люди не достойны владеть подобными вещами.

Сыграв на гордости, церковники быстро восстановили боевой дух экспедиции. Лишь Валлар и ещё три-четыре человека желали повернуть обратно.

* * *

Встав лагерем и выставив часовых, экспедиция занялась отдыхом и подготовкой к следующему дню.

Вернувшись к остальным и доложив о происшествии, Мария, Гисберт и Валентайн разошлись в разные стороны. Гисберт и Валентайн отправились спать. Охотница решила немного побродить по лагерю.

Двое раздражённых солдат успокаивали взбудораженную лошадь красивой каштановой масти. Животное испуганно ржало и брыкалось. Неподалёку переставляли криво поставленную палатку. В стороне от беспорядка мужчина в красивом сером плаще с тёплой

меховой опушкой капюшона рассматривал керамическую пластинку с необычным рисунком, выполненным чёрной эмалью.

Мария узнала преподавателя Бюргенверта, известного своими исследованиями языка Великих. Правда, если покойная Анна прежде всего желала понимать, то он пока удовлетворялся получением доступа к крохам Их могущества.

— Здравствуйте, профессор, — уважительно склонила голову охотница, подойдя к ученику Виллема. — Я слышана о ваших работах. Я Мария Браге из охотников Германа. Когда-то я слушала ваши лекции.

— Мне лестно слышать, что охотники знают обо мне, — учёный оторвался от созерцания пластинки немного неохотно. — Впрочем, я помню вас: вы учились в Бюргенверте. Я входил в комиссию, оценивавшую вашу выпускную работу.

— Прошу простить мою настырность, но не могли бы вы рассказать о знаке, изображённом на вашей табличке? — попросила девушка.

— Я не вижу этому препятствий, — ответил Кэрилл. — Мне стоит немного отвлечься.

С этими словами он вынул из кармана целую стопку карточек с похожими символами и протянул охотнице.

— То, с помощью чего общаются Великие, похоже на звук. Эти звуки совершенно неопишуты, но, услышав их однажды, вы не перепутаете их ни с чем, — в глазах учёного сверкнула искорка фанатичной увлечённости. — Знаки начерчены благодаря вслушиванию в запредельное. Иногда, чтобы добиться верного начертания, приходится совершать десятки попыток.

— Всё же, как действуют эти странные рисунки? — поинтересовалась Мария, крутя в руках карточки с причудливыми символами. — Вы их запоминаете. Но каким образом они действуют?

— Вы же знаете о тайном языке Великих? — самодовольно улыбнулся Кэрилл. — Мне удалось представить некоторые слова этого языка в виде рисунков. Запомнив такой рисунок в точности, человек призывает соответствующие этим словам силы. Это не простой язык, нет. Каждое его слово — квинтэссенция определённого аспекта мира, лежащего вне зримого пространства. Когда врата в высшие реальности приоткрываются, запечатленные мной знаки дают потрясающие возможности!

— Я буду права, если предположу, что для использования таких знаков не требуется кровь? — спросила охотница. — Ведь ключевую роль играет знак, вернее, его образ?

— Да, кровь не нужна. И в принципе пользоваться знаками Связи, как я их назвал, может любой человек. Правда, принимавшим церковную кровь будет легче. Эти знаки буквально впечатываются в память таких как мы — при использовании особой техники.

— Я слышала, что знаки Связи уже именовали в вашу честь — рунами Кэрилла, — улыбнулась Мария. — И не зря. Ваше достижение вызывает глубочайшее восхищение.

— Благодарю, — снова расплылся в улыбке учёный. — Жалко, что Виллем больше не интересуется делами университета. Он блуждает в лабиринте своего разума, отчаянно пытаясь найти путь к возвышению. Надеюсь, что наш поход поможет ему.

— Я уверена, что ваши знаки понравятся ему, — девушка вернула карточки учёному. — Мастер Виллем всегда с недоверием относился к крови и радовался любой альтернативе. А ваши знаки обходятся без нашего красного идола.

Вернувшись к охотничьему шатру, Мария вздрогнула от ощущения пристального чужого взгляда. Вкрадчивый шёпот прошелестел тёмные слова. Обернувшись, охотница увидела несколько капель белёсой слизи, висящих в воздухе. Вспыхнув бледным светом, странная сущность стала удаляться и быстро исчезла из поля зрения. Испугавшись, что капли нападут на людей, девушка последовала за непонятным образованием. Сделав всего шаг, Мария почувствовала, что балансирует на краю бездны, полной свистящей тьмы и озарённой яростным светом пронзительно-лазурных звёзд. Отскочив назад, охотница вернулась в привычный мир.

— Это слишком, — с трудом подавляя страх и одновременное с ним острое желание шагнуть в бездну, проворчала охотница.

Дрожа после пережитого волнения, Мария заглянула в шатёр. Ни Валлара, ни Германа в нём не оказалось. Ни с кем другим ей делиться не хотелось. Перед походом девушка беседовала с Ром и Яном. Подруга взяла у неё образец крови и дала несколько советов. Потом они долго обсуждали, что же на самом деле видит Мария и что с этим делать. Выяснилось, что Ром тоже воспринимает вещи, недоступные обычным людям. Кроме этого, охотнице пришла в голову мысль изготовить на основе своей крови препарат, что будет на короткое время отрывать человека от привычной реальности. Они договорились провести опыт сразу по возвращению Марии из похода.

Ром верила, что экспедиция даст средство от Чумы Зверя, и дальше всё будет хорошо. Охотница сильно в этом сомневалась.

Когда девушка нашла Германа, тот спорил с Ференцем о деталях предстоящего боя. Герман настаивал на внезапном нападении. Аdjутант Людвига хотел дать обитателям деревни шанс добровольно поделиться своей кровью.

Дождавшись окончания разговора, Мария отвела командира в сторону и рассказала о случившемся. Герман не на шутку обеспокоился. Объяснив, что уже общалась на эту тему с Ром, она настороженно оглянулась по сторонам.

— Герман, ты всегда наставлял меня в трудные моменты, — начала девушка. — Прошу тебя, помоги. Сейчас я сделаю нечто необычное. Следи за мной и скажи, что изменится во мне.

Сделав шаг назад, Мария закрыла глаза и, исчезнув в облаке желтоватой дымки, появилась на том же месте спустя секунду. Герман охнул.

— Ты исчезла в дымке и появилась заново, — старый охотник неверяще глядел на ученицу. — Я не знаю инструментов, позволяющих совершить такое. Ты знаешь, что с тобой и что ты делаешь?

— Это очень сложно описать, — затруднилась с ответом девушка. — Шаг к краю пропасти. Если ошибусь, то провалюсь куда-то, куда падать не стоит. Мы с Ром изучим мою способность.

— Здесь я тебе не помощник. Я хорошо разбираюсь лишь в охоте, оружии, чудовищах и людях. Но здесь я позорно невежественен, — покачал головой Герман. — Скажи мне, что ты видишь, когда исчезаешь?

— Сейчас я видела озеро и скалы, но другие, — попыталась объяснить охотница. — Скалы выше и острее. За озером возвышались горы из тёмно-зелёного камня, похожие на

кльки колоссального чудовища. Всё искажено и изменено, как в кривом зеркале. Лиловое небо с огромной красной луной. За небом — воющий мрак и жгучие лазурные звёзды.

Внезапно старый охотник ощутил желание обнять ученицу, постараться утешить, но одёрнул себя.

— Прости за отказ в помощи. Я беру свои слова обратно, — тихо произнёс он, остро ощущая своё бессилие. — Я готов помочь всем, чем смогу. Сегодня я предлагаю тебе немедленно отправиться в шатёр и лечь спать. Завтра нам предстоит встреча с врагом, владеющим неведомыми нам силами. Ещё у меня есть пузырёк с отличной кровью, взятой у кровавой святой Аделины. Выпей её. Кровь питает охотника.

— Спасибо, — вымученно улыбнулась Мария. — Я сделаю всё, как ты сказал.

— Я отведу тебя, — сказал Герман. — Не думаю, что тебе пригодится такой совет, но слушай: в отчаянной ситуации может помочь даже то средство, которое пугает и кажется неприемлемым.

— Я подумаю над этим, — ответила девушка, чувствуя, что они оба говорят вовсе не то, что хотели бы сказать и услышать. Обращаясь к учителю, Мария надеялась получить исцеление от снедающей душу тревоги. Герман искренне хотел помочь ученице, но осознал, что не способен защитить девушку от тянущегося к ней мрака.

Приведя охотницу в шатёр, он достал флакон со святой кровью и протянул Марии. Дождавшись, пока та выпьет содержимое флакона, он забрал опустевшую склянку.

— Ложись спать, — приказал он. — Не мучай себя страхами и сомнениями.

Уже засыпая, девушка задумалась о совете Германа.

— В отчаянной ситуации может помочь даже то средство, которое пугает и кажется неприемлемым, — прошептала она сквозь сон. — Здравствуйте, жгучие звёзды.

* * *

Попытавшись устроиться поудобнее, Мария перевернулась на другой бок. Сон ушёл. Короткое забытие не принесло желанного покоя и отдыха. Уснуть — значит лишь сделать тоньше барьер между собой и миром зловещих теней. Сон и явь, действительность и кошмар постепенно смешивались всё сильнее. Новой встречи с лиловыми небесами ей сейчас не хотелось.

Сырость проникала даже в шатёр. Часовой у входа ругался сквозь зубы, когда дождевая влага попадала за шиворот. Маленькая керосиновая лампа, единственный источник света, не могла рассеять тьму. Нервный огонёк дёргался и трепетал, словно боясь собственной слабости.

— Мария, — шёпотом обратился к девушке незаметно подошедший Герман. — Как ты?

— Я не могу уснуть, — ответила она, сев на матрасе. — Меня одолевают ужасные видения. Я не знаю, сколько ещё выдержу.

— Держись. Не поддавайся отчаянию. Ты справишься, — ободрил охотник, взяв её за руку. — Когда это началось?

— Началось с того похода в подземелье, когда я коснулась крови Великого. И с тех пор лишь хуже, — объяснила Мария. — Иногда я управляю своим состоянием и даже могу извлекать из него выгоду. Но в такие моменты, как сейчас, я чувствую себя буквально раздавленной. Я пытаюсь собраться с силами, но мне очень тяжело. Тяжелее, чем на первых

охотничьих тренировках.

— Держись и верь в себя, как тогда, — произнёс Герман. — Мне позвать врачей?

— Просто побудь рядом, если можешь, — ответила охотница. — Не отпускай мою руку. Я боюсь соскользнуть, упасть. Меня затягивает чёрный водоворот. Не отпускай меня, Герман!

Некоторое время охотники сидели молча. Несмотря на ситуацию, Герман залюбовался строгим и гордым лицом Марии. Он тяжело переживал за девушку. Охотник чувствовал, что если он не сможет помочь Марии, то потеряет её так же, как Людвиг потерял Анну. Чего боялся даже больше, чем превратиться в чудовище.

В светлых волосах Марии виднелись седые пряди. По старой привычке она убирала волосы в хвост простой серой ленточкой. Герман видел в этой манере нечто чрезвычайно трогательное.

Мария выглядела ужасно усталой. Под глазами залегли глубокие тени.

— Я не понимаю, почему Лоуренс и учёные Бюргенверта так уверены в успехе, — озвучила свои сомнения охотница, прервав молчание. — Даже если жители деревни действительно защищены от скверны Зверя, то какие у нас есть гарантии того, что их кровь поможет нам? А ведь будет бой. Бой с неизвестным исходом. На их стороне сама Кос. Или Косм, как говорят в Хоре, но это неважно. Великая против нас, Герман! Не верю, что деревню мы обнаружили сами. Нас используют. Я боюсь. Боюсь и победы, и поражения.

— Я тоже боюсь, — согласился Герман. — Понимаю не хуже тебя, что мы можем навлечь на себя гибель или что-то ещё хуже. Но на кону стоит Ярнамское королевство и, возможно, судьба всего человечества. Держись, Мария. Мы должны справиться и можем справиться. Нашим клинкам нет равных, и правда за нами. Мы спасаем свой народ. И свою мечту.

Девушка тяжело вздохнула и закрыла глаза. Спавший в том же шатре Валлар шумно заворочался.

— Люди-рыбы отвратительны... Их жуткие паразиты просто чудовищны, — пробормотала она. — Пусть мы и собрались первыми напасть на них, мне не жаль.

— Не могу сказать, что испытываю к ним тёплые чувства. Они даже на людей не похожи! Не рыбы и не люди, — согласился Герман, наблюдая, как успокоилось дыхание ученицы. — Я слышал местную легенду, согласно которой эти твари детей похищают, чтобы добавить свежую кровь в свой поганый род.

— Они поплачутся, — в полусне откликнулась Мария. — Не отпускай руку. Помоги отдохнуть от мёртвых небес...

* * *

На следующее утро, ещё до того, как экспедиция свернула лагерь, к охотнице подошёл проснувшийся затемно Валлар. Мрачный и придавленный страхом, охотник казался старше своих лет, хотя год назад проходил ритуал омоложения.

— Мария, прости меня за то, что подвёл... в том ужасном сне, — склонив голову, повинился он. — Я оказался слабее, чем думал.

— Все мы не всеильны, — печально улыбнулась Мария, собирая вещи. — Но ты вытащил нас из темницы. Не кори себя.

— Странно, что Миколаш не сообщил церковному руководству об убийстве тюремщика.

— Он надеется, что мы забудем ему наше заточение.

— Прости меня, — повторил Валлар. — Если тебе будет нужна моя помощь, всегда можешь на меня рассчитывать.

— Я надеюсь, что все мы можем рассчитывать друг на друга настолько, насколько люди могут рассчитывать на другого человека, — ответила девушка. — Я имею в виду нас, старую команду Германа. А также Яна и Ром. Нам всем нужно держаться вместе как никогда.

— Я решил, что..., — заикнулся охотник. — Да, ты права.

— Мне тоже страшно, друг мой, — постаралась поддержать его Мария. — Всем нам страшно. Но мы должны сделать это. Чуму нужно остановить.

— Мы нападаем на мирное поселение, — зная о неприятии охотницей беззаконий, заметил Валлар. — Пусть они и не люди, но они разумны не менее нас.

— Они отказались помогать даже каплей своей крови. И не объяснили причину, — возразила девушка. — Представь, что ты встретил на улице умирающего раненого и прошёл мимо, хотя он молил о помощи. Возможно, у тебя нет лекарства и тебе некого позвать, но хотя бы попытаться помочь ты обязан.

— Как ловко мы играем принципами нравственности, когда надобно оправдать себя! — пробасил охотник. — Как будто мы помогали всем, кому была нужна помощь.

— Те, кого Ярнам бросал в беде, нередко платили нам враждой, — спокойно парировала Мария. — И мы поступаем так же. Таков мир. Бросил соседа в беде — будь готов увидеть его своим врагом.

— Они нам не соседи, — не согласился охотник. — Мы живём почти что в разных мирах. Они не виноваты в наших бедах и ничем нам не обязаны. А мы идём их грабить, чтобы исправить последствия собственных ошибок! Мы веками не замечали их. А они редко выходили к людям. Мы — грабители и убийцы.

— Рыболоды отнюдь не святые, — заметила девушка, закатывая матрас. — Думаю, легенды о похищениях детей и девственниц людьми-рыбами, распространённые в Ярнамском королевстве, возникли не на пустом месте. Валлар, сейчас не время спорить, кто прав. Если есть шанс, что кровь жителей деревни исцелит Чуму Зверя, я возьму её, добром или силой.

— Посмотрим, сколько из нас останется в живых к завтрашнему вечеру, — мрачно рыкнул Валлар и, резко развернувшись, быстрым шагом покинул промокший шатёр.

* * *

Несколько минут спустя Герман заметил Валлара, бредущего прочь от лагеря со всеми своими вещами. Догнав подчинённого, старый охотник удивился неожиданно злому взгляду того.

— Куда ты? Мы выступаем только через полчаса, — борясь с нехорошим подозрением, спросил Герман.

— Я ухожу, — бросил охотник.

— Валлар, ты понимаешь, что нарушаешь приказ? — мрачно спросил Герман.

— Я понимаю, что нарушаю приказ, — злобно рыкнул могучий охотник. — Но от приказов давно никакого проку. Нападать на Великого? Мы — марионетки в кукольном

театре, Герман. Мы с Марией понимаем это. Больше не хочу болтаться на ниточке.

— Но в отличие от тебя Мария не собирается дезертировать, — отрезал старый охотник. — Она понимает, что есть вещи превыше личных домыслов и страхов. Ей сейчас куда хуже, чем тебе! Ты знаешь, почему. Ей нужна твоя помощь, но ты решил бежать. Хотя обещал ей поддержку — я слышал ваш разговор.

— И напрасно! — рявкнул Валлар. — Раньше про эту деревню никто не слышал! И лучше уж она оставалась бы в неизвестности! Её охраняет воля Великого! Мы не могли найти её без помощи другого Великого! Нас используют, Герман!

— Возможно, — резко бросил Герман. — Но покидать друзей в час опасности подло. Говоришь, нас используют? Хорошо. Что ты предлагаешь делать?

— Нужно отменить всю затею, — охотник понизил голос и приблизился вплотную к командиру. — Мы не найдём там того, чего ищем.

— И какие у тебя есть доказательства? Докажи своё мнение хотя бы мне!

— Мария может рассказать тебе о том, как обманули птумериан, — прошептал Валлар, нервно оглядываясь. — А у меня есть записи Анны. Она понимала многое из разговоров Великих.

— Мария поведала мне ту печальную историю, — рассердился старый охотник. — И содержание записей ты пересказывал. Как это связано с тем, что кровь рыболодей может быть способна излечить Чуму Зверя?

— Ты не понимаешь. Не хочешь понимать, — Валлар резко отпрянул от командира. — Порождённое кровью ей же не излечить. Надеюсь, завтра мы потерпим поражение. Я уйду.

— Ты собрался предать меня? Предать Марию и остальных? Предать Церковь? Предать всех людей? — ледяным до безжизненности голосом произнёс Герман. — Я многим обязан тебе, но и ты перед нами в долгу. Бросая друзей, ты предаешь и себя. Клятвопреступник.

— Лучше я покину вас, чем стану биться за погибель человечества, — Валлар выдернул руки из карманов. Герман невольно схватился за рукоять пистолета.

— Ты выстрелишь в меня? — мёртвым голосом произнёс Валлар.

— Нет, если ты не станешь стрелять в своих, — прошипел старый охотник. — Но если ты дезертируешь, я не стану выгораживать тебя.

— Все вы ополоумевшие ослы! — взвился Валлар. — Я остаюсь.

Развернувшись, охотник направился обратно в лагерь, что-то бурча себе под нос.

Германа не на шутку встревожила выходка Валлара. Он знал охотника как надёжного товарища и храброго бойца. Что произошло с ним, что надломило? Из Яаар'гула Валлар вернулся другим человеком. Страх, гнев и отчаяние разъели сердце охотника. Герман знал, что кошмар оказался непреодолим для того. Гнев сделал Валлара уязвимым. Страх перед собственной слабостью поверг волю охотника.

Резня в рыбацкой деревне

Бессчётные годы стояла на берегу огромного Лунного озера деревня. Давным-давно её жители увидели огромное существо, купавшееся в прибое и, отдавшись страху, поклонились ему и назвали своим божеством. То была Великая Кос, спустившаяся с небес в глубины вод за миллионы лет до первого человека.

Используя кощунственный птумерианский ритуал, избранные Великой мужчины вступали в противоестественный брак с инопланетной тварью. Плодами таких союзов становились десятки отвратительных человекоподобных созданий.

Кос даровала некоторым жителям деревни часть своих сверхъестественных сил. Они стали волхвами, наделёнными тайным могуществом. Отродья Кос спаривались с людьми, порождая всё более и более гротескных созданий.

Эти создания выглядели гибридами людей и морских существ: рыб и моллюсков. Кос изменила даже животных: следующее поколение деревенских собак стало жуткой пародией на этих издревле верных человеку животных.

Со временем оставшиеся в деревне люди умерли от старости и болезней. А их дети людьми уже не являлись. Люди-рыбы и люди-моллюски не старели, не болели и верно служили волхвам и Великой Кос.

Обычные люди стали сторониться рыбацкой деревни. Но после того, как люди-рыбы стали селиться вблизи других деревень, поклонников Кос начали истреблять. В конце концов Великая скрыла свою деревню от чужих глаз тайным барьером. Никто не знал, почему столь могущественное существо решило спрятать себя и своих адептов, хотя могло бы без труда повергнуть неприятелей. Тем не менее, люди-рыбы изредка обменивались товарами с обычными людьми. Ходили слухи и о похищениях детей обитателями покорившейся Кос деревни.

Возведённый ещё при первом короле нынешней ярнамской правящей династии маяк погас. Корабли больше не причаливали у местной пристани.

* * *

На следующий день потеплело настолько, что облачённым в зимнюю одежду людям приходилось снимать с себя плащи и куртки. Снег почти растаял. Дождь лил с ночи без перерыва. С берега текли самые настоящие ручьи талой и дождевой воды.

До цели похода осталось несколько километров по болотистой низине. Экспедиция вновь встала лагерем — на этот раз выставив куда более серьёзную охрану. Среди часовых присутствовали достигшие значительных успехов в постижении мистических сил люди — несколько учёных Бюргенверта, двое адептов Хора, охотники Валлар и Мария. Только они могли надеяться заметить лазутчиков врага, скрытых волей самой Кос.

Под промокшими полотнищами посреди лагеря прятались восемь пулемётов. На использовании этого новейшего вооружения настоял Герман. Боеприпасы лежали отдельно в тщательно охраняемой палатке. Командиры приказали скрывать это оружие до поры до времени, хотя вряд ли лазутчики из деревни что-либо знали о пулемётах.

На отдельной телеге располагалась мощная мортира, также надёжно укрытая. Такая

пушка позволяла стрелять бомбами огромной взрывной силы по навесной траектории. При сложном рельефе возможность стрельбы непрямой наводкой могла дать решающее преимущество. Поодаль артиллеристы проверяли второе такое же орудие.

Ограбленные рыболовьями посланцы рассказывали, что помимо тварей размером с человека, в деревне обитают гигантские создания, мордами напоминающие огромных хищных рыб южных морей — акул. Также командиры знали, что наделённые тайным могуществом волхвы обитают в доме неподалёку от маяка. Адепты Хора считали, что будет разумным уничтожить волхвов ещё до начала боя.

У охотничьего шатра собирали копию установки, запускающей в Ярнаме фейерверки по праздникам.

Ференц, Герман, адепты Хора, командиры солдатских отрядов и несколько охотников собрались в большом шатре на совет к одиннадцати утра. Наспех составленную в Бюргенверте карту окрестностей прикололи к грубо сколоченному мольберту. Герман стоял прямо перед ним, задумчиво теребя подбородок. Ференц перетапывался на месте чуть поодаль, нервно листая свою записную книжку. Адепты Хора в белых одеяниях держались невозмутимо-отстранённо. Эти двое, мужчина и женщина, в отличие от многих своих коллег, не имели внешних изменений, если не считать неестественно бесцветных глаз у мужчины. Мария помнила присутствующую здесь адептку Хора по последней экспедиции в птумерианские подземелья. Военные старались держаться подальше от хористов и поближе к Ференцу. Валлар, угрюмый и нелюдимый, находился дальше всех от мольберта. Герман периодически кидал в его сторону оценивающие взгляды, на что тот отвечал злой гримасой. Мария стояла по правую руку своего учителя. Люциус — по левую.

— Я категорически против того, чтобы тратить время на бесполезные переговоры, — высказался Герман. — Рыбы уже показали свою позицию и сделали это доходчиво.

— Увидев наши силы, они могли задуматься, — возразил Ференц.

— Увидев наши силы, они могли приступить к укреплению обороны, — нахмурился старый охотник. — Пытаясь поговорить, мы упустим инициативу. Потеряем драгоценное время. Ты же не хочешь сражаться в темноте? У нас шесть-семь часов светлого времени. Наше главное преимущество — дальнобойное огнестрельное оружие. В темноте солдаты не смогут целиться.

— Некоторые ритуалы в честь Великих требуют времени, — поддержал Германа адепт Хора. — Наше промедление даёт врагу возможность воззвать к могуществу Кос. Я уже чувствую, как исполинская мощь сгущается над деревней, словно грозовая туча. Мы должны напасть немедленно, Ференц. Мы знаем приблизительное расположение основных строений, знаем, куда стрелять.

— К тому же, переговорщиков могут захватить в плен и попытаться использовать как заложников, — добавила Мария. — Согласитесь, это будет неприятно.

— Тогда нужна разведка, — вздохнув, поддался Ференц. — На стоящих на берегу озера скалах отличная позиция. Мы можем наблюдать её отсюда, и с неё видна большая часть деревни. Чтобы забраться туда, понадобится специальное снаряжение, которое я предусмотрительно заказал в Ярнаме. Но зато мы можем выбрать наилучшие цели для мортиры и доработать план нападения.

— Это опасно, — предупредил один из военных. — На высоте может располагаться вражеская засада. И времени у наших будет немного.

— Как насчёт твоих охотников, Герман? — Ференц пристально посмотрел на старого

охотника. — Твои люди непревзойдённы, если нужно куда-нибудь забраться и убить там спрятавшуюся тварь.

— Ты прав, — согласился Герман и повернулся к своим ученикам. — Кто из вас считает, что справится с заданием наилучшим образом?

— Я предлагаю послать меня, Валлара и Валентайна, — предложила Мария. — Мы с Валларом увидим рыбчеловека даже с авгуром Кос. Я и Валентайн немного владеем скалолазанием. Валлар сможет посторожить нас.

— Отлично, — кивнул Ференц. — Вы должны справиться за час. В двенадцать начинаем обстрел. По возможности постарайтесь проверить отмеченные на карте тропы. Хотя нет. Не надо. Этим займутся другие. У вас есть своя задача.

— Действуем по первоначальному плану? — поинтересовалась хористка.

— Да. Мортиры бьют по наиболее вероятному местоположению волхвов и по наиболее выгодным для засад местам, а также по крупным домам. После запуска жёлтого фейерверка три отряда прорываются к указанным на карте высотам, — заместитель Людвига указал на приколотые к карте значки. — И устанавливают пулемёты. Таким образом стрелки смогут простреливать деревенскую площадь, крыши и большую часть берега. Каждый отряд сопровождают четыре охотника. После установки пулемётов отряды проникают в деревню, каждый со своего направления. Охрана каждого пулемётчика — пять солдат.

В шатёр тихо зашёл Валентайн.

— В деревне отряды действуют согласно плану, — Ференц показал на пронумерованные стрелочки. — Они зачищают всё вокруг деревенской площади, оттесняют сопротивляющихся в туннели и прибрежную часть деревни, закрепляются у маяка и в уцелевших домах вокруг площади и запускают зелёную ракету. Тем временем, сразу после жёлтого сигнала, четвёртый отряд под командованием Германа выдвигается к болоту возле деревни. Это необходимо, чтобы исключить удар в спину. Сразу после зелёного сигнала они входят в деревню. Вместе с четвёртым отрядом идут адепты Хора. Их задача — противостоять волхвам на протяжении всего сражения. Вам не обязательно находиться в гуще боя?

— Не обязательно, — подтвердил хорист. — Руны Кэриллы, нашего талантливого коллеги из Бюргенверта, позволят противостоять возможным попыткам волхвов вызвать что-то мощное и масштабное. А с остальным справятся охотники.

— После уничтожения противника на поверхности подрываем все обнаруженные выходы из туннелей, кроме тех, что у маяка и на пляже — последний будет ещё недоступен, — продолжил Ференц. — Затем необходимо будет зачистить туннели. Почти наверняка самое ценное скрыто под землёй. Впереди идут охотники — это работа для них. После полного подавления противника — синий фейерверк. Только после этого начинаем исследования и сбор образцов. В случае непреодолимых проблем — красный фейерверк. Это сигнал к отступлению. Вопросы?

— Что делать, если Великая Кос явится лично и обрушит на нас свою мощь? — громогласно задал вопрос Валлар.

— Отступить, — отчеканил Ференц. — Но она не должна явиться.

— Не должна, но может и явится, — оскалился охотник.

— Валлар, замолчи, — сурово приказал Герман.

— Численность противника? — задал вопрос один из военных.

— Никаких новых сведений. Не менее двухсот... особей, не более восьмисот. Вероятно,

беспособны далеко не все.

— Как берём пленных? — задал вопрос он же.

— Старайтесь не рисковать. Если есть малейшая опасность — убивайте. Берите раненых, сломленных. Пленные — только после подавления крупных очагов сопротивления. Можете рубить пленным конечности — учёные говорят, у них всё равно вырастут новые.

— Распределение по отрядам прежнее? — спросил другой военный.

— Прежнее, — ответил Ференц. — Не вижу причин усиливать ни один из отрядов в ущерб другим. И оставлять слишком много людей в лагере также нет смысла. Больше нет вопросов?

— За Ярнам, за Церковь и за королеву, — произнёс Герман. — Да улыбнётся нам удача.

* * *

Путь к заветной скале лежал по отвратительному болоту. Из-за оттепели неосторожный шаг мог привести к падению в трясину.

Хватаясь за низкорослые деревья, охотники пробирались по топи. Впереди шла Мария, внимательно выбирая дорогу и настороженно оглядываясь по сторонам. За ней шёл Валентайн с набором кошек, верёвок и другого снаряжения для подъёма на скалу. Позади брёл Валлар, сжимая в руке «Зов вовне».

Рыболюди пока не показывались. Однако Мария чувствовала уверенность, что вскоре обитатели деревни попытаются напасть на так близко приблизившихся к их жилищу охотников. Она слышала, что у врага отсутствует не только огнестрельное оружие, но даже примитивные арбалеты и луки: из оружия рыболоды имели только копья, дротики, ножи и гарпуны. Однако девушка понимала, что врага не стоит недооценивать. Ему покровительствует сама Кос.

Дождь лил не переставая. Безрадостный пейзаж окутал густой туман. В таких условиях разведка стала бессмысленна: белёсая пелена надёжно укрыла деревню от посторонних взглядов. Ветер затих, и не осталось надежды, что в ближайшее время туман рассеется.

Грязно выругавшись, Валлар выдернул ногу из трясины. Болото выпустило охотника с влажным чпоканьем. Сапог покрыл толстый слой зловонной грязи.

— Мария, это глупо! — не выдержал здоровяк. — Из-за тумана мы ничего не увидим оттуда!

— Ты прав, — нехотя согласилась девушка.

— Мы можем подобраться почти к самой деревне, двигаясь по правому краю болота и прячась за деревьями, — предложил Валентайн. — Видишь три высокие высохшие ели и пригорок за ними? Оттуда мы сможем увидеть площадь.

— Слишком близко, — мрачно возразил Валлар. — Нас заметят.

— Не заметят, туман работает и против нашего врага, — защитил свою идею Валентайн. — Даже если заметят, мы уйдём по берегу. Бегаем мы быстро, а стрелять им нечем.

— Нечем стрелять? Ты наивен, как пастух из горного села, — противно ухмыльнулся Валлар. — Они найдут, чем нас достать.

— Попробуем подобраться, — решила Мария. Тем не менее, чувствовала себя она очень неудобно.

Рядом с деревянной девушка ощущала много странного. В воздухе висел туман, морок, никак не связанный с дождём и непогодой. Потусторонняя тень окутывала затерянную деревню, скрывая от людей свои чёрные тайны. Только благодаря совместным усилиям Хора, сновидцев и учёных Бюргенверта покров приподнялся. Открыв настоящий оплот кощунственной мерзости.

Благодаря туману и осторожности до пригорка людям удалось добраться незамеченными. Охотники спрятались за огромным валуном.

— Выходить втроем нет смысла, — сказала Мария.

— Далеко не отходи, — посоветовал Валлар.

Стараясь не выпрямляться в полный рост, девушка взбежала на пригорок. Голый куст и грудa камней не являлись хорошим укрытием, но всё же закрывали от возможных наблюдателей из деревни. Туман скрадывал очертания скал и ветхих хижин. За двумя рядами домов смутно виднелось свободное пространство с колодцем посередине. Сгорбленные силуэты рыболодов заполняли площадь. Вода попадала на линзы бинокля, мешая рассматривать деревню. Присмотревшись, Мария заприметила в толпе массивную фигуру, раза в три выше обычного рыбчеловека. В руке исполин держал огромный корабельный якорь. Похоже, они готовятся к обороне, подумала охотница.

Марию снова выручило охотничье чутьё. За секунду до нападения она почувствовала присутствие живой крови и, вскочив, резко отпрыгнула назад. Копьё рыбчеловека вонзилось в землю там, где она только что лежала.

Распространяя отвратительное зловоние, подкравшийся враг выдернул копьё и с диким боевым кличем метнулся вперёд, но нарвался на выстрел. Блеснуло лезвие Ракуйо, и голова раненого рыбчеловека слетела с плеч. Не медля ни мгновения, Мария вернулась к соратникам.

— Нас заметили! Рыбчеловек прятался за пригорком, — торопливо объяснила она ситуацию, глядя на встревоженные лица Валлара и Валентайна. — На площади полно рыболодов. Возвращаемся.

Выглянув из-за валуна, охотники заметили, что со стороны деревни бежит с десятков уродов, сопровождаемых огромной непонятной тварью наподобие замеченной на площади.

— Бежим! — скомандовала Мария.

Бежать по болоту оказалось трудно. К счастью охотников, преследователи скоро отстали, не решившись удаляться от деревни слишком далеко. По пути Валлар едва не провалился в болото с головой, перескочив через островок твёрдой земли, но Мария и Валентайн без труда вытащили оступившегося охотника.

Лагерь напоминал разворошённый муравейник. Артиллеристы устанавливали мортиры неподалёку от лагеря, простые солдаты расходились по отрядам и готовили оружие к бою. Герман и Ференц отдавали приказ за приказом. Адепты Хора обеспокоенно всматривались в затянутое низкими облаками небо и взволнованно обсуждали что-то с учёными.

Разыскав командиров, Мария доложила о результатах вылазки. Услышанное убедило Ференца в том, что первым делом стоит обстрелять площадь.

— Нападать нужно немедленно, — произнёс подошедший хорист. — Пока нам удаётся прятать лагерь от взгляда волхвов. Но это продлится недолго. Скоро они поймут наш план.

Коротко кивнув, Ференц оглядел своих бойцов. Все присутствующие понимали, на что идут. Но никто не падал духом и не бежал от долга. Даже роптавший Валлар выглядел решительным и готовым к встрече с опасностью.

— Начинайте обстрел, — скомандовал Ференц артиллеристам. — Сначала площадь.

Мария и Валентайн сопровождали не тот отряд, с которым шёл Валлар. Сориентировавшись, охотница нашла взглядом Гисберта. Вот и её отряд.

— Удачи, — сказала она Валлару.

— Пусть хорошая кровь укажет тебе путь, — пожелал Валентайн.

— И тебе. Но я не желаю более идти по пути, указанному кровью, — ответил охотник и быстрым шагом направился к своим.

Рядом с Гисбертом стоял охотник в красивом жёлто-коричневом кожаном плаще [18]. В руках он держал клинок, называемый «убийцей чудовищ». Оружие кровожадно сверкало остро наточенными зубьями [19]. На поясе охотника блестели многочисленные метательные ножи.

— Здравствуй, Хенрик, — коротко поздоровалась Мария.

Хенрик крепко дружил с одним из церковных охотников. Мария припоминала, что его звали Гаскойн. Он когда-то приехал в Ярнам в поисках исцеления. Вылечившись, Гаскойн остался в Ярнаме и женился на уроженке города. Немного позднее он вступил в ряды церковных охотников. Также охотница слышала, что в последнее время Людвиг очень недоволен другом Хенрика.

— Здравствуйте, леди Мария, — вежливо, но прохладно приветствовал её Хенрик.

От волнения девушка прикусила губу. Впереди — не простая охота, а самый настоящий бой. С организованным и разумным врагом, обладающим сверхъестественными силами. Пользующимся расположением могущественного Великого.

Мария чувствовала страх.

Деревня располагалась недалеко от мелкого и узкого пролива, соединяющего озеро с морем. Посмотрев в ту сторону, Мария увидела, как из морских далей надвигается чёрная грозная туча. Нет, это не туча, поняла она. Никто не видит её. Гуще облаков, серее стелющейся над деревней дымки, серые щупальца озёрного тумана наползали на берег. Кос разгневана убийствами Её детей.

Рявкнула мортира. Охотники лёгким бегом двинулись вдоль края болота. За ними поднялись солдаты. Мария хорошо помнила дорогу через топь, и без проблем миновала топкие и опасные участки.

Целью отряда являлось расположиться рядом с деревней и после окончания обстрела врага из мортир прорваться в деревню, оборудовать пулемётную точку, подавить рыболодей и приступить к зачистке.

Тащивший станину разобранного пулемёта солдат ругался, когда массивная железка била его по спине. Изначально Ференц предлагал использовать лошадей для переноски тяжёлого вооружения, но животные панически боялись рыболодей и не смогли бы преодолеть столь сложный рельеф.

Гисберт постоянно оглядывался на лагерь, ожидая жёлтого сигнала. Он отчего-то ужасно боялся пропустить его. Когда они только вышли из Ярнама, охотник ликовал от перспективы поучаствовать в походе. Сражаться не с несчастными горожанами и пациентами, обратившимися от крови, а с настоящим врагом, коварным и порочным. И принести Ярнаму спасение от Чумы Зверя. Это даже лучше, чем защищать научные экспедиции Церкви в подземельях Птумеру! Но сейчас новичок боялся, боялся до дрожи в ногах.

Валентайн старался не задумываться о гибели и поражении. Впереди — враг. Врага

нужно уничтожить. Думать нужно о том, как это сделать, а не предаваться бесполезным переживаниям.

Хенрик не боялся — единственный. Он давно стал фаталистом — что случится, то случится. Свершившегося не отменить, будущего не дано знать. Пусть обрушится на него гнев Кос — он в любом случае успеет пустить кровь парочке тварей.

Отряд подобрался к деревне. Спрятавшись за высохшим ельником, солдаты нервно ожидали условного сигнала. Из-за ряда сырых хижин доносились разрывы бомб. К небу поднимались клубы чёрного дыма и пара.

— Нас не заметят? — услышав режущий ухо нечеловеческий вопль, забеспокоился Гисберт.

— Не должны, — ответила Мария. — Даже если заметят, то сейчас это уже не важно.

Канонада стихла. Гисберт неотрывно следил за небом в стороне лагеря, нервно теребя рукоять саифа.

* * *

В туманных небесах вспыхнул и рассыпался на тысячу искр сноп золотого пламени.

— Пришло время для уха! — со злой радостью в голосе воскликнул стоявший рядом с Марией солдат.

Больше не скрываясь, отряд ринулся к деревне. Увидев нападающих, несколько рыболюдей с копьями и ножами попытались отступить в дома. Рывкнули ружья. Двое тварей упали.

Из окна второго этажа покосившейся хижины с валяющейся у крыльца лодкой высунулся толстый рыбчеловек с бугристым лицом. В воздухе просвистел дротик. Уклонившись, Мария выстрелила в урода. Рыбчеловек отпрянул, но ранен он, убит или невредим — охотница не знала.

Пулемёт требовалось установить на верху каменистого склона. С него простреливались ведущие к берегу тропы. В начале подъёма отряд чуть не нарвался на засаду: десять рыболюдей, вооружённых копьями и метательными дротиками, спрятались за камнями и едва не застали ярнамитов врасплох. Но тварей подвёл запах. Хотя деревня казалась вся пропахшей гнилой рыбой и нечистотами, охотники почувствовали вонь уродов. За валуны, в заросли мёртвой травы и в окна полетели бутылки с зажигательной смесью. Четверо охваченных пламенем рыболюдей с безумными воплями выскочили из укрытий и бросились врассыпную, чтобы упасть под градом пуль.

Хенрик, Валентайн и трое солдат поднялись на склон в десяти метрах слева от укрытия рыболюдей и добились оставшихся врагов. Пока обитатели деревни не оказывали достойного сопротивления.

Взобравшись на каменистую осыпь, солдаты собрали пулемёт. Стрелок вставил ленту.

Отсюда открывался обзор на большую часть деревни. Попавшие под обстрел дома рухнули, но пожары не начались: слишком сыро. Лишь сарай у ведущего от центра деревни подъёма занялся огнём и поднял к небесам столб густого дыма.

— Алеку, Маркус, поторопитесь! — закричал командир пулемётного расчёта, увидев гигантского рыбчеловека, бегущего по направлению к ярнамитам со стороны площади. В руке пятиметровый исполин сжимал корабельный якорь. Великана сопровождали трое

обычных рыболодей и странная тварь, похожая на помесь собаки и шипастой рыбы.

Но враги не успели. Затрещал пулемёт. Хотя гигант оказался куда крепче, чем думали ярнамиты, и солдаты не на шутку перепугались, после тридцати с лишним попаданий уродливый исполин сбился с шагу и тяжело рухнул в грязь. Пытавшихся бежать рыболодей постигла та же участь. Лишь собакоподобная тварь успела добежать до позиции, с поистине сверхъестественной ловкостью уходя с линии стрельбы за мгновения до выстрелов.

Тут же на шипастое отродье обрушился устрашающий клинок Хенрика. Длинные загнутые зубья искромсали плоть и сокрушили кости.

Стрельба и вопли доносились повсюду. Казалось, у рыболодей не осталось шансов. Защитники деревни бились беспорядочно и неорганизованно, пусть и отчаянно. Из-за этого ярнамитам удалось быстро разбить обороняющихся на разрозненные группы. Но Марию не покидала тревога за исход дела. Враг ещё не раскрыл своих карт. Пока что отряд не встретил волхвов. Не может быть, чтобы все носители тайных сил погибли при обстреле.

Расстреляв ещё с десятков пытавшихся напасть или убежать обитателей деревни, охотники приступили к зачистке близлежащих домов. Пятеро солдат остались при пулемёте и при необходимости вели огонь по выскакивающим на улицу рыболодям. Остальные рассредоточились и контролировали пространство между домами. В помещения солдаты не заходили — рыболоды значительно превосходили обычных людей в силе и живучести. Поэтому солдаты избегали ближнего боя, уступая эту честь охотникам, лишь отстреливая выбегающих на улицу и мелькающих в окнах уродов.

Ворвавшись в дом, Мария отпрянула от бешено размахивающего топором здоровяка с бугристым лицом, ранее кинувшем дротик из окна, и едва не подставилась под выпад копья. Отбив топор в сторону, Гисберт полоснул здоровяка по груди лезвием саифа. Уйдя от повторного выпада копейщика, охотница изрубила врага градом ударов. Разделённый на меч и кинжал Ракуйо кружился стальным вихрем, вспарывая чешую, рассекая мышцы и разрубая внутренние органы рыболода.

Бугристый внезапно метнул в Гисберта стул и, воспользовавшись замешательством того, кинулся на второй этаж. Охотник выстрелил врагу в спину, но пуля прошла мимо позвоночника и рыбчеловек лишь противно взвизгнул.

— Осторожно! — предостерегающе крикнула девушка разъярённому охотнику.

Побежавшему за противником Гисберту лишь чудом удалось избежать удара топором по голове и тычка копьём в грудь. Резко дёрнувшись назад, парень потерял равновесие и, неудачно кувыркнувшись, упал с лестницы.

Остановив жестом рвущегося в бой охотника, Мария метнула вверх предпоследнюю бутылку с горючей смесью. Огонь даже не задел врагов, но она и не рассчитывала на это: ведь отвлёкшиеся на секунду враги упустили момент для удара. Копьё яростно воткнулось в дощатую стену, а топор бестолково рассёк воздух. В следующее мгновение бритвенно-острый меч распорол горло рыбчеловека. Урод схватился за раненую шею и пронзительно заверещал. Отрубив чешуйчатую кисть с копьём, Мария молниеносно бросилась на бугристого и вонзила оба клинка в отвратительную рыбью морду. Пока враг падал на склизкий пол хижины с пробитым насквозь черепом, охотница тремя быстрыми режущими взмахами добила рыбчеловека с распоротым горлом.

Кровь жителей деревни выглядела очень странно. Серая со слабым жёлтым оттенком. Рыбья кровь. Присмотревшись, Мария с отвращением заметила в пролившейся на пол из горла рыбчеловека белёсой жидкости крохотных червячков. Нет, такую кровь она пить не

будет.

— Мария, вы в порядке? — донёлся снизу взволнованный голос Гисберта.

Быстро оглядев второй этаж и не заметив ничего интересного, девушка спрыгнула вниз.

— Я в полном порядке, — ответила она, прислушиваясь к треску пулемёта на улице. —

У нас ещё три дома.

— Почему нельзя прострелять дома из пулемёта? — пробормотал охотник, увидев отверстие в стене, явно оставленное пулей.

— Патронов у нас не так много, — коротко бросила Мария, немного раздражённая глупым вопросом. — За дело.

У порога следующего дома лежало пять растерзанных пулемётом тел. Зайдя, охотники обнаружили лишь забившуюся в угол собакоподобную шипастую тварь. Расправившись с тварью, Мария и Гисберт не обнаружили никого живого.

В последнем доме оборонялись трое рыбаколюдей, забаррикадировавших дверь массивной утварью. Стреляя с недосягаемого для дротиков расстояния, солдаты заставили обороняющихся прятаться по щелям. Хенрик и Мария забрались в окна, Гисберт и Валентайн ухитрились пробраться через завал. Протискиваясь в хижину, Валентайн поймал дротик. Зарывав от боли и ярости, охотник вырвал его и набросился на метателя. Таким злым Валентайна соратники ещё не видели.словно голодное чудовище, он изрубил на части своего врага и, упав на колени, принялся лакать пролившуюся кровь.

Прятавшийся на полу от обстрела рыбаколюдей не успел даже подняться, как лезвие Ракуйо отсекло ему голову. Оставшегося противника зарубил Хенрик.

— Валентайн! Не пей кровь! В ней черви! — воскликнула Мария, оттаскивая охотника от трупа. — Они могут оказаться заразными!

— Я охотник! Я неуязвим для хворей! — хрипло завопил Валентайн, дико вращая глазами. — Только Чума имеет надо мной власть!

— Это не обычные паразиты! — возразила охотница, залепив обезумевшему пощёчину. — Усмири жажду крови!

К её удивлению, тот послушался, пусть и нехотя.

* * *

Деревенскую площадь по щиколотку заливала вода. Под ней виднелись воронки от попадания бомб. В воде плавали ошметки разорванных взрывами тел. Видимо, к началу обстрела многие рыбаколюди ещё оставались на площади. Как ни странно, колодец остался цел. Лишь крышка сорвалась с опор и жалко лежала рядом с трупом огромного рыбаколюдей.

В руках ярямитов находилась половина деревни. Всё шло по плану.

На площади четверо солдат из другого отряда вязали немногочисленных выживших рыбаколюдей. Рядом возвышался измазанный в крови и грязи Валлар и спорил с офицером.

— Кос придёт с минуты на минуту! Я чувствую её ярость! — упрашивал охотник. — Мы должны немедленно отступить! У нас уже есть и пленные, и образцы крови! Нам не устоять перед Великой!

— Прекратите праздновать труса, Валлар, — холодно ответил офицер. — Мы побеждаем.

Отвернувшись от охотника, он брезгливо отбросил пинком плавающую в воде руку рыбчеловека.

— Запускайте зелёную ракету, — приказал он одному из солдат.

В стороне дороги, ведущей к маяку, затрещал пулемёт. Помня о необходимости оттеснить рыболодей за маяк, люди побежали на подмогу.

Небо над рыбацкой деревней озарил изумрудный огонь.

* * *

На тропе к маяку лежали тела ярнамских солдат вперемешку с отвратительными трупами рыболодей. Отряд, сопровождаемый охотником Люциусом, первым установил свой пулемёт и бросился в атаку. У маяка их встретил рыбчеловек-гигант, два десятка простых уродов с копьями и дротиками, свора разъярённых шипастых «собак» и трое волхвов. Волхвы воззвали к сверхъестественным силам, и пулемётчика поразила ударившая с неба жёлто-оранжевая молния. Затем молнии ударили в охотников. Из ртов служителей Кос вылетели сотканые из чёрно-фиолетового дыма черепа и устремились на людей. Трое бойцов Германа, шедших с Люциусом, погибли. Ценой своих жизней им удалось убить одного из волхвов. Непонятная сила отклоняла летевшие в служителей Кос пули, и воодушевлённые успехом рыболоды растерзали солдат. Сам Люциус пал в схватке с исполином и его свитой.

Трое уцелевших солдат отряда соединились с пришедшими на подмогу. Сразу поняв серьёзность положения, ярнамиты не стали безоглядно бросаться вперёд. Но волхвы не желали упускать инициативы. Раздался низкий гул, и на людей опустилась непроглядная тьма. Каждое движение давалось с трудом, а воздух казался тяжёлым, как свинец. Почувствовав себя пленниками морских глубин, люди в отчаянии падали на землю, крича и корчась от боли и ужаса.

Но Мария, Валентайн и Валлар устояли на ногах. Устоял и один из солдат — бледный до синевы, он посылал во врагов пулю за пулей. Но ни одна порция свинца так и не достигла цели.

Девушка увидела рыболодей, стоявших вокруг волхва на коленях и поющих гимн Кос скрипучими нечеловеческими голосами. Она разглядела ужасающую морскую тень, извивающуюся за спиной могучего волхва.

Издав полный ненависти вопль, Валентайн бросился вперёд. Танцующие вокруг волхва золотистые молнии прыгнули на охотника подобно змеям, заключив несчастного в свои смертоносные объятия.

Валлар прокричал ритуальные слова, прозвучавшие глухо и бессильно в сгустившемся мраке, и воздел вверх сине-желтоватого хрустального слизня. «Зов вовне» проснулся, и во тьме вспыхнула звезда. Ослепительно-белые искры помчались к волхву, но предательски отклонились в стороны, обрушившись на преклонивших колени рыболодей смертоносным градом.

Мария осознала, что они погибнут, если не одолеют ужасного волхва как можно скорее. Тьма давила всё сильнее. Каждый вдох отзывался мучительной болью, каждый шаг требовал титанических усилий.

Мария шагнула к зовущей её пропасти. Окутавшая девушку желтая дымка оттеснила давящий мрак. Рванувшись вперёд, охотница столкнулась с бившим поклоны гигантом.

Полагаясь не на трезвый расчёт, а на зов крови и безумную надежду, она вонзила лезвия Ракуйо в глаза исполина по самые рукояти.

На стороне Марии стояла кровь птумерианских предков и охотничья жажда. Но задуманное не получилось бы без чужой помощи. Когда клинки вошли в жёсткую плоть гигантского рыбчеловека, девушка почувствовала, как какая-то внешняя сила заставляет Ракуйо насыщаться кровью, уподобляясь любимым клинкам дворян Кейнхёрста.

Выдернув лезвия, охотница поразилась кошмарной перемене. Тонкие и элегантные лезвия превратились в огромные мечи, созданные из крови. Как ни странно, вес совершенно не ощущался. По ним бежали серые и красные ручейки. Наверное, это кровь всех её жертв, подумала девушка.

Эта кровь повиновалась ей, как глина повинуется скульптору, а звук — музыканту. Увидев, что терзающие тело Валентайна молнии готовы броситься на неё, Мария метнула ставший мечом кинжал смертоносным кровавым копьём. Она плохо умела пользоваться метательными ножами, так как считала их бесполезными, но отчаянный бросок достиг своей цели. Казалось, кто-то направлял её руку. Глазные яблоки волхва лопнули, брызнув кровавыми фонтанами. Ужасное наваждение спало. Тьма рассеялась, страшная тяжесть ушла. Уронив клинки, Мария рухнула на колени, жадно глотая воздух. Напади на неё сейчас рыболоды, она не смогла бы ничего сделать. Но Валлар вынул из нагрудного кармана и поднёс к лицу глазное яблоко с иссиня-чёрным зрачком, и уже занёсшего копьё для удара урода пробило насквозь окутанным голубым сиянием крохотным кристаллом. Согнувшись пополам, рыбчеловек захрипел от боли. Затем пришедшие в себя солдаты открыли огонь, добивая уцелевших врагов.

Валлар подошёл к Марии и помог девушке встать.

— Валентайн, — прошептала охотница.

Валентайн, любитель щегольских шляп и распутных женщин, погиб. Одежда охотника дымилась. Лицо несчастного обуглилось. Отнеся Валентайна в сторону, охотники сложили его руки на груди и накрыли его же плащом.

— Зачем он рванулся вперёд? — прошипел сквозь стиснутые зубы Валлар. — Мария, как тебе это удалось?

Кровь стекла с Ракуйо и ушла в землю. Клинок принял прежний вид, но что-то в нём необратимо изменилось, и охотница чувствовала это.

— Сейчас не время, — устало покачала головой Мария. — Могут появиться новые враги.

* * *

Вскоре подоспел четвёртый отряд под началом Германа. Известие о гибели пятерых охотников вызвало у него великую скорбь. Рыболоды попытались провести ответную атаку, и подкрепление оказалось весьма кстати. Адептам Хора удалось лишить оставшихся волхвов их способностей, и обитатели деревни остались без козыря. В нижней части деревни рыболоды почти не оказывали сопротивления, спасаясь вплавь, сдаваясь или даже кончая с собой.

Всё шло по плану. Под деревней действительно располагалось сложное переплетение туннелей. Проникнув в подземелье, бойцы встретили ожесточённое сопротивление со

стороны доселе невиданных тварей. Они напоминали бледных, покрытых слизью женщин со сросшимися в хвост ногами. К спине каждой цеплялся слизень-паразит, подобный тому, что сидел на убитом Валентайном лазутчике. Некоторые из новых тварей прятались в огромных раковинах, словно чудовищные моллюски.

Но коса Германа, прозванная Клинком Погребения, без пощады разила уродов. Никто не мог устоять перед Ракуйо, вновь превратившимся в ужасные кровавые мечи. Тяжёлые ружейные пули пробивали склизкие тела навывлет.

В одном из тупиков ярнамиты обнаружили потомство обитателей деревни под охраной двух исполинов. Твари сражались с невиданной яростью и убили немало солдат. Рыболоуди словно знали, что те не смогут уклоняться от их ударов с прытью охотников и намеренно напали на них, несмотря на то, что бойцы Германа шли первыми. Когда с гигантами было покончено, доведённые до полубезумия гибелью друзей солдаты расправились с детьми жителей деревни, хотя Герман требовал оставить их в живых — как ценный материал для исследований.

* * *

С каждой уходящей минутой Валлар чувствовал растущий ужас. Всепоглощающий ужас лишал воли, заставлял забыть о долге, забыть обо всём на свете. Потеряв самообладание, охотник совершенно перестал владеть собой. В его голову стали приходить настолько дикие и безумные мысли, что он буквально не узнавал себя.

Воспользовавшись суматохой во время боя с гигантскими рыболоудьми, охотник нырнул в одно из боковых ответвлений. Осознание собственной трусости жгло точно залитый в горло расплавленный свинец. Валлар бросился бежать. Пробежав около пятидесяти метров, он споткнулся и скатился в наполненную нечистотами яму. Рядом зашевелилось что-то бледное и склизкое. Одна из тех женщин с хвостами и слизнями на спинах. В глазах твари охотник прочитал тот же ужас, что пытал его самого.

Они все умрут. И он, и она. Но всё гораздо хуже, чем кажется на первый взгляд. Он пил кровь, ему переливали кровь, он причащался кровью. Кровь взрастила его. Его бранный разум начал растворяться в крови. Кровь — материя высшего сорта, суть Великого Идона. Смерть оставит от него кровотокающий огрызок, но не подарит желанного забвения, а свергнет во власть невидимого Великого.

Другой Великий подчинит себе людей, напевая им свои песни в темнейших уголках их душ. Люди станут зверьми, они уже стали ими, они всегда были ими. Он, Валлар — зверь! Обречённый утонуть, раствориться в крови. Обречённый страдать вечно!

— Ааааррррр! — яростно взревев, охотник принялся разбрызгивать мечом помои, будто сражаясь с невидимым противником. — Я не сойду с ума! Нет, не сойду! Я ошибся, я неправ! Такого просто не может быть!

Сорвав капюшон и бросив меч, Валлар вцепился в собственные волосы. Склизкая тварь в страхе сжалась на другом краю ямы.

— Не! Может! Быть! — кричал Валлар. — Я обманут, я в кошмаре, это лишь морок...

Рухнув в зловонную воду, охотник совершенно потерял чувство реальности. Ему почудилось, что он вернулся в далёкое прошлое, когда служил в королевской армии и участвовал в войне с одним из соседних государств. Ярнам тогда выполнял союзнические

обязательства и послал свои полки в чужие земли. После тяжёлого боя их отряд занял деревню. Он находился в крестьянской избе вместе с кавалеристами. Напротив него сидела дочь крестьянина. Кавалеристы хотели надругаться над ней, но он вступился за честь девушки, хотя это едва не стоило ему жизни. Усмирить распалённую солдатню и обнаглевшего от вседозволенности офицера было очень тяжело.

— Нет, я не отдам тебя этим извергам, — пообещал Валлар склизкому существу.

Сверху послышались частые выстрелы. Встав и подойдя к жуткой женщине, охотник тяжело вздохнул.

— Что за ужасный нарост у тебя на спине? — участливо спросил он. — Я знаю. Это паразит. Им заразил тебя один из этих извергов, да? Не отвечай. Я знаю, тебе больно.

Тварь предупреждающе закричала зубами. Её пугал непонятный пришелец.

Подняв меч, Валлар срезал слизня со спины склизкого создания. Мертвый паразит плюхнулся в гнилую воду, а тварь завопила от боли и забилась в конвульсиях.

— Тихо, тихо, успокойся, моя родная, — безумно бормотал охотник. — Я знаю одно место, там тихо, темно и безопасно. Мы пойдём туда и спрячемся. Спрячемся от извергов. Ты же не против?

Вместо крестьянской девушки вновь возникла омерзительная женщина из проклятой рыбацкой деревни. Вместо избы — вонючая яма. Валлар взревел и проткнул мечом скулящую у его ног тварь.

— Лунный гость без имени и лица, оставь меня, я не хочу служить тебе, — заплакал охотник. — Неужели никому меня не жалко?

Сев в воду и привалившись к стене ямы, Валлар разрыдался.

* * *

Охотники, адепты Хора и солдаты, горя мрачной решимостью завершить начатое, один за другим выходили на побережье. На укромном пляже, закрытом с обеих сторон скалами, сгрудились последние рыболоды. Все остальные обитатели деревни были мертвы или взяты в плен.

Семеро уродов непрерывно вопили, посылали проклятия в адрес людей и терзали себя когтями.

Вперёд вышел последний волхв, бессильный и сломленный.

— Кос, наша Великая Мать, расправится с вами, богохульные изверги, — прошепелявил он, гадко коверкая слова человеческого языка. — Она отомстит за своё погубленное потомство! Ваш поганый Бюргенверт будет стёрт с лица планеты!

Мария чувствовала, как Великая мощными рывками приближается к берегу, несясь сквозь толщу воды.

— Она здесь! — в ужасе прошептала охотница, обратившись к Герману.

Все присутствующие на берегу люди испытали удар невыносимого, ни с чем не сравнимого ужаса. Лишь адепты Хора и некоторые охотники сохранили самообладание. Один из солдат застрелился, снеся себе полчерепа. Другие падали ниц или в панике металась по пляжу, бросив оружие.

В облаке брызг и нечистой пены на мелководье выбралось огромное существо. Подобное обликом моллюску без раковины, оно обладало почти человеческими руками и

возвышалось над побережьем бледной склизкой башней.

На голове существа шевелились длинные гибкие щупальца. Под щупальцами Мария с ужасом и удивлением разглядела лицо с человеческими чертами.

Великая Кос пришла мстить за своих детей.

В воздухе заискрили слепящие молнии. Ещё миг — и они перекинутся на людей, оставив от ослеплённых гордыней несчастных лишь пепел...

Но некая сила, равная Кос, пришла на помощь ярнамитам. Берег окутала кровавая пелена. Небо приобрело лиловый оттенок. Молнии погасли. Взрыв подобно чудовищам, Герман и остальные охотники бросились на Великуюю.

Но Мария не поддавалась ставшей как никогда сильной жажде крови. Она не хотела быть рабыней крови. Браге возжелала стать её хозяйкой и владычицей. Подняв кровавые мечи, она заставила их воспламениться, как некогда в плену кошмара. По металлу и крови заструился злой огонь.

Поддержавшая ярнамитов сила отступила от Марии, сосредоточившись на впавших в неистовство охотников.

Раз за разом клинки впивались в плоть Великой, проливая священную древнюю кровь. Взлетали и опускались мечи, рубя и кромсая. Пытаясь защититься от ранящей стали, Кос неуклюже размахивала длинными, но слабыми руками.

Охотники купались в крови.

Пытаясь раздавить юрких охотников, Кос тяжело рухнула в мутную воду у самого берега. Забежав по колено в воду и запрыгнув Великой на шею, Мария вонзила мечи в голову Кос. Следом обрушилась коса Германа. Поверженная Великая дёрнулась и затихла.

Перерождённый Ракуйо требовал вонзать себя в плоть жертвы снова и снова. Поить кровью. Скривившись от отвращения, Мария отбросила от себя любимое оружие и, отойдя от исполинского трупа, села на глинистую землю у кромки воды и безучастно уставилась в туманную даль. На минуту обернувшись, она заметила сидящее на скалах создание.

Без лица. Увенчанное живой короной из чёрных шевелящихся отростков. Лишённое плоти туловище, представляющее из себя голый скелет. Оно не насытилось, поняла Мария. Оно никогда не насытится. Его судьба — вечно заполнять свою пустоту.

* * *

Валлара нашли обследовавшие туннели учёные в состоянии глубокого ступора посреди полной зловонной жижи ямы. Даже Герман не смог вывести подчинённого из оцепенения. Весь путь до города охотник провёл бессловесным грузом на телеге. Лишь в церковной лечебнице посредством сильнейших бодрящих средств Валлара привели в чувство.

* * *

Протянув руку с Ракуйо над колодцем, Мария разжала дрожащие пальцы. Любимый клинок канул во мрак. Расставаться — горько до слёз.

Но Ракуйо неисправимо запятнан. Ещё немного — и она сама потеряла бы над собой власть, навеки став рабыней крови, как остальные.

Всё потеряно. Белёная жижа, полная паразитов — не то лекарство, что мечтал добыть Лоуренс.

Теперь она должна стать владычицей крови — или Ярнам обречён вместе с ней. Впрочем, они все обречены — теперь Мария это понимала. Как и то, что её охота подошла к концу.

Астральная башня

Мария сидела в глубоком кресле, закинув ногу на ногу и потягивая красное вино из хрустального бокала. Бывшая охотница находила вино весьма неплохим — как никак, вино предназначалось Лоуренсу. Но глава Церкви уже две недели изнурял себя постом в надежде очистить дух для очередного ритуала Возвращения к Небесам. Поэтому невостребованный напиток разошёлся по рукам. Несколько бутылок попали в Астральную башню, в главную церковную лабораторию.

К её огромному удивлению, Герман даже обрадовался отставке ученицы. Хотя видется они стали реже, старый охотник находил определённое утешение в том, что она теперь в безопасности, и более не рискует жизнью. Мария хорошо помнила их разговор в Мастерской вскоре после возвращения в город из той проклятой рыбацкой деревни.

— Герман, я хочу прекратить действие своего охотничьего контракта, — глядя старому охотнику в глаза, произнесла девушка. — Я понимаю, что сейчас на счету каждый охотник, но я принесу больше пользы в ином месте.

— Мария, — мягко оборвал её хозяин Мастерской. — Произошедшее стало тяжелейшим испытанием для всех нас. Я не виню тебя за твоё намерение покинуть мою команду.

Повисла неловкая пауза. Герман вымученно улыбнулся.

— Валлара не нашли? — спросила девушка. — Я слышала, в лабиринт послали спасательную экспедицию.

— Нет, — устало закрыл глаза охотник. — Не нашли ни Валлара, ни даже его тела. Сбежавший вместе с ним церковник пропал тоже.

— Никаких зацепок? — не желая оставлять надежду, уточнила Мария.

— Нет. Он оставил мне письмо, в котором настоятельно просил не искать его, — тяжело вздохнул Герман. — Участие в безумствах сновидцев надломило Валлара, а бой за деревню — сломил.

— Мы не будем его искать? — вскинулась девушка и тут же опустила голову, понурившись: — Я понимаю, что сказала глупость.

— Ты сказала не глупость, Мария. Даже не думай так, — успокоил старый охотник, взяв её за плечо. — Я был бы рад спасти Валлара. Но он сам выбрал свой путь. Письмо написано человеком, осознанно решившим сойти во мрак. Мы не в том положении, чтобы пытаться спасти того, кто отказался от всякого спасения. Обрати своё сострадание на тех, кто ещё не потерял желания жить.

— А что за человек ушёл вместе с ним? — поинтересовалась тогда ещё охотница.

— Церковный охотник, из новичков. Зовут Герберт или Харальд, — наморщил лоб Герман. — Не помню, да и не важно это.

— Зачем он пошёл с Валларом?

— Не знаю, Мария, не знаю, — печально пожал плечами старый охотник. — Чем ты хочешь заняться теперь? С кем ты теперь будешь? С Церковью или с Кейнхёрстом?

— Меня обещали взять старшим ассистентом в церковную лабораторию, что за Астральной Часовой башней, — рассказала Мария. — Мне дали две недели, чтобы восполнить пробелы в своих знаниях. Я неплохо помню изученное в Бюргенверте, но после его окончания я успела проработать всего полтора года. Поэтому мне придётся приложить все силы, чтобы наверстать упущенное.

— Всё потому, что я утащил тебя к себе, — усмехнулся Герман. — Что же, возможно, твоё решение даже к лучшему. Может, именно тебя не хватало учёным Лоуренса, чтобы разработать лекарство от Чумы Зверя. Я помню, ты была очень талантливой студенткой.

— Никто уже не верит, что рыба кровь поможет? — помрачнела Мария.

— Почему? Просто её ещё нужно правильно использовать, — возразил старый охотник. — Мы слишком часто использовали кровь неправильно. И больше не можем позволить себе совершать ошибки.

Герман тревожно заглянул девушке в глаза.

— Ты же хочешь работать в лаборатории ещё и потому, что хочешь понять, что происходит с тобой? — шёпотом спросил он.

— Да. Я изменилась. Мой разум начинает сливаться с кровью, — подтвердила Мария, тоже понизив голос. — Чудовища — порождения крови. Возможно, я смогу помочь в поисках лекарства. Нами играют как в кукольном театре, Герман. Я не хочу больше быть куклой. Освободиться можно, только постигнув кровь, разгадав её тайный язык. Но у меня мало опыта. А у учёных Церкви нет должной восприимчивости. Я иду учиться, Герман.

— Помни, что ты всегда можешь обратиться ко мне, Мария, — произнёс охотник. — Всё, что будет в моих силах, я сделаю.

Отфильтрованная от паразитов, рыба кровь действительно защищала от Чумы Зверя до определённого предела в больших дозах. С другой стороны, занесённые из проклятой рыбацкой деревни паразиты стали ещё одной проблемой. Почти безобидные на первый взгляд, они медленно подтачивали умы и тела заражённых. К счастью, паразиты почти не передавались от человека к человеку, не считая принимавших рыбу кровь, и уничтожались доступными Церкви процедурами.

Как ни странно, паразиты действовали противоположно той крови, в которой изначально обитали: заразившиеся охотники быстро теряли власть над кровавой жадью. Твари удивительно быстро видоизменились, приспособившись к телам людей. Поговаривали, что паразиты распространяют скверну. Носители паразитов постоянно балансировали на грани кровавого безумия.

Мария невольно перенеслась мыслью на побережье Лунного озера. Исполинский труп Кос покачивался на мелководье. Воды, словно разгневанные убийством своей могучей обитательницы, бросались на берег всё яростнее. Вскоре волны вытолкнули Великую с мелководья на берег, что было на руку ярнамитам. Слово исчерпав свой гнев, озеро и ветер успокоились. Пришедшие учёные вскрыли тело и обнаружили, что в чреве Кос развивался ребёнок, поразительно похожий на человеческого. Кроме того, во внутренностях мёртвой Великой нашлось бесчисленное множество паразитов, подобных тем, что селились на спинах её последователей.

Вдали торчали гнилые мачты севших на мель кораблей. Местные воды отличались коварством: подводные скалы стали гибелью многих капитанов.

— Не трогайте труп голыми руками! — кричал врач из Бюргенверта. — Осторожнее!

Позже Великую буквально разобрали по частям. Особенную ценность представляли кровь, глаза и пуповина.

Поняв, что засыпает, Мария встряхнулась. Поставив бокал на столик, она встала на ноги и заглянула в лабораторный журнал. Аделине пора делать очередное вливание.

Выйдя из комнаты, бывшая охотница оказалась в огромном многоярусном зале. На всю длину стен шли балконы, уставленные шкафами с всевозможными медицинскими

приспособлениями. Мария как раз находилась на одном из таких балконов. Расположенные на них двери вели в многочисленные лаборатории, палаты и хранилища. Посреди зала поднималась ввысь огромная винтовая лестница. От неё к балконам протягивались ограждённые перилами переходы.

Из высоких окон наверху лился серый дневной свет. Кроме того, мрак рассеивали выполненные в форме змеиных голов светильники, сияющие ядовито-изумрудным светом. В великом множестве украшавшие винтовую лестницу, они предавали ей сходства с исполинским сказочным деревом с волшебными цветами.

Повсюду спешили люди. Санитары вели пациентов на процедуры. Облачённые в длинные белые одеяния учёные обсуждали результаты опытов. Охрана незаметно следила за порядком.

Спустившись на этаж ниже, Мария кивком поздоровалась с коллегой и зашла в палату. Помимо Аделины, в ней располагались двое пациентов. Здесь размещали тех подопытных, работа с которыми обещала дать самые ценные результаты.

Голова пациентки ужасающе раздулась, превратившись в пульсирующий ком мозговой ткани. Сердце Марии в очередной раз сжалось от жалости.

Что же мы творим друг с другом, подумала она. Проклятая Церковь, проклятая кровь, проклятая жизнь...

— Аделина, дорогая моя, пора на процедуру, — дрогнувшим голосом произнесла бывшая охотница, помогая пациентке пересест на кресло-каталку. — Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, леди Мария, — пробулькала искорёженная Кровавая Святая. — Но иногда я слышу странный звук. Он похож на капанье воды...

По телу Аделины пробежала судорога. Марии пришлось схватить женщину, чтобы та не упала и не повредила себя.

— Я пока привяжу тебя к креслу, ты не против? — спросила бывшая охотница.

— Привязывайте, — разрешила подопытная. — Я плохо управляю собой...

В дверь палаты заглянул тёмноволосый мужчина с надменным взглядом.

— Мария, вам требуется помощь? — спросил он.

— Да, Стефан, — ответила девушка. — Возьмите бинты и трубки для слива мозговой жидкости. И идите в процедурную.

Раньше смотрителем Астральной башни и прилегающей лаборатории работал ныне покойный Кронус. После раскрытия заговора из лаборатории выгнали многих людей, заподозренных в соучастии с убийцей и злоупотреблении своим положением.

Используя очищенную кровь Кос и рыболюдей, церковным учёным удалось добиться немалых успехов в возвышении человека.

Переливая людям обработанную кровь Кос, учёные наблюдали происходящие изменения. У реципиентов начинался бурный рост мозга, сопровождаемый размягчением черепных костей. Головы несчастных увеличивались, словно при водянке. Затем черепа теряли форму, и мозг прорастал наружу. Многие при этом сходили с ума, и учёным приходилось связывать подопытных. Отдельные пациенты рассказывали, что начинают слышать неопишуемые звуки. Считалось, что звуки своей природой подобны тем, что записаны рунами Кэрилла.

У одной из пациенток разрастание мозга зашло так далеко, что она превратилась в один комок пульсирующей плоти, лишённый конечностей.

Подопытными становились в основном добровольцы. Одним пообещали возвышение. Другие надеялись стать неуязвимыми для скверны Зверя и ради этого были готовы на всё. Аделина, первая Кровавая Святая, взрастившая в своём теле достойную кровь, смертельно боялась заражения и одной из первых согласилась на участие в экспериментах. Многие пациенты происходили из Старого Ярнама: чувствующие просыпающуюся чудовищность люди охотно отдавали себя воле церковных учёных.

Пациенты лаборатории любили Марию, всегда относившуюся к ним с чуткостью, сочувствием и заботой. Мало-помалу бывшей охотнице даже удалось повлиять на других работников. Если раньше санитары и врачи считали позволительным пренебрегать уважительным отношением к несчастным, то теперь всё больше и больше работников лаборатории следовали примеру Марии.

Порой действуя вопреки желаниям руководства, она старалась улучшить жизнь пациентов. По её мнению, каждый из них заслуживал человеческого отношения и уважения. Мария при каждой возможности общалась с обитателями палат, искренне беспокоилась об их нуждах и по мере возможности помогала. Выдержав тяжёлый спор с заведующим лабораторией, она добилась существенного расширения свободы пациентов. Теперь ходячие и находящиеся в здравом уме могли выходить из палат и гулять во дворе. Кроме того, Мария нашла возможность устраивать желавшим того пациентам встречи с родственниками, за что едва не лишилась должности. За девушку вступились коллеги и высокопоставленный адепт Церкви, обязанный Герману, а также сам старый охотник, сохранивший некоторое влияние на Лоуренса.

Родственники нередко теряли сознание или впадали в истерику при виде изменившегося облика близких. Пациенты же обычно радовались встрече и утешали своих родных тем, что уже никогда не превратятся в чудовищ и, возможно, скоро обретут сверхъестественные силы и исправят творящееся в городе зло. Тяжелее всего пришлось с братом Аделины: увидев сестру в таком состоянии, он попытался убить её и покончить с собой. Лишь чудом Мария успела отобрать у того пистолет.

Учёные обработали кровью Кос несколько недоношенных человеческих эмбрионов, взятых у женщин, что ранее употребляли наиболее действенные сорта церковной крови. Часть крохотных трупиков ожила и начала стремительно расти. Уже через два месяца в распоряжении церковников появились жуткие человекоподобные существа, обладавшие колоссальными сверхъестественными силами. К сожалению, эти создания оказались лишены разума. Использовать их силы во благо не представлялось возможным.

За прошедшие с нападения на деревню восемь месяцев жизнь города претерпела коренные изменения. Пользуясь поддержкой горожан, Церковь окончательно взяла власть в свои руки. Официально королева осталась главой государства, но Кейнхёрст потерял реальную власть. Лоуренс превратился в живую икону. В Ярнам пришла настоящая теократия. Охотники Церкви под предводительством Людвига установили жёсткую дисциплину среди горожан. Никто больше не имел права покинуть город без особого разрешения церковников. Почта подвергалась тщательной цензуре. Каждый житель города стал обязан еженедельно проходить медицинский осмотр, что оформили в виде религиозного ритуала. Всех заражённых Чумой Зверя, как действительных, так и потенциальных, безжалостно уничтожали. Кровь объявили божеством, нуждающемся в жертвах и поклонении. Голоса, вещающие о благе человечества и эволюции в высших существ, затихли. На каждом углу говорили о долге Ярнама перед Церковью Исцеления,

чистой и нечистой крови, о вере и служении. На площадях вопили фанатики. По ночам горожане просыпались от страха, услышав шаги под окном: церковники, сопровождаемые бойцами ополчения, забирали всех заподозренных в скверне.

Лишившиеся власти аристократы собрались вокруг королевы Аннализы. Тёмные ритуалы, совершаемые в древнем замке, превратили их в жаждущих крови убийц. Собираясь в вооружённые элегантными кровавыми клинками и мощным огнестрельным оружием банды, аристократы проникали в Ярнам под покровом ночи, минуя стражу. Их почти не интересовали простые люди. Их жертвами становились церковники, кровавые монахини и охотники Людвиг. Скрытое разложение, таящееся в церковной крови, питало их злобу и жажду. Королева с благодарностью принимала жертвы, лелея жуткий и противоестественный замысел.

Логариус стал вторым человеком в Церкви после Лоуренса. Его ненависть к Аннализе и её родственникам превратилась в настоящее помешательство. К счастью Марии, он не имел большого влияния на учёных Астральной башни.

Поток абитуриентов, желавших поступить в Бюргенверт, иссяк. Учёные и преподаватели перебрались в Церковь. В число немногих оставшихся входили Ром и Ян. Ректор университета, старый мастер Виллем, стал в Церкви нежелательной персоной по не вполне понятным Марии причинам. Герман долго пытался связаться с Виллемом, с которым был в своё время очень дружен, но погружённый в какие-то непонятные дела ректор стал равнодушен как к друзьям, так и к жизни своего университета.

Иногда Мария тайком выбиралась из города и навещала Ром. Девушка ужасалась происходящим с подругой: умная и любопытная учёная на глазах превращалась в сумасшедшую с бессвязными речами и пустым взглядом. Бывшая охотница подозревала, что тому виной опыт Виллема по возвышению человеческого разума, в котором участвовала Ром. Мария умоляла Ром покинуть Бюргенверт, но та наотрез отказывалась. Девушка стала подумывать о том, чтобы похитить подругу и тайком поселить её у себя.

Герман стал одним из подчинённых Людвиг, вынужденным беспрекословно выполнять его приказы. Охотники Мастерской неоднозначно восприняли перемены. Гисберт подал в отставку сразу после нападения на деревню, почти одновременно с Марией. По личным причинам задержавшись в городе, он застал введение запрета на выезд. Застрелив двух ополченцев, пытавшихся его задержать, он сбежал из города вместе с девушкой из городских низов. За недавним охотником послали погоню, но влюблённые успели выбраться за пределы Ярнамского королевства, и церковники остались с пустыми руками.

Охотники из Мастерской Ото, прозванные «пороховыми бочонками» за страсть к взрывам и огню, отказались подчиняться Церкви и призвали жителей Старого Ярнама к бунту против Лоуренса. За это Церковь Исцеления объявила их еретиками. Вскоре мятежные охотники погибли от рук церковников.

Доходы Церкви заметно упали. Теперь в Ярнам приезжали лечиться лишь самые отчаянные. Доказательства ужасных превращений всколыхнули весь цивилизованный мир. Чудовища воспринимались чем-то настолько невероятным и противным привычной картине мира большинства людей, что миллионы просто отказывались верить в реальность происходящего. Сотни учёных из разных стран пытались доказать, что никаких обращений нет, а ужасные звероподобные тела — умело выполненные подделки. Но факты говорили сами за себя. Исцелённые в Ярнаме люди превращались в кровожадных тварей. Иногда это происходило в рабочих общежитиях, в казармах и других местах, где свидетелями

становились десятки людей. Мир объял ужас и непонимание. Кошмар, пришедший из мифов тёмной древности человечества, разбил хрупкую веру человечества в собственные силы и разум, что впоследствии принесло неисчислимые беды.

Мария испытывала глубокую скорбь по поводу перемен в жизни города. Она редко покидала лабораторию, работая до изнеможения и часто оставаясь на ночь. Жила девушка в маленькой квартирке, снимаемой на окраине Соборного округа. На улицу она старалась выходить как можно реже. С Эриком и другими обитателями Кейнхёрста она не виделась уже целую вечность.

Иногда к ней приходил Герман. Сидя за чаем, они вспоминали прошлое и беседовали на отвлечённые темы. Ни он, ни она не хотели обсуждать настоящее и будущее, ища спасение от ужасной действительности в этих разговорах.

Друзья Анны, участвовавшие в давней беседе в кабинете погибшей хористки, по мере сил помогали поискам лекарства и защищали Марию от враждебности Логариуса.

Как-то раз, просматривая записи о старых ритуалах, проводившихся вскоре после основания Церкви, Мария наткнулась на одну на первый взгляд непримечательную запись. Эти бумаги лежали никому не нужные в архиве лаборатории, но их содержание добавило последний фрагмент мозаики.

* * *

— Я ничего не вижу! — истошно кричал привязанный к кровати мужчина с затынутыми серыми бельмами глазами и уродливыми выростами на лысой голове. — Я не соглашался на такое! Во что вы хотите превратить меня, палачи?!

— Если вы не прекратите истерику, я решу, что вы бесповоротно лишились рассудка, — рявкнул Стефан, один из врачей лаборатории. — В таком случае вы навсегда останетесь под опекой Церкви Исцеления.

— Мне не нужна ваша опека! — орал пациент, бешено вращая невидящими глазами. — Вы обезобразили и ослепили меня!

— Значит, вы безумны, — зло процедил врач и почувствовал, как кто-то резко дёрнул его за руку.

— Мария? — произнёс он, скрывая раздражение.

В нижней палате появились новые пациенты. Среди них присутствовали попавшие в лабораторию не по доброй воле. Всем им уже успели сделать несколько вливаний. Узнав об этом, Мария решила немедленно разобраться в ситуации.

— Стефан, — сухо бросила девушка, увлекая врача за дверь палаты. — Вы знаете, что пятеро ваших подопечных здесь по принуждению?

— Того требует святое дело Церкви, — глумливо ухмыльнулся он.

— Бесплезно взывать к вашей совести и человечности: у вас их нет, — прошипела Мария. — Но давайте подумаем вот о чём. Мы связываем подопытных с высшими реальностями, полных сил опасных и невообразимо могущественных. Если они будут вас ненавидеть и пребывать в отчаянии, вряд ли они упустят возможности уничтожить нас всех, пусть даже ценой своих жизней.

— Лаборатория защищена, — самоуверенно ответил Стефан. — Не придумывайте глупости. Сюда не вторгнется ничего постороннего.

— Защищена?! — неожиданно повысила голос обычно носящая маску ледяного спокойствия девушка. — Смотри!

Достав из кармана пузырёк с целебной кровью, Мария выдернула пробку и обмакнула палец в жидкости. На пальце появился жуткий коготь тёмно-красного цвета с ладонь длиной. По поверхности когтя бежало призрачное пламя. Стефан в ужасе отпрянул, чувствуя, как его собственная кровь начинает обжигать сосуды и сдавливать мозг.

Коготь исчез. Мария небрежно встряхнула рукой.

— Я разужунаю, почему эти люди здесь, — уже спокойно продолжила она. — А сейчас мы пойдём к несчастным и ты, глупец, попросишь у них прощения. Иначе однажды они не пощадят тебя.

Прорывав нечто нечленораздельное, Стефан развернулся и пошёл в противоположном направлении.

— Ты здесь только благодаря чужому покровительству, — плюнул врач. — Твоё место — на одной из коек! Ты давно не человек!

— Не тебе решать, где моё место и кто я, — окинув Стефана презрительным взглядом, ответила девушка.

* * *

На следующий день бывшая охотница получила приглашение на самый верх — на разговор с главой Церкви Исцеления. Нельзя сказать, что Мария не ожидала такого развития событий.

Миновав секретаря и охрану, девушка вошла в длинный, уставленный книжными шкапами кабинет с видом на Соборный округ. Хозяин кабинета коротко кивнул ей и указал на стул напротив своего похожего на трон кресла. Манерой держаться могущественный викарий напоминал самодержавных властителей-деспотов из далёкого прошлого, без колебаний отправлявших на смерть десятки тысяч воинов и рабов. Несмотря на всё величие, в этой манере сквозило что-то бесконечно жалкое. В левой руке Лоуренса блестел золотой кулон.

— Здравствуй, Мария Браге, — сухо поздоровался глава Церкви. — Скажу сразу: мне нет дела до твоих сумасбродств вокруг содержания подопытных. Если считаешь, что их надо лучше кормить и вовремя выгуливать — корми и выгуливай, пока это не создаёт проблем. К тому же, за тебя просил Герман. Меня необычайно заинтересовало то, что ты показала своему коллеге Стефану.

— Мастер Лоуренс, — вежливо склонила голову девушка. — Я покажу вам этот невинный трюк, но при одном условии.

— Надо же! — восхитившись наглостью собеседницы, всплеснул руками Лоуренс. — Простая работница одной из лабораторий, отпрыск опального рода, ставит условия главе Церкви! И каковы же условия?

— Я лишь прошу внимательно выслушать меня и обдумать мои слова, — хладнокровно ответила Мария. — Ничего более.

— Я ожидал чего-то подобного, — хмыкнул церковник. — Согласен. Но сначала твоя часть сделки.

Достав пузырёк с кровью, девушка повторила совершённые при Стефане действия.

Только вместо когтя выросла целая шипастая ветка из горящей крови.

— Поразительно! — не на шутку удивился Лоуренс. — Я не понимаю, что это такое, и очень надеюсь узнать это от тебя.

— Вы были правы, когда учили, что используя кровь можно получить силу, подобную силам Великих, — сказала Мария, стряхивая зловещую ветку. — Если в Бюргенверте пытаются соединить разум с глазами, то я нашла способ соединить разум с кровью, поначалу сама того не ведая. С самой сутью любой жизни.

— Я немедленно назначу к тебе тех, кто сможет помочь, — церковник даже привстал от волнения, пожирая девушку горящими от энтузиазма глазами. — Это то, что я искал все эти годы!

— Вы выслушаете меня? — тихо спросила Мария.

— Разумеется, — подтвердил Лоуренс, лихорадочно размышляя об увиденном.

— Вы помните, как говорили о благе человечества? Наши — главным образом ваши — действия угрожают его погубить. Вы мечтали о процветании Ярнама, но превратили его в тюрьму-монастырь. Вы говорили о разуме, но проповедуете слепую веру и поклонение крови. Исцелённые Церковью обращаются в зверей по всему миру. Когда взойдёт Красная Луна, у Ярнама не будет шансов. Вы же помните, как призвали погибель Птумеру? — бледная и злая, бывшая охотница отбросила такт. — Тот, о ком я говорю, жаждет крови, и охотники его кормильцы. Мы думали, что противостояим угрозе, но на самом деле лишь часть механизма. Чем больше исцелённых, тем больше чудовищ. Чем больше чудовищ, тем больше охот. Чем больше охот, тем больше требуется охотников. Охотники пьют кровь, отдавая её жестокому Великому, увеличивая его силу. Чем больше мы убьём чудовищ, тем больше исцелённых пополнят их ряды.

— Что нужно делать, по-твоему? — устало вытер лоб церковник. — В Ярнаме почти все хотя бы раз принимали кровь. Если считать всех, кто использовал наши лекарства, включая паломников и пользовавшихся услугами представительств Церкви в других странах, то обречены миллионы!

— Свернуть деятельность Церкви. Навсегда. Больше не использовать охотников.

— Я не буду этого делать, — после длинной паузы бросил мужчина, криво усмехаясь. — Это и невозможно. Ты ошибаешься, всё ещё надеясь на возвращение жизни в привычное русло, пусть даже и ценой огромных жертв. С Чумой Зверя бороться бессмысленно. Она одолела птумериан, не справится и нам. Она поразит всех. Я знаю существо, что ты упоминаешь, и даже разговаривал с ним. На крови тысяч и миллионов возвысятся избранные. Мы должны научиться жить в грядущем кошмаре и использовать его, чтобы подняться. Ты когда-нибудь слышала о паразитических осах? Они откладывают яйца в гусениц, дабы продолжить свой род. Молодые осы прогрызают путь на волю, убивая свою носительницу. В своём стремлении к росту они порой даже пожирают своих братьев и сестёр, сражаясь за жизнь внутри несчастной гусеницы. Но я о другом. Человечество — лишь гусеница для существ, что должны выйти из его растерзанного тела. Этими существами будем мы после перерождения. Оно свершится, когда всё утонет в крови. Такова воля тех Великих, что правят нашим миром.

— Ты безумен, Лоуренс, — чувствуя, как по лицу катятся слёзы, зашептала девушка, забыв о чинах и званиях. — Пусть нас уже не спасти. Но почему ты хочешь уничтожить человечество? Разве тебе не жаль людей? Ты — чудовище. Ты — самое настоящее чудовище.

— Не смотри на меня так, Мария, — снова всплеснул руками Лоуренс. — С самого

начала мы принимали решения, сомнительные с точки зрения современной морали. Но многие из них обернулись во благо. Опыты над сиротами? Ужасно. Но эти дети выросли и пополнили Хор. Почти все его молодые адепты — бывшие воспитанники нашего приюта.

— Убивать миллионы ради сомнительного блага единиц — чудовищное преступление! — возразила она. — Что может быть безнравственнее?

— Нравственно, не нравственно... Что есть нравственность? — вскинулся глава Церкви. — Нравственность — это инстинкт, защищающий вид от произвола воли отдельной особи. Но инстинкты слепы. В цивилизованном обществе не принято безоглядно потакать им. Мы подавляем естественное побуждение к размножению, когда не бросаемся на первую же понравившуюся особь противоположного пола. Мы делаем это, исходя из повеления разума. Так почему мы не можем отринуть нравственный инстинкт, если разум требует поступать вопреки ему?

— Разум? Где ты здесь видишь разум?! Это настоящее сумасшествие! — продолжила бесполезный спор учёная из Астральной башни. — До начала повального использования Древней крови люди могли быть более-менее уверены в будущем. Да, не существовало лекарства от всех болезней и старости, но медицина развивалась. У людей было будущее. Ты хочешь уничтожить это будущее.

— Когда-то я думал, что смысл жизни в том, чтобы стать «настоящим человеком». Чтобы творить «добро». Суть такой философии оставалась скрыта. Но то, что я видел... то, что видели мы все... показало мне, что добро лишь самообман. Добра и зла нет, дорогая моя. Есть лишь Истина и заблуждения. И Истина предельно близка к тому, что заблуждающиеся склонны называть абсолютным злом. «Добро» есть порождение нашей слабости, нашего страха увидеть себя настоящих. Кровь освобождает от миражей, — отвернулся Лоуренс. — Глуп тот, кто противится естественному положению вещей. Глупо жалеть гусеницу. Её предназначение — дать жизнь созданиям более высокого уровня.

— Воля ваша, мастер Лоуренс, — небрежно поклонившись, ответила девушка.

Будь проклят тот день, когда открыли лабиринты. Будь проклято неуёмное человеческое любопытство, не отягощённое ответственностью, мысленно кричала она. За все прошедшие в Ярнаме годы Мария как никто узнала силу любопытства, жажды крови, жажды величия и безответственности. Только смерть исцелит всех их, горько думала она. Но, похоже, покоя не обрести и после последнего вздоха. Разум опоен кровью, кровь есть Идон, Идон вечен.

Она будет сопротивляться до последнего.

* * *

Не замечая ничего вокруг, девушка брела по вечерней улице Соборного округа. Хотелось убивать предавших человечество церковников. Но это бессмысленно и вредно — сделанного ими не обратишь, а каждое совершённое охотником убийство питает Бледную Луну.

— Мария! — окликнул поджидавший её у дома Ян Горак. — Ром в опасности! Виллем собрался провести с ней очень опасный ритуал! Он собирается внедрить в её голову глаза убитой Великой! Я пытался остановить их, но меня едва не убили. Мне больше не к кому обратиться.

— Держи мой пистолет, — безжизненно произнесла девушка.

— А как же ты?

— Я иду с тобой. Постараемся обойтись без кровопролития.

Жестокий опыт

Хотя уже больше двух месяцев стояло лето, окружающий ландшафт казался пустынным и безжизненным. Скукоженные листья больных деревьев из последних сил пытались впитать скудный свет, просачивающийся сквозь полог низких свинцовых туч. Безмолвный лес страдальчески трещал сухими ветвями. Ни пения птиц, ни других живых звуков. Лишь шуршание скользких змеиных тел в высокой траве.

Порой Марии чудилось, что небеса затянуты не свинцом, а кровью. Кровью, сквозь которую просвечивают колючие синие звёзды. Но пока ей удавалось отгонять наваждение.

Лошадь недовольно фыркала. Мария тщетно пыталась успокоить скакуна: ездовые животные боялись змей. Тяжелее всего приходилось там, где дорога сужалась и заросли травы почти смыкались. В таких местах Яну или Марии приходилось вести лошадь за поводья. Но животное могло оказаться незаменимым в том случае, если Ром будет в настолько плохом состоянии, что не сможет идти.

Лошадь из конюшни Бюргенверта, низкорослая кобыла серой масти, измученное и нервное создание, жалобно ржало.

— Что с природой, Мария? — горько воскликнул Ян. — Почему лес увядает? С каждым годом урожай всё хуже, деревья умирают, цветы не распускаются. Птиц совсем не осталось, вороны и те вымирают.

Девушка закусила губу и промолчала.

— Что мы сотворили, Мария? — побледнев, спросил он.

— Я не знаю, почему лес умирает, друг мой, — покачала она головой. — Я начала понимать, почему люди становятся зверями и почему Лоуренс не желает остановить кошмар. Но что за зло убивает природу, я не знаю. Не думаю, что тут виновата копоть от города. В самой сути призванных Церковью сил есть нечто пагубное, разлагающее.

— Мария, может быть, стоит порвать со всем этим? — неестественно беззаботно предложил учёный. — Вытащим Ром, возьмём запас еды и воды на несколько дней — и уезжаем так далеко, как сможем! Поедем в обход основных дорог. Нас не поймают.

— Давай, Ян. Ты прав. Боюсь, что от общего рока не скрыться — но так вы самое меньшее выиграете время для себя, — поддержала его бывшая охотница.

— Почему «вы»? — недовольно нахмурился Ян. — Ты должна уйти с нами. Я не хочу, чтобы ты умерла в этом проклятом городе.

— Здесь ещё есть люди, которым я нужна, — Мария поправила треуголку. — И нужно разобраться в некоторых вещах.

— Одумайся! — горячо произнёс учёный, отодвигая ногой упавшую на дорогу ветку. — Если останешься, пропадёшь! Ярнам можно было спасти, но Церковь делает всё для его гибели. Мы должны спасти себя. Спасайся кто может — вот девиз наших дней. Наши знания могут понадобиться людям — если зараза пойдёт дальше.

Бывшая охотница не хотела рассказывать Яну о разговоре с Лоуренсом и о собственных выводах. Её друг ещё не оставил надежды на спасение себя и тех, кто ему дорог. Рассказ может лишить его последнего упования.

— Ян, ответь мне на один вопрос, — девушка коснулась плеча учёного. — Ты принимал церковную кровь?

— Я принимал изготовленные в Бюргенверте препараты, — ответил он. — У нас не

любят что-либо церковное. Но сейчас трудно сказать. Вполне возможно. Хотя бы раз — вероятно.

Пусть окажется так, чтобы Ян никогда её не принимал и права была она, а не Лоуренс, мысленно просила Мария неизвестно у кого. Никто не откликнется. Никто не поможет, знала она.

Наконец, лесная дорога резко повернула и вышла к Бюргенверту. Старый университет стоял печальный и обезлюдевший. Ни весёлой болтовни оставшихся на летнюю практику студентов, ни степенных речей преподавателей.

Время шло к вечеру. Облака разошлись, обнажив восходящую луну. Лучи заходящего солнца подсвечивали золотом клубящиеся на западе облака.

У ворот друзей встретил привратник. Облачённый в балахон мужчина с ружьём отпер ворота и привязал лошадь к фонарю, объяснив это тем, что не хочет открывать конюшню ради посетителей, что собираются вскоре уехать.

Несмотря на спешку, Мария заметила неподалеку от ворот телегу с гробом.

На бегу Ян вкратце рассказал печальную историю. Габриэль Вебер, занимавшийся классификацией кровавых самоцветов, скончался от остановки сердца в своём кабинете. Но из-за творящейся в университете неразберихи труп обнаружили лишь тогда, когда тело старика начало гнить.

На первом этаже лабораторного корпуса явственно пахло мертвечиной. Из-за этого ныне немногочисленные студенты и преподаватели старались проводить больше времени во дворе.

В лаборатории, где ещё недавно работала Ром, хозяйки не оказалось. Только неказистый мужичок в форме лаборанта бродил вокруг стола. Увидев гостей, он попятился и побледнел.

— Где Ром? — скупое и сурово потребовала ответа Мария, сразу догадавшись о причине его испуга.

— Мастер Виллем велел, — мужичок вытер вспотевшие ладони о брюки и сглотнул. — Велел не пускать...

— Где Ром? — повторила девушка, чувствуя, как гнев завладевает разумом. Как же она ненавидела в тот момент старый университет!

— Пошли в учебную операционную, — коротко бросил Ян. — Если её нет в собственной лаборатории, значит, бедняжку уже готовят к этому поганому делу.

Ян оказался прав. Дверь в операционную сторожили двое рослых студентов.

— Уходите, здесь идёт важнейший опыт, — выпятив нижнюю челюсть, сказал правый.

Ян удивил. Обычно миролюбивый и выдержанный, учёный выхватил пистолет и нацелил его на студентов.

— С дороги, оба. Иначе убью обоих, — процедил он.

Не на шутку испугавшись, студенты расступились. Заглянув им в глаза, Мария поняла: это не те противники, которых стоит опасаться. Они слишком боятся смерти, чтобы рискнуть жизнью в таком положении.

— Убирайтесь вон, — повелела девушка. Студенты охотно повиновались.

С замиранием сердца Мария подёрнула ручку двери. Заперто. Мысленно прокляла мастера Виллема, бывшая охотница со всей силы ударила ногой по замку. С оглушительным треском дверь распахнулась, открыв глазам друзей ужасающую картину.

Ром лежала без сознания, привязанная к операционному столу. Девушке выбрили голову и сделали в черепе множество отверстий, куда поместили склизкие чёрные шарики. В вену

вонзалась игла, трубка от которой шла к флакону с иссиня-чёрной жидкостью. Вокруг стола стояли трое человек. Двое незнакомых Марии врачей и ученица Ром, Юри. Мастер Виллем расположился в кресле в углу операционной. Глаза учёного скрывала плотная повязка, а из горбатой спины торчали странные светящиеся отростки.

— Отошли от неё! Живо! — заорал Ян и наставил пистолет на мучителей Ром.

— Она хотела стать Великой, — презрительно сощутив по-восточному узкие глаза, презрительно выплюнула Юри. — Опустит пистолетик, дурачок.

— Она не знала, на что идёт! — Учёный заметил, как один из подручных Виллема потянулся к дверце шкафа. — Стой, убью!

Врач распахнул дверцу и вынул зловещего вида клинок, выточенный из кости. Лезвие покрывал засохший ликвор гнилого зелёного цвета.

Ян нажал на спусковой крючок. Труп подручного Виллема повалился на пол. В закрытом помещении выстрел прозвучал оглушительно. Схватив с полки бутылку с обеззараживающим раствором, Мария ударила второго врача по голове.

Но Юри с поразительной быстротой схватила выпавший из мёртвой руки костяной кинжал и полоснула Яна по лицу, оставив на щеке длинный глубокий порез. Учёный выстрелил снова. Пуля попала Юри в грудь. Скрючившись от боли, девушка завалилась назад и затихла.

Освободив Ром от пут и капельницы, Мария и Ян взяли несчастную на руки. Девушка также заткнула за пояс костяной клинок.

Виллем, по-прежнему неподвижно сидевший в кресле, издал неопределённое мычание. Но друзьям сейчас не было дела до ректора.

Мария поняла, что Юри жива, несмотря на рану.

— Несём Ром в лабораторию! — поторопил Ян. — Завалим дверь и удалим то, что в неё внедрили!

— Там нет инструментов! — возразила девушка. — Вынесем всех этих и будем работать здесь! Дверь задвинем шкафом.

Бывшей охотнице очень не нравилась царапина на щеке храброго учёного. В порезе остались кусочки мерзкой субстанции с зловещего костяного кинжала. Ян торопливо протёр щеку куском бинта, размазав зелёную пакость.

Положив несчастную обратно и торопливо вытащив в коридор соучастников Виллема, друзья совершенно бесцеремонно взяли сумасшедшего ректора под руки и оттащили в угол операционной, наскоро связав того бинтами. Виллем мог пригодиться, так как именно он придумал ужасную операцию. Ян морщился от отвращения, видя вблизи светящиеся выросты на спине бывшего руководителя и вдохновителя.

Совершенно неожиданно Ром приподнялась на столе и открыла свои естественные глаза. Поднявшиеся веки открыли непроницаемую черноту, что темнее космической бездны. Внедрённые в голову глаза тоже зашевелились, бессмысленно и безумно шаря по сторонам.

— Аааах, — прошелестела Ром. — Кос, Косм... твой глаза... я вижу океан, бессолнечные пучины...

— Ром, это я, Ян! — крикнул учёный, потеряв самообладание от чувства собственного бессилия. — Мы поможем тебе!

— Я... буду одной из Них, как и хотела. Я засомневалась, меня заставили. Правильно, — на мгновение на лице изуродованной девушки появилось осмысленное выражение. — Вопли и вихри. Ты знаешь, как поют тёмные звёзды? Древняя кровь.

Слышишь? Обратная сторона отражения, бледная луна, я буду держаться до последнего. Ты согласна?

Ян подбежал к жертве опыта и взял её за руку, умоляюще глядя в затянутые тьмой глаза.

— Ром! Вернись ко мне! — отчаянно просил он.

— Мне пора. Тебе тоже... скоро, — резко произнесла Ром, повернувшись к бывшей охотнице.

В хриплом голосе учёной слышались жужжание мух, шёпот вод и вой ночного ветра.

— Не паук. Гусеница, — внезапно подал голос Виллем. — Когда взойдёт красная луна, гусеница обратит время вспять. Серебряная гусеница озера.^[20]

Полумрак разорвала ослепительная вспышка. Раздался треск и хруст. Ян упал, зажимая голову руками. Мария испуганно отскочила назад, снеся столик с хирургическими инструментами.

Неуклюже поднявшись на ноги, Ром заковыляла к двери, перешагнув через обломки шкафа. Не сумев встать, Ян пополз за ней на четвереньках.

На Марию накатила дурнота.

— Новое рождение. Из крови, — услышала она бесплотный голос в своей голове.

Сердце билось, как бешеное. Кровь пыталась разорвать вены и сжечь тело. Комната потонула в кровавой дымке. Упав на колени, Мария пыталась прийти в себя и отдышаться, но жгучая боль терзала каждый клочок тела, сбивая мысли и смущая волю. Ужас от понимания смысла сказанного Ром сокрушал дух.

* * *

Собрав себя с пола, Ян побежал за неторопливо бредущей по коридору Ром. Или ему казалось, что побежал, потому что догнать еле плетущуюся девушку он не мог. В глазах двоилось. Порезанная щека онемела. Ставшие непослушными ноги подгибались и предательски дрожали.

Коридор с рядами одинаковых дверей. Сжавшиеся в уголке студенты, ещё недавно скрутившие несчастную Ром. Холл.

— Ром!!! — заорал Ян, вываливаясь на улицу. — Ром!!!

Последний луч заходящего солнца блеснул в облаках прощальным салютом и погас. Похолодало. Не обращая внимания на окрики Яна, Ром добралась до обсерватории. Шатаясь, учёный ковылял за девушкой, с трудом разбирая дорогу.

Первый этаж обсерватории, давно служивший библиотекой. Лестница. Ян упал, споткнувшись о ступень, и пополз вверх. Открытая дверь. Ведущий в никуда мост, обрывающийся над кромкой воды.

У Бюргенверта глубина озера нарастает очень быстро, вспомнил Ян. Дно проваливается, словно сорвавшийся в пропасть экипаж.

Силуэт Ром белел на фоне вечернего неба. Над головой девушки подобно нимбу светила луна. Ян из последних сил бросился к Ром, чудом умудрившись подняться на ноги. Покачнувшись, учёная рухнула вниз, в ледяную воду. Но всплеска охваченный горем и ужасом мужчина не услышал. Повалившись на край ведущего в никуда моста, он посмотрел вниз, на серебристое лунное отражение, искажаемое легкой рябью.

— Ром, нет, — опустошённо пробормотал Ян, надеясь увидеть внизу хотя бы круги от

лопающихся пузырей воздуха, выходящих из лёгких. Но вода ничем не выдала тайны. Ром исчезла бесследно, будто растворившись в мертвенном лунном свете.

Перевалившись на спину, мужчина закрыл лицо руками и заплакал.

— Ты не утонула, моя милая Ром, я знаю, — прошептал он. — Ты теперь там, за отражением.

С набережной доносились взволнованные голоса и какой-то шум, но Яну было всё равно.

— Может быть, так тебе будет лучше, — пробормотал он. — Не забывай меня...

Очнулся учёный от осторожного прикосновения. Открыв глаза, Ян увидел Марию. Столкнувшись с её взглядом, он невольно вздрогнул.

— Где Ром? — беззвучно спросила Мария. — Она ушла?

Ян молча кивнул. Его мутило. Сев на давно не чиненую плитку, девушка обессиленно прислонилась к перилам спиной. Все её начинания завершаются неудачей, тяжело подумала она.

— Ром поняла, что возвышение будет стоить ей разума и человечности. И попыталась сбежать, — безжизненно произнёс Ян. — Эти изверги поймали её и затащили в операционную. Наверное, это всё же лучше смерти. Хотя скоро от прежней Ром не останется ничего.

Яна вырвало. Громко сипя, он сел.

— Она сама сказала, что ошибалась, — простонал учёный. — Что это нечестивое возвышение. Что в нём нет ровным счётом ничего хорошего...

— Ты отравлен! — ужаснулась Мария. — Костяной кинжал!

Схватив Яна, бывшая охотница потащила беднягу в здание. Требовалось как можно быстрее нейтрализовать яд, но Мария не знала, чем друг отравлен и где найти противоядие.

— В лабораторном корпусе, направо от комнаты Ром, хранятся кое-какие лекарства. И лечебная кровь, — еле слышно ответил Ян. — Дотащишь?

* * *

Мария так и не поняла, какая отравка попала в тело друга. Рядом не нашлось никого, кто мог бы помочь. Давать противоядие наугад — значит погубить ещё вернее. Оставалось только промыть порез и давать вдоволь пить. Использовать лечебную кровь девушка не хотела — даже при самом лучшем раскладе применить её значило обречь друга на ужасное обращение в будущем.

Освещённая единственной свечой, комната напоминала склеп. Охваченная страхом за друга, Мария никак не могла разобраться в скопище колбочек и пузырьков, стоявших в огромных шкафах. Потеря Ром, ранение Яна — девушка никак не могла взять себя в руки.

— Мария, — лепетал Ян, дрожа и обливаясь потом. — Не уходи, пожалуйста...

— Не уйду, Ян, — успокаивала бывшая охотница, лихорадочно пытаясь придумать способ помочь другу.

В запертую дверь аккуратно постучались. Обернувшись, Мария заметила за стеклом высокий силуэт. Она сразу узнала пришедшего.

— Эрик, что ты здесь делаешь? — спросила девушка через дверь.

— Мария! Открой, нам нужно поговорить! — донёсся голос аристократа. — Я хочу

помочь тебе!

— Я верю тебе, но я чувствую, что ты не один, — закрыв глаза, Мария прислушалась к сверхъестественному чутью. В коридоре горело пять огоньков человеческих жизней.

— Это мои друзья! Они и твои друзья тоже! — ответил мужчина.

— Я тебя впущу, но не твоих, — девушка подчеркнула последнее слово, — друзей. Пусть они остаются там, где стоят.

Эрик отдал несколько коротких команд. Мария открыла дверь, впуская аристократа.

— Что с ним? — Эрик кивнул на Яна.

— Ранили этим кинжалом, — Мария продемонстрировала ему зловещий костяной кинжал.

— Такие использовали наши птумерианские предки для жертвоприношений, — мужчина с интересом осмотрел клинок. — Находка расхитителей гробниц, не так ли? Яд поражает мозг, но не смертелен в большинстве случаев.

Аристократ оглядел дальнюю родственницу с ног до головы и удивлённо поднял брови.

— Где твой Ракуйо? — спросил он. — Тебе он очень нравился. Никто не хотел брать этот клинок, так как он не пил кровь. А ты взяла. Где Ракуйо?

— Это длинная история, и сейчас не время её рассказывать, — Мария почувствовала раздражение. — Ты можешь помочь Яну?

— Используй целебную церковную кровь! — ещё больше удивился Эрик и, усмехнувшись, добавил: — Если ты не можешь найти её, то посмотри в шкафу у стены. Пузырьки с красной жидкостью. Шприц на столе. В чём проблемы?

— Боюсь, что все, кто использовал целебную кровь, обречены стать чудовищами, — покачала головой Мария. — В нашем случае всё не намного лучше.

— С чего ты взяла? — возмутился Эрик.

— Я всё расскажу, но потом, — ушла от ответа девушка. — Можно ли помочь Яну без крови?

— Тогда здесь тебе никто не поможет. Ты же знаешь, что все серьёзные болезни и отравления лечат препаратами святой крови, — бесстрастно ответил аристократ. — Королева Аннализа овладела силами, выходящими за пределы моего понимания. Возможно, она сможет помочь.

— Ты пришёл сюда за мной? Чтобы отвести к королеве? — мрачно улыбнулась Мария. — Я сразу это поняла. Вы следили за Яном, и как только он помчался в Ярнам за помощью, наблюдатель отправился в Кейнхёрст! За кем ещё мог пойти Ян? Только за Марией, что уже столько месяцев прячется в Церкви Исцеления!

— Я знал, что ты умная, — удовлетворённо согласился Эрик. — Авантюра Виллема сыграла нам на руку. Интересно, что стало с Ром? Так или иначе, королева хочет тебя видеть.

— Раньше ты не являлся слепым орудием в руках королевы, — выдохнула девушка. — Ставил нашу дружбу выше воли капризной Аннализы.

— Я ценю нашу дружбу и надеюсь, что она сохранится, — Эрик развёл руками. — Но твоё встреча с Её Величеством нужна всем нам. Не поверю, что ты всецело предана лживой Церкви Лоуренса.

— Аннализа давно наблюдает за моими злоключениями, — продолжила Мария. — Она хочет взрастить во мне сильную кровь? Ведя меня к ней, ты должен понимать, что поступаешь со мной примерно так же, как подручные Виллема поступили с Ром. Что если

королева запрет меня в замке и постепенно высушит?

— Откажешься идти со мной, не поможешь Яну. И я не уверен, что смогу сдержать своих спутников. Они считают тебя предательницей, — помрачнел аристократ. — Они доставят тебя к королеве живой или мёртвой. Или умрут сами.

— Поклянись, что не позволишь королеве держать меня в замке или где-либо ещё против моей воли, — жёстко отчеканила Мария. — Что не дашь поступить так же с Яном против моей воли.

— Просто так ты не веришь мне? — немного удивлённо спросил Эрик.

— Нет, Эрик, — усмехнулась девушка. — Ты сам назвал меня умной.

— Не боишься, что я нарушу слово?

— Боюсь, но знаю тебя достаточно хорошо, — Мария сделала шаг в сторону потерявшего сознание Яна. — Клянись.

— Клянусь, — склонил голову Эрик. — Ты разрешишь моим людям нести своего друга?

* * *

Старый замок встретил Марию настороженным молчанием. Людей в Кейнхёрсте поубавилось: одни перебрались в город, другие вовсе бежали из страны. Обслуживать замок целиком стало невозможно и не нужно: оставшиеся жильцы и прислуга собрались в центральной части Кейнхёрста. Опустевший замок уже не смог бы защитить себя в случае крупного нападения церковников, но пока что судьба хранила обитель правящей династии.

Огромные ворота с грохотом поползли вверх, пропуская прибывших во внутренний двор. Пройдя по дорожке, окружённой великим множеством скульптур, Мария в сопровождении Эрика и нескольких рыцарей встретилась с ожидавшими их королевскими лакеями.

Ян пришёл в себя ещё в пути. Доза яда оказалась меньше, чем боялась Мария. Однако учёный чувствовал себя совершенно разбитым и, вдобавок, совершенно не помнил события последних часов. Пока бывшая охотница не стала рассказывать ему о произошедшем с Ром, хотя Ян, пересилив апатию и дурноту, несколько раз спрашивал о ней.

Мария и сама уже не понимала, зачем согласилась на приглашение Эрика. Ян пришёл в себя, и посторонняя помощь им более не требовалась. От Эрика и спутников можно было попробовать как-то отвязаться...

Королевская башня всё так же вздымалась к небесам острым клыком. Аннализа по-прежнему жила за тёмными стенами замка. Но Мария понимала, что Церковь Исцеления не будет вечно терпеть соперничество. Ходили слухи, что Логариус собирается в скором времени решить проблему раз и навсегда.

Пройдя по десятку переходов, лестниц и галерей, они оказались в королевской башне. Взойдя по монументальной лестнице, Мария, Эрик и двое королевских советников вступили в тронный зал. Прочие остались внизу.

По обе стороны зал наполняли изваяния когда-то живших здесь людей. Марии никогда не нравилось нездоровое пристрастие хозяйки замка к таким излишествам. Запечатление прошлого — дело благородное, но во всём должна сохраняться мера. Нагромождения полуобнажённых мраморных тел, встречающиеся в Кейнхёрсте на каждом углу, отражали болезненную тягу Аннализы к прославлению своей родовитости, а также её одержимость

тайнами плоти.

Эрик склонился в поклоне.

Королева, облачённая в бурое платье с короткими рукавами, восседала на своём троне. Второй трон рядом с ней пустовал — Аннализа так и не обзавелась супругом. Тёмно-красные, лишённые зрачков, подобные двум каплям крови глаза королевы буравили бывшую охотницу. Мария почувствовала укол страха.

— Поклонись Её Величеству, — прошептали сзади.

Марии не хотелось склоняться перед сидящей на троне самодуршей. Почему она должна кому-то кланяться? Девушка ни от кого не желала поклонов себе, и поэтому считала себя вправе не кланяться самой. Но раздражать королеву в сложившемся положении не хотелось ещё больше.

— Мария Браге, дерзкая и отважная, всё-таки пришла ко мне, — промолвила Аннализа. — Не хочешь ли ты большего, чем копаться в лабораторных журналах?

— Ваше Величество, я не в силах ответить на ваш вопрос, — сказала Мария.

— Полно, Мария, — скривилась страшная королева. — Всё прошло именно так, как я желала. Ты убила Великую. Ты не касалась её крови губами, но клинок сделал своё дело. Последней зимой ты впитала достаточно жизненной силы, чтобы стать полезной для меня.

— Что вы хотите от меня, Ваше Величество? — Мария быстро огляделась по сторонам. Если Аннализа потребует что-то неприемлемое, сбежать будет непросто.

— Не бойся так, глупая моя, — холодно улыбнулась Аннализа. — Я стою достаточно близко к тому, чего желаю более всего. Церковь совершила ошибку, когда объявила обитающую в крови порчу злом. Очищая её, Церковь лишь спала в самообман. Чем сильнее кровь, тем больше в ней скверны. Знали бы церковники, сколько порчи в них самих! Но всё к лучшему. Сгустки скверны, что мои помощники добывают из своих жертв, приближают меня к победе. Мне не хватает одного — крови, озарённой силой Великих. Твоя подойдёт.

Мария приготовилась бежать. Сейчас она ударит стоящего за ней советника ногой в лицо, потом её ждёт спуск по лестнице. В неё будут стрелять — Аннализе нужна её кровь, а не она сама.

— Нет, я не собираюсь тебя убивать, — протянула королева. — Даже держать тебя здесь силой я не намерена. Эрик слишком честен и может наделать глупостей.

Аристократ испуганно зажмурился.

— Литра твоей крови вполне достаточно, — продолжила она. — От такого не умирают. Потом можешь вернуться к предателям, если тебе угодно. Когда-то Лоуренс стоял передо мной на коленях, умоляя взять украденную из Бюргенверта реликвию. Он поклялся, что сделает всё для возвышения моего рода, если в обмен получит помощь в создании Церкви. Лоуренс получил деньги и моё расположение.

А теперь он предал меня — узурпировал власть! Но ты, думаю, всё это знаешь и без меня.

Мария перевела дух. Если удастся выбраться без боя...

— Я согласна на ваши условия.

— Если останешься, сможешь быстро стать моей правой рукой. Твоё место здесь, а не в грязном притоне Лоуренса. Но выбор за тобой.

Мария сердито покосилась на королевского рыцаря, не отходившего от неё ни на шаг. Тот недовольно скривился и перевёл взгляд на висевшую на стене картину. Изображённый на ней великий военачальник уже многие годы равнодушно наблюдал за обитателями замка.

Кровь постепенно наполняла ажурный стеклянный сосуд. Сгиб локтя, куда вонзалась игла, неприятно покалывало. Рядом сидел Ян, обеспокоенно наблюдая за девушкой.

— Когда-то я жила неподалёку отсюда, этажом ниже, — желая разогнать гнетущую тишину, произнесла Мария.

— Вы можете здесь остаться, — сказал рыцарь.

— Спасибо, но меня ждут пациенты, — отказалась девушка.

Наконец сосуд наполнился вожаденной для королевы жидкостью. Вынув иглу и перевязав руку, Мария встала с кресла и тяжело вздохнула.

— Отнесите кровь Аннализе, — отчеканила она. — Мы с Яном немедленно покидаем Кейнхёрст.

* * *

Услышав осторожный стук в дверь, Герман нехотя поднялся с кровати. Он слишком устал, чтобы радоваться гостям. Если только...

— Мария! — удивился охотник. — Чем обязан столь раннему визиту?

Стоявшая на пороге девушка выглядела растерянной и нуждающейся в поддержке как никогда. Сняв сапоги, Мария опустилась на стоявший в прихожей табурет.

— Ром, — выдохнула она. — Виллем внедрил в неё глаза Кос и напитал выдержкой из пуповины, что вырезали из тела Великой.

— Я плохо знал Ром... но мне очень жаль, — Герман взял Марию за руку. — Она умерла?

— Нет, не думаю, — покачала головой девушка.

— Что же с ней стало?

— Возможно, она и вправду станет Великой, как того хотел старый безумец Виллем, — сглотнув, ответила Мария. — Но это будет стоить ей разума и личности. Так считает Ян, и у меня нет никаких оснований ему не верить.

— Мы можем ей помочь? — нахмурился охотник.

— Уже нет, — отвернулась девушка. — Я опоздала. Давно от меня никакой пользы, верно?

— Не говори так, Мария, — отрезал Герман. — Бывают обстоятельства, против которых мы бессильны, как бы отважны и умны не были.

Девушка упрямо поджала губы. В глазах блеснул огонёк несогласия.

— Давай я сделаю чаю, — предложил охотник. — Будешь печенье? Последнее доедим, кондитерская лавка закрылась на днях.

Чаепитие началось в траурном настроении. Герман осторожно расспрашивал Марию о Ром и разговоре с королевой.

— Как Ян? — поинтересовался Герман. — Он в церковной лечебнице?

— Нет, никакой крови, — опровергла девушка. — Ян немного оправился, но ему нужно ещё три-четыре дня, чтобы подготовиться к задуманному. Он так и не вспомнил произошедшее в Бюргенверте. Милосерднее не рассказывать ему о судьбе Ром. По крайней

мере пока.

Отпив чаю, Мария резко поставила чашку на стол, едва не расплескав содержимое.

— Ром была мне очень дорога, — горько произнесла девушка. — С первого курса университета мы всегда помогали друг другу. Доверяли друг другу самые сокровенные тайны. Она вызывала во мне восхищение своей страстью к знаниям, своим упорством, увлечённостью, смелостью. При этом Ром была удивительно добра и преисполнена достоинства. Если её оскорбляли, она жалела обидчика. Она считала, что совершающий пакость вредит в первую очередь себе, и редко обижалась. После того, как я стала охотницей, мы стали видеться намного реже. Когда мы встретились зимой, после нашего с тобой похода в птумерианский лабиринт, я увидела, как она изменилась.

— Я так понимаю, что тогда начался роковой опыт Виллема? — спросил Герман, подливая чаю себе в чашку.

— Да. Ром находилась в состоянии глубокого смятения, но так старательно поддерживала маску прежнего воодушевления, что перестала понимать своё настоящее отношение к замыслу ректора, — Мария допила чай и потянулась за печеньем. — Ром, как и я, хотела что-то предпринять, остановить выпущенное на волю зло. Годы, проведённые в обществе Виллема и его команды, сыграли роковую роль. Она решила, что сможет обрести силу Великой и подобно доброй фее надежды из старинных легенд исцелит Чуму Зверя, принесёт человечеству свет истины. Бедная Ром! Очень скоро она начала понимать, что потеряет себя. Что растворится в существе, в которого может переродиться. Но у Виллема долгое время не находилось нужных для последнего шага средств. Рыбацкая деревня дала их, будь она навеки проклята.

— Что будет делать Ян?

— Он хочет покинуть Ярнам, — доверяя учителю, сказала Мария. — Ян надеется, что не принимал церковную кровь и что проклятие Зверя его не коснётся. Он хочет покинуть страну и уйти в глушь, чтобы переждать беду. Ян больше не хочет бороться за других, когда видит, что делает Церковь. Его можно понять. Ещё он хочет, чтобы я пошла с ним.

— Что будешь делать, Мария? — пристально посмотрев на ученицу, спросил Герман.

— Я помогу Яну, но сама останусь, — черты лица бывшей охотницы на мгновение заострились. — Я не давала себе права уйти. Я тоже участвовала в принесших беду исследованиях и доставала в подземельях проклятые птумерианские реликвии. В Ярнаме меня окружали почётом уже потому, что я Браге. Долг следует вернуть. И главное: я нужна пациентам Астральной Башни. Если я подамся в бега, оставив их извергам вроде Стефана — я буду побеждена и опозорена. И я хочу понять до конца, что за силы обратились против нас.

Неожиданно Герман придвинул своё кресло ближе к Марии и крепко обнял девушку. Мария обняла охотника в ответ.

— Я устала, — дрожащим голосом прошептала девушка. — Устала от бесконечных ужасов, устала от жестокости, устала от этого безумия. Бедная Ром, бедный Ян, бедный Валлар, бедные пациенты Астральной башни, бедные все мы.

— Держись, — ободряюще произнёс охотник. — Я рядом.

Отпустив Марию, он встал и жестом подозвал её к шкафу. Открыв нижнюю дверцу, охотник достал маленькую деревянную шкатулку. В ней лежали несколько медных монет и изящный гребешок для волос.

— Его носила моя жена, — Герман протянул украшение ученице. — Я хочу отдать его тебе.

— Спасибо, — немного смущённо поблагодарила Мария, вставляя гребень в волосы.

Украшение очень шло к её светлым волосам с редкими седыми прядями.

— Милая Мария, — прошептал охотник, вновь обняв девушку.

Та промолчала и закрыла глаза.

— Одна ты у меня осталась, — Герман поцеловал ученицу в лоб.

— Как бы я хотела, чтобы всё плохое оказалось сном, — Мария тихо вздохнула. — Или самой уснуть так, чтобы навеки спрятаться за стенами сна...

Охотник ласково провёл кончиками пальцев по щеке девушки. Мария слабо улыбнулась. Герман притянул её к себе и нежно поцеловал в губы. От неожиданности в первое мгновение Мария попыталась отстраниться, но опомнилась и ответила на поцелуй.

В объятиях учителя Мария позволила себе забыться. Мрачное прошлое и грозящее неведомыми кошмарами будущее остались за порогом настоящего.

* * *

Поднимаясь по лестнице, ведущей на верхний уровень лаборатории, Мария невольно оглянулась на балкон. Вдоль заставленных медицинскими принадлежностями шкафов прогуливалась пациентка в сопровождении санитаря.

Изуродованная вливаниями крови женщина еле ходила.

Аделина совсем ослабла, с горечью подумала Мария. Нужно будет дать ей ключ от выходящего на сад балкона — Аделине нужен свежий воздух.

В волосах Марии тускло блестел подаренный Германом гребешок.

Добравшись до верха, бывшая охотница почувствовала, как стынет сердце от нехотанного воспоминания.

«...пора. Тебе тоже... скоро.»

— Прости, что не успела, — повинулась про себя Мария. — Бедная моя...

«Скоро».

Ян бежал из Ярнама. Учёный долго уговаривал Марию бежать с ним, но та осталась непреклонна. Снабдив друга всем необходимым для долгого путешествия, включая солидную сумму денег, девушка вывела Яна на окраину города.

— Пошли со мной, Мария, — умолял её друг. — Прошу тебя. Отсидимся где-нибудь в глуши. Нас не найдут ни люди, ни чудовища.

— Нет, мой друг. Прости, — склонила голову бывшая охотница. — Мне некуда бежать.

— Мария, прекрати изображать трагическую актрису, — разозлился Ян. — Ты умрёшь, если останешься! Ярнаму конец!

— Я должна во всём разобраться до конца, — печально ответила Мария. — Иначе меня не укроет никакая глушь.

Друзья молча обнялись на прощание. Не произнеся более ни слова, Ян отстранил Марию, поправил висящее на плече ружьё, повернулся и быстрым шагом двинулся прочь. Вскоре силуэт мужчины затерялся среди умирающих деревьев.

* * *

Мария посмотрела на сидящего напротив человека и коротко кивнула.

— Да, я согласна, — подтвердила она.

— К вашим нынешним обязанностям добавится проверка безопасности лабораторий, — сказал церковник. — Каждые четыре часа днём и ночью, два дня через два.

— Меня не смущает необходимость ночевать в Астральной башне, — слегка улыбнулась девушка. — Я и так часто остаюсь на ночь.

— Значит, теперь вы ещё и смотрительница, — произнёс мужчина. — Ваш предшественник уволен за пренебрежение своими обязанностями. Вы выглядите более ответственным человеком.

* * *

Мария стояла одна в огромном зале, расположенном на вершине Астральной башни. Одну стену целиком занимал колоссальный циферблат. Сквозь немислимый механизм просвечивали лучи полуденного солнца. Циферблат можно было разглядеть не только из Соборного округа, но и из Центрального Ярнама.

Башню строили, имея в виду нынешнее её предназначение. Посвящённые в тайны Церкви архитекторы спланировали здание так, чтобы стены, каждая колонна, каждая балка сдерживали опасные проявления сверхъестественных сил. Циферблат служил главным узлом защиты. Недавно на его металлический обод нанесли руны Кэрилла, желая отсечь все нежелательные проявления могущества Великих, стоящих за властью начертанных рун.

Такие меры являлись необходимыми — подопытным, идущим к возвышению полной ловушек дорогой, опасны любые помехи.

Но Мария знала, что защита вовсе не столь совершенна, как хотелось бы верить Церкви.

Везде, где течёт кровь, обитает бесформенный, незримый Идон. Туда, где живут тёмные инстинкты, всегда доходит свет растущей Красной луны. Великие бессмертны, и живая сила Кос проникает в башню вместе с кровью побеждённой обитательницы вод. Из подземелий Хора склизкая Ибраитас по-прежнему наблюдает за Ярнамом. Через сны работающих в лаборатории людей Амигдалы находят путь в мнимое убежище.

Нет, от Них не спрячешься. Нигде и никогда.

Достав из кармана скальпель, Мария надрезала ладонь и нарисовала на полу кровью маленькую пятиконечную звезду с глазом. Сев на кресло, девушка закрыла глаза.

Ссутулившись и положив ногу на ногу, Мария напряжённо вслушивалась в ток собственной крови.

— Пусть расцветают кровавые цветы! — после долгого томительного ожидания услышала она бесплотный голос.

Значит, тогда, в Бюргенверте, ей не померещилось.

— Новая смерть и новое рождение. Из крови, — вновь прозвучал жуткий голос.

Смертельно побледнев, Мария вцепилась в подлокотники и открыла налившиеся тяжестью веки. Кровавая звёздочка исчезла в целой луже крови. С тревогой посмотрев на ладонь, девушка увидела почти заживший порез. Откуда столько крови?

Жизнь рождается и угасает. Все живущие несут в себе суть бесформенного Великого. Раствори свой разум в крови и не умрёшь, но возвысишься. Смерть и возрождение — всё подвластно Идону.

Мария давно поняла, что выпитая за годы охоты кровь изменила её. После паломничества в кошмар и боя в рыбацкой деревне она прикоснулась к силе Великих и соединилась со своей кровью. Она обратила Ракуйо в кровавый клинок и стала повелевать собственной жизненной силой умело как никогда раньше. Её разум сливался с кровью, сливался с сутью Великого Идона.

Ром — глаза, ей — кровь.

Резко встав, девушка принялась мерять шагами расстояние от циферблата до центра зала. От механизма исходила незримая, но могучая сила. Металл пленительно блеснул.

Входная дверь распахнулась. Пришедшие — двое лаборантов — выглядели не на шутку обеспокоенными.

— Леди Мария, — затараторил один, подбежав к охотнице. — Один из гомункулов вырвался на волю.

Гомункулами в лаборатории называли выращенных из недоношенных человеческих зародышей существ, которых так и не удалось вознести до настоящих Великих вопреки надеждам учёных.

— Пошли быстрее, — поторопилась Мария.

— Следует собрать охрану, — сказал другой лаборант. — Гомункул разъярён.

— Не надо, — отрезала смотрительница. — Эти глупцы устроят пальбу.

В саду под открытым небом, соединяющем зал с циферблатом и лабораторные помещения, творился переполох. Несколько человек, сгрудившись у ограды, наблюдали за огромной человекоподобной фигурой. Кожа существа имела серо-синий оттенок. Уродливый безлицый нарост вместо головы. Мощные руки с крупными шестипальными кистями.

Злобно забулькав, существо окуталось голубым сиянием. Блеснула яркая вспышка, и часть ограды сада разлетелась вдребезги. Усатый учёный в белых перчатках попытался

подобраться к существу, вооружившись внушительным шприцем. Но гомункул был начеку и, заметив угрозу, принялся бешено размахивать верхними конечностями. Отшатнувшись, учёный споткнулся о стебель гигантского подсолнуха и упал.

Мария спокойно подошла к существу. Уверенно и без страха она протянула руку ужасной твари. Та, простояв несколько мгновений в нерешительности, осторожно коснулась своим пальцем ладони девушки.

Никто так и не понял, каким образом новой смотрительнице удалось усмирить неукротимого гомункула, но существо послушно вернулось в отведённое ему помещение и ещё долго не доставляло проблем учёным Астральной башни.

Вернувшись на рабочее место в лабораторию, Мария замерла перед шкафом с анализами мозговой жидкости подопытных. Сероватая масса пульсировала и шевелилась в пробирках, подобно амёбам-переросткам. В жидкости иногда появлялись бледно-зелёные пятна.

Немного похоже на густую овсяную кашу, пришла к Марии странная мысль. Только зелёные пятна портят картину. Но разве нельзя добавить в кашу немного зелени? Вкуснее будет.

Девушка расхохоталась.

— Леди Мария? — удивился её поведению коллега.

— Не обращай внимания, — отмахнулась она.

В детстве Мария часто смеялась без видимой причины. Няня спокойно относилась к причуде девочки. Родители же считали, что ребёнок с ранних лет должен вести себя согласно правилам этикета. Теперь она может позволить себе забыть об аристократическом этикете.

Как же так получилось, что она трудится в лаборатории, от одного вида подопытных в которой неподготовленный человек может сойти с ума?

Родилась она в замке Кейнхёрст. Отец Марии, наследник знатного иностранного рода, встретил её мать на балу у Аннализы, тогда совершенно обычной королевы не обладающего большим политическим влиянием государства. Месяц как завершилась война, в которой Ярнамское королевство участвовало по союзническим обязательствам. Отец Марии, видный офицер из могучей империи, дважды награждённый за проявленную в бою храбрость, быстро пленил сердце двоюродной сестры королевы. Через полгода они вступили в брак. Мария родилась ещё через год. Вскоре после её рождения отца перевели из расквартированного на границе с Ярнамским королевством гарнизона на запад империи на штабную должность.

Мать как-то призналась дочери, что обрадовалась возможности покинуть Ярнамское королевство, отличающееся тяжёлым климатом.

Когда Марии исполнилось два года, у неё появился брат. Карл с младенчества отличался слабым здоровьем и робким характером. Они с братом казались полной противоположностью друг друга, но тем не менее крепко сдружились.

С ранних лет Марию увлекало всё связанное с медициной и тайнами человеческого тела. Однажды, порезавшись об острый стебель осоки во время прогулки по лесу, она долго не давала матери перевязать палец платком, желая рассмотреть рубиновую каплю. Только научившись читать, девочка выпросила у приезжавшего к брату врача учёную книгу и упорно изучала полные непонятных слов страницы. Ей казалось, что, прочитав книгу доктора, она сможет вылечить брата.

Марию учили играть на пианино, хотя в детстве она не любила музыку. Инструмент казался ей неприятной обязанностью, навязанной родителями.

Когда Мария пошла в школу, у неё появилась младшая сестра — Катерина.

Их-за разницы в возрасте они так по-настоящему и не сдружились.

Училась Мария хорошо и с удовольствием. Её часто ставили в пример, и многие сверстники недолго любили девочку. В школе Мария завела приятельниц, но настоящим другом она могла назвать только брата.

Карл умер от воспаления лёгких за год до её поступления в Бюргенверт.

Когда лечивший Карла врач с сожалением признал, что не сможет спасти мальчика, родители решили скрыть горький прогноз от детей. Но Мария узнала всё непосредственно от врача, с которым часто разговаривала на медицинские темы.

Последняя беседа с братом произошла поздним вечером за день до его смерти. Карл лежал в постели, закрыв глаза и хрипло дыша.

— Карл, — дрогнувшим голосом произнесла Мария. — Как ты себя чувствуешь?

Брат разлепил веки и тяжело посмотрел на сестру.

— Погано, — выдавил он и зашёлся в приступе влажного кашля. На тряпице, которой Карл прикрывал рот, осталась лужица гнойной мокроты. — Почему господин Улссон не пришёл?

Три дня врач навещал больного утром и вечером.

— Я умру? — тускло проронил Карл и снова раскашлялся.

Мария опустила взгляд. Её сердце разрывалось от горя. Осознание скорой смерти брата и чувство собственного бессилия отзывались невыносимой душевной болью.

— Скажи мне, сестрёнка, — слабо пробормотал Карл. — Улссон уже открыл матери, что я умру?

Коротко кивнув, Мария взяла брата за руку и расплакалась.

Случившаяся с братом трагедия предопределила интерес Марии к идеям Лоуренса. Девушка хорошо помнила, как стояла у свежей могилы брата. Тяжело страдая от осознания необратимости и неправильности смерти, она поклялась посвятить жизнь борьбе с болезнями и слабостью человеческого тела. Как раз тогда всюду пошли новости о чудесах, творимых переливанием крови в Ярнаме, и поразительных открытиях учёных из местного университета.

Мария знала своих ярнамских родственников и не беспокоилась об обустройстве на новом месте. Аннализа однажды приезжала к её родителям. Маленькая Мария чувствовала благоговение перед блистательной королевой, словно сошедшей со страниц волшебной сказки. Но уже тогда вокруг королевы чувствовалась тень, что окутывает всех, кто одержим властью.

Поступить в Бюргенверт оказалось делом непростым. Ещё сложнее была сама учёба. Каждый день приходилось воспринимать огромный объём знаний. Но увлечённость и упорство Марии помогли ей встать среди лучших студентов.

В университете никого не волновало, что Мария состоит в дальнем родстве с королевой, кроме отдельных студентов, желавших обзавестись связями в высших слоях общества. Зато в городе её аристократическое происхождение превращалось в магнит для лизоблюдов. Правда, скорее потому, что тогда она ещё не владела в полной мере полезнейшим искусством выбирать себе компанию.

В университете Мария познакомилась с Ром и Яном. С Ром она сдружилась

поразительно быстро, словно какие-то потайные струны их душ звучали на одной ноте. С ней Мария могла обсуждать любые темы, не боясь отторжения. Подруги всегда помогали друг другу. Перед окончанием университета за Ром начал ухаживать Ян, их однокурсник, прослышавший в Бюргенверте большим дамским угодником и покорителем сердец. Когда Ром уже хотела ответить ему взаимностью, он неожиданно перевёл своё внимание на Марию.

Для кого-то такое стало бы причиной для ссоры, но не для Марии и Ром. Вызвав Яна на откровенный разговор, подруги потребовали, чтобы парень прекратил играть их чувствами. Совершенно неожиданно студент искренне извинился перед обоими и начал каяться в легкомысленном поведении. Настроенная в тот день по-философски Ром затеяла диспут о морали, и Ян с живым интересом принял в нём участие.

Настоящий Ян оказался человеком умным и необычно мыслящим. После той беседы они разошлись друзьями.

Мария присутствовала на знаменитой лекции Лоуренса, на которой тот заявил о пришествии новой эпохи, в которой не будет места болезням и смерти, эпохи, когда люди возвысятся до богов. Девушка сидела на третьем ряду и, затаив дыхание, внимала главе Церкви. Лекция проходила в городе, потому что после откола от университета в Бюргенверте церковников не жаловали.

В Лоуренсе видели пророка, мессию.

В Бюргенверте Мария познакомилась с Германом. Он рассказывал студентам о птумерианских подземельях и зазывал участвовать в экспедициях. Увлечённая жаждой приключений и желанием совершить для науки нечто выдающееся, девушка записалась в отряд расхитителей гробниц, куда набирали студентов.

Тогда Мария научилась обращаться с ружьём, пистолетом и саблей, что стоило нескольких месяцев тяжёлых тренировок под руководством Германа. До по-настоящему умелых бойцов тогда ей было далеко, но защитить себя она могла.

В подземельях Мария впервые прикоснулась к тёмной стороне крови. Погружённые во тьму туннели скрывали противные разуму ужасы. Учёных защищали солдаты, но ей не раз приходилось отбиваться самой. Хуже всего пришлось, когда, отрезанная от остальных, Мария осталась одна против разъярённого серокожего гиганта, выродившегося потомка погибшей расы. Вооружённый чудовищной булавой, урод мог расплющить её в любой момент. Мария сказала бы, что выжила чудом, не будь это неправдой. Спасли не чудеса, а ум и храбрость. Призвав на помощь всю сообразительность, она смогла заманить гиганта в ловушку.

После окончания университета Мария стала работать в одной из церковных лечебниц, где исследовали и применяли священную кровь. Также она продолжала участвовать в экспедициях.

Тогда Мария начала сама принимать кровь, чтобы защититься от болезней и продлить жизнь.

Примерно спустя год после выпуска её нашёл Герман и предложил вступить в свою команду. Тогда Церковь и медики Кейнхёрста разработали способ увеличения физических возможностей человека за счёт переливания особым образом обработанной крови. Начав работы совместно, церковники и королевские врачи пошли разными путями: Церковь искала универсальное средство, а в Кейнхёрсте желали использовать родство ярнамской аристократии с птумерианцами.

Тогда Мария уже знала о побочных действиях используемых Церковью методов.

Девушка понимала, что команда Германа нужна Церкви не только для изучения подземелий, но и для тайной охоты за жертвами неудачных кровослужений. Сначала решив отказаться, она терпеливо выслушала уговоры как Германа, так и королевских медиков, обещавших ввести ей самую лучшую кровь. И передумала.

Помимо прочего, к тому времени Мария несколько устала от лабораторий, желая заниматься полевыми исследованиями в загадочных подземных городах.

Девушка заключила контракт охотника. Кровь перелили в замке. За ходом процедуры наблюдал Герман.

На вид предназначенная ей кровь не отличалась от обычной. Но во время переливания к Марии пришло странное ощущение, что кровать, на которую её попросили лечь, шевелится, готовая открыть невидимую под простыней пасть и проглотить девушку. С трудом поборов желание вскочить, она начала смотреть по сторонам и увидела, как лица присутствующих превращаются в уродливые морды чудовищных тварей, а из флакона с кровью к ней алчно тянутся тонкие и гибкие щупальца-усики. Наваждение быстро схлынуло, но сохранить самообладание оказалось нелегко.

После переливания наступил черёд новых тренировок у Германа, куда более тяжёлых и опасных, чем в студенческие годы. В Кейнхёрсте ей подарили Ракуйо и Эвелину, и ей требовалось овладеть этим оружием в совершенстве. Тренировки выпивали почти все силы, и лишь упрямство и воля помогали выдерживать нагрузки.

Спустя месяц Мария поняла, что становится нечеловечески быстрой и сильной. У неё появились новые чувства — девушка видела чужую кровь открывшимся сверхъестественным зрением. Валлар, присоединившийся к Герману одним из первых, научил её пользоваться этой способностью. Полученные на тренировках и в повседневной жизни ушибы и ссадины заживали буквально на глазах.

Но за всё приходилось платить. Марию начало неотступно преследовать желание пить кровь. Жажда насыщалась, но девушке не нравилась своя новая потребность, хотя ей быстро пришлось смириться. Кровь питает охотника. Мария стала охотницей, и её тело желало питаться.

Тогда Мария заметила и другие перемены в себе. Её стали бояться собаки. Даже самые дружелюбные ранее животные встречали её с опаской и злобой.

В те дни девушку посетили первые сомнения. Лоуренс обладал талантом очаровывать людей, и Мария верила в то, что Церковь несёт благо человечеству, несмотря на знание о чудовищах.

После череды вылазок в подземелья ей пришлось участвовать в охоте на обратившегося жителя Старого Ярнама. Настигнув и убив жертву, Мария неприятно удивилась тому, с какой лёгкостью расправилась с существом, ещё недавно бывшим человеком.

Нет, наш путь не предопределён, с затаённой радостью подумала бывшая охотница. Она могла смириться со смертью брата, не поступать в Бюргенверт, не спускаться в лабиринты, не изучать кровь и не становиться охотницей. Она могла давно бежать из Ярнама, как поступил Ян. Всё могло сложиться по-другому. Но всё, что она делала, казалось ей правильным. Нет, она не будет дрожать в уголке, ожидая ужасного конца!

Стоя перед набитым флаконами с мозговой жидкостью шкафом Мария как никогда чувствовала свою правоту и святость разбитых надежд. Пусть желание человека освободиться от болезней и смерти, возвыситься над собственной брэнной природой обернулось кошмаром, это не значит, что такое желание недостойно. Вселенная

несправедлива с человеком. Великие несправедливы и жестоки. От того, кто поставлен в заведомо проигрышную позицию, нелепо ожидать правильного решения. Когда любой путь ведёт в пасть к демону, не стоит попрекать путника неверным выбором.

— Я не боюсь, — чувствуя необъяснимую лёгкость, прошептала Мария. — Я Вас презираю.

* * *

Полный забот день подошёл к концу. Мария попросила разбудить её через четыре часа — новые обязанности требовали ночных обходов башни. Решив поспать хоть немного, девушка устроилась в пустующей палате.

Погасив лампу и завернувшись в одеяло, Мария погрузилась в беспокойный сон.

Она очутилась в огромном, украшенном расшитыми золотом красными гобеленами и освещённом тысячами свечей зале. Потолок терялся в темноте. Оглядевшись, Мария увидела множество людей. Некоторых из них она знала. Капрал Грубер. Обратившаяся женщина из Старого Ярнама. Брат Джоул с натянутым на лицо глухим капюшоном. Лица бледные, неживые. Скорее личины или маски, чем лица.

Девушка подумала, что не хочет увидеть то, что скрывается под ними.

Шикарно одетые лакеи разносили еду и изысканные напитки. Музыканты в красных фраках играли быструю мелодию. От их игры пробирало жутью.

— Что за ужасы скрываются под личинами людей, леди Мария? — неожиданно спросил Марию солидный господин с сочащимся кровью разрезом на шее. Подхватив под руку даму в кружевном платье чёрного цвета, мужчина затерялся среди участников бала.

Они собрались на торжество. Посмотрев на себя, девушка поняла, что одета в длинное платье с цветочным узором, от воротника до подола промокшее кровью.

Мария почувствовала, как двое людей ведут её в центр зала.

— Поздравляю вас с назначением на столь ответственный пост, леди Мария! — поклонился ей брат Джоул.

— Но я всего лишь смотрительница лаборатории, — возразила девушка.

— Нет. Неужели вам не сказали? Какое досадное недоразумение, — хрипло хохотнул Джоул невидимым ртом. — Вы назначены на губернаторский пост!

— Кровь есть жизнь! — надрывно прокричал кто-то.

— Теперь вы — наша владычица, — прострекотал Грубер и стащил с себя лицо...

Проснувшись, Мария резко села на кровати. Последнее время ей постоянно снились кошмары. О них она не рассказывала даже Герману. Да и времени встретиться и поговорить почти не было.

Когда пелена страсти схлынула, охотник почувствовал себя виноватым. Ученица отдалась ему, и теперь Герману казалось, что своей любовью он приговорил Марию повторить судьбу жены.

Вернувшись в лабораторию, Мария приготовила и приняла лекарство, защищающее от возможных последствий страсти. Правда, она не имела уверенности, что средство подействует на столь сильно изменённый силой крови организм, как её собственный.

Откинувшись на спину, бывшая охотница вновь попыталась уснуть.

Они с Германом поженились и уехали из Ярнама. Теперь они жили в чудной стране зелёных рощ и тихих рек. У них рос сын.

По хозяйству им помогало множество молчаливых слуг. Мария никак не могла запомнить их лица и имена. Впрочем, те не обижались и покорно выполняли все поручения.

Мария сидела за письменным столом и читала книгу. Никак не получалось сосредоточиться: слова менялись местами прямо на глазах.

— Мама, спой мне песенку, — послышался голос сына. — Я хочу послушать песенку.

— Про что тебе спеть? — не отрываясь от книги, спросила Мария. Она очень любила сына, но дочитать страницу до конца почему-то было чрезвычайно важно.

— Спой мне про кровавые цветы, что вырастают из глазниц мертвецов, — попросил сын. — Ты поёшь эту песню каждое утро. Нам с папой очень нравится!

Обернувшись, Мария тихо вскрикнула и проснулась.

Просто сон.

— Пусть расцветут кровавые цветы!

Обойдя по-ночному тихие залы Астральной башни, Мария зашла проведать Аделину. Бывшая Кровавая Святая не спала. Сидя на кровати, Аделина с невнятным бормотанием качалась из стороны в сторону.

— Буль, буль, буль, кап, кап, кап, — сказала пациентка вместо приветствия. — Леди Мария, я слышу его! Я слышу!

— Аделина, как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно спросила девушка. — Что именно ты слышишь?

— Я слышу голос! Этот навязчивый звук! Он кровоточит, — забормотала Аделина. — Леди Мария, пожалуйста, дайте мне мозговую жидкость! Я могу потерять путеводную нить!

Судорожно дёрнувшись, пациентка столкнула с кровати подушку. Со звоном упал спрятанный под ней ключ от балкона. Мария вернула подушку и ключ на место.

— Без него я потеряюсь, — плаксиво причитала Аделина. — Леди Мария, прошу вас пожалуйста, пожалуйста, ради всего святого, дайте мне мозговую жидкость!

Остальные пациенты, разбуженные Аделиной, недовольно возроптали. Понимая, что торопит опыт, Мария решила пойти навстречу подопытной. Аделина, как бывшая Кровавая Святая, требовала особого подхода.

Спустя несколько дней двое подопытных превратились в лишённые конечностей мешки плоти, ставшие неиссякаемым источником мозговой жидкости для опытов. Мария работала день и ночь, поддерживая тающие силы кровью.

Ром — глаза, ей — кровь.

Изучая учёные книги и размышляя над результатами опытов, Мария начинала понимать, что имела в виду Ром в своей прощальной фразе и чего в своём безумии желал Лоуренс.

Все они выпили слишком много крови.

Кровью обладают все живые существа, но она лишь материальное воплощение вселенской жизненной силы, именуемой Идоном. Силы созидательной и разрушающей самое себя в цикле. Рождаясь и умирая, всё живое, само того не ведая, служит этому Великому. Призванная кровослужениями сущность вершила расправу над человечеством, чтобы вернуть людей Идону^[21].

Скоро взойдёт луна.

Кто пьёт кровь, тот не умрёт.

Когда всё утонет в крови, наступит перерождение.

Ночь Кровавой Луны

Выйдя на улицу из Астральной башни, Мария поёжилась от дурного предчувствия. Стоял погожий день ранней осени, когда воздух удивительно прозрачен и свеж, а солнце уже не дурманит навязчивым теплом. На пронзительно-ясном небе не виднелось ни облачка. Прохладный ветерок гонял по мостовой опавшие раньше срока листья. В воздухе струился неопиcуемый аромат, похожий на благоухание роз с едва заметной примесью запаха свежей крови.

Сегодня ночью случится что-то важное, поняла Мария.

Редкие прохожие спешили по своим делам. Мимо прошла дама средних лет в чёрных одеждах, на ходу проверяя содержимое карманов. Пальцы женщины нервно подрагивали. У клумбы с подсолнухами топтался полный усатый мужчина с нездорово выпученными глазами. Уборщик меланхолично подметал улицу, сгребая листья и сор к краю мостовой. Город выглядел сонным, спокойным и даже умиротворённым.

Как приговорённый, смирившийся со своей учаcтью и радующийся последним часам жизни, подумала Мария.

Что же не так? Почему ясный день пропитан предчувствием беды, а сердце сжимают ледяные когти?

Куда она шла?

Мария замерла на месте. Уборщик всё также шуршал метлой.

Она хотела вернуться домой и лечь спать. Два дня, почти безвылазно проведённые в лаборатории, изрядно вымотали девушку. Опыт подходил к завершению, и пациенты нуждались в наблюдении как никогда раньше.

Хотелось лечь, уснуть и больше не просыпаться.

Всё свободное время смотрительница Астральной башни старалась посвящать постижению своих новых свойств, пришедших в последнюю зиму. Мария училась слушать кровь. Вглядывалась в пляшущие в красной глубине тени. Чувствуя, как рвутся нити, связывающие её с миром людей. Осознание данного обстоятельства также не добавляло желания жить.

— Мария! — окликнул её Стефан. — Подожди!

Неприятие, возникшее между ними с первых дней знакомства, заметно улеглось. Возможно, Стефану просто не до вражды.

— У нас получилось! — учёный догнал её и, тяжело дыша, затараторил: — Мы намеренно ввели осквернённую кровь одной из пациенток. Она сама согласилась, ты помнишь. Никаких признаков обращения в чудовище.

— Я уже знаю об этом, — вымученно улыбнулась Мария. — Забавно, что каждый раз лекарство оказывается не лучше болезни, не правда ли? Церковная кровь исцеляет все болезни, омолаживает и делает человека сильнее. Все связанные с телом беспокойства остаются в прошлом. Плата — риск стать чудовищем. Наши исследования позволили разработать способ, спасающий от обращения в чудовище. Ценой превращения в ком пульсирующей плоти. И последующей смерти.

— Мы сделаем так, чтобы человеческий облик сохранялся, — наигранно уверенным тоном произнёс Стефан. — Остальное также разрешимо.

Оба понимали, что эти слова — пустая бравада. Чтобы победить Чуму, требовались

знания, средства и время несравненно превосходящие доступные Церкви. Мария знала это как никто. Их судьба написана кровью. Но как достойно принять поражение?

— Так или иначе, наши пациенты вошли в контакт со сферами, ранее нам неизвестными, — зачем-то добавил Стефан. — Обе цели достигнуты. Пока частично, но достигнуты.

А поражение ли это? Много месяцев назад, в глубине птумерианских лабиринтов, Мария решила остановить кровослужения, чтобы спасти Ярнам от Чумы Зверя. Не оказалось, что Церковь готова пожертвовать городом ради возвышения своей верхушки. Аннализа готова пожертвовать всеми ради себя. Немногие, кто пытались противостоять этой чумной лавине, потерпели поражение. Анну убили. Валлар лишился рассудка. Другие сдались и смирились.

Пойти крушить церковные лечебницы? Попытаться организовать восстание против Церкви? Поздно. Сначала горожане рукоплескали Церкви как исцелительнице всех болезней, затем раболепно склонились перед её силой. Восстать некому. Да и Чуму так не остановишь, печально задумалась девушка.

Стоящая за заразой Сущность всё предусмотрела. Попытка переиграть разум, неизмеримо превосходящий человеческий, была обречена с самого начала.

Найти лекарство терпеливыми научными изысканиями не получилось. После боя в рыбацкой деревне Мария наивно верила, что новообретённые способности покажут путь к спасению Ярнама. Но они лишь постепенно затягивали её в пропасть.

Похоже, барахтаться уже бессмысленно. Надо принять свой рок и постараться сделать его чуточку лучше. Эта ночь станет особой. Бледно-голубое небо, шелестящая тишина, разлитый в воздухе лунный аромат — всё шептало о великой беде и ужасном откровении.

У неё нет желания становиться проводницей безжалостных потусторонних сил в мир людей. С каждым днём её власть над жизненной силой растёт, и соразмерно возрастает власть бесформенного Идона над ней. Рано или поздно её воля станет продолжением Его воли, а её разум — частью Великого.

Это не поглощение. Когда, повинувшись течениям подземного пламени, новые земли поднимаются из глубин вод и малые острова растут, сливаясь в единую сушу, происходит нечто подобное нависшему над ними року. Её жизненная сила — лишь крохотный ручеёк, готовый влиться в океан.

Всё, что она может сделать — укрепить свою волю и разум. Тогда есть шанс не лишиться рассудка и личности после того, как Идон примет её в Себя. С огромным трудом Марии удалось добыть записи Ром, оставшиеся у Виллема после ужасного опыта. Мария узнала, почему Ром в последний момент попыталась отказаться от возвышения — учёная поняла, что её сил не хватит, чтобы сохранить разум.

Она уже немало сделала, подумала бывшая охотница. В прошлом противостояние могучим врагам закалило её волю. Приём мозговой жидкости с кровью прояснил разум. Хватит ли уже достигнутого?

К её радости, употребление опасных препаратов не отразилось на внешнем облике. Мария много раз мысленно возносила хвалы медикам Кейнхёрста, давшим всем отпрыскам правящего рода защиту от уродств.

Сегодня пахнет луной. Мария долго раздумывала, когда добавить последний штрих. Жизнь расставила всё по своим местам. Она выпьет ударную порцию самой лучшей целебной крови, причастится ритуальной и примет концентрированную мозговую жидкость.

И, слушая зов бесплотного голоса, окончательно объединит разум с жизненной силой.

Затем убьёт себя.

Идон получит её, но она не станет проводницей Его силы в мир. Она не будет нести Его волю.

Как ни странно, девушка не боялась. Мария узнала достаточно, чтобы не питать иллюзий. Пей кровь, и не умрёшь, прочитала она когда-то. Старик Габриэль не зря отказывался от лечения. Кровь Великих не коснулась его, и Габриэль умер навсегда. Его сознание, его разум погасли, как потушенная свеча. Никто не в силах навредить тому, кого нет. Ни страхов, ни тревог, ни мучений. Раньше Мария презирала учёного за отказ от борьбы, но теперь понимала: он отстоял себя. Габриэль не стал игрушкой Великих и остался свободным до конца. Он победил.

Но и она ещё может взять верх. По-своему, но может. Чем сильнее кровь, тем крепче Их власть над её носителем.

Но Мария могла выбирать, как и в каком качестве идти на новую службу.

— Я заставлю Вас считаться со мной, — яростно и дерзко прошептала она, выпрямившись и сощурился глаза. — И Вам не заставит меня бояться. Я ничего не боюсь! Ни смерти, ни бессмертия!

Тогда зачем идти домой? Лучше потратить время на подготовку к ритуалу. А отдых...

Скоро она не будет в нём нуждаться.

Зайти к Герману?

Нет. Он наверняка занят подготовкой к ночной охоте. Сегодня будет охота — Мария знала наверняка. Всё, что они хотели сказать друг другу лично, уже сказано. Остальное можно сообщить и иными способами.

Кивнув Стефану, Мария быстрым шагом направилась обратно к Астральной башне.

* * *

Запершись в пустой палате, Мария разложила на полу ингредиенты для своего ритуала. Она попросила коллег не тревожить её до полуночи. Времени должно хватить.

Из-за надёжно запертой двери донёсся скрип кресла-каталки. Санитар вёз пациента на процедуры.

Десять минут назад у Марии состоялся разговор с Аделиной. Бывшая Кровавая Свята; явно что-то почувствовала: она благодарила бывшую охотницу через слово, постоянно говоря ей, как все пациенты благодарны за искреннюю заботу и участие. Потом беседа перешла на тему мозговой жидкости, и Аделина попросила новую порцию. Мария лично ввела ей дозу склизкой субстанции. Повинуясь внезапному порыву, смотрительница обняла подопытную. Девушка щекой почувствовала влажную поверхность уродливого пульсирующего выроста, заменившего Аделине голову.

Пробежавшись глазами по разложенному, Мария удовлетворённо кивнула. Кисть для рисования тайных символов. Толще и грубее, чем художественная кисть, но тоньше и нежнее, чем малярная. Красивая бронзовая ручка с узором. Наконечник с волосками можно менять. Сделали специально для Церкви Исцеления.

Флакон с ритуальной кровью. Мария удивилась, как эту кровь удалось сохранить так долго. Ещё удивительнее, что её удалось достать этот флакон. Эта кровь принадлежала

погибшей полгода назад Анне. Мария потратила колоссальные усилия, чтобы выгнать из Хора эту субстанцию не только потому, что кровь покойной хористки наилучшим образом подходила для ритуала, но и потому, что видела в использовании этого нечаянного наследия некую извращённую справедливость.

Анна не смогла спасти Ярнам, но, возможно, спасёт её, Марию.

Ритуальная кровь отличалась от обычной целебной способом получения. Целебную брали из вены. Ритуальную получали из периодических женских выделений. Иногда её называли «лунной кровью».

Непостижимая кровь Великого. Из того самого сосуда, что Мария достала из птумерианских подземелий. Большая часть Церковь потратила на свои нужды, но небольшое количество чудесной крови уцелело: в ажурном хрустальном флаконе вокруг тёмно-красной жидкости плясали тени цвета пылающих звёздных облаков. Чистая Древняя кровь. Великая реликвия. Мария не имела права её брать, но положение смотрительницы Астральной башни предоставляло широкое поле для злоупотреблений.

Побывав в кошмаре, Мария узнала, как брали эту удивительную кровь. Плоть Великого, ставшего источником мистической жидкости, была куда неподатливее плоти бледной Ибраитас. Птумерианцы создали особый сплав, выдерживающий соприкосновение с силой древнего создания. Протыкая длань Великого полым копьём, они сцеживали кровь в сосуд. Несмотря на крепость сплава, копьё каждый раз использовали новое.

Записная книга со схемой ритуала. Мария тщательно проверила каждый этап, но её до сих пор мучали сомнения в правильности схемы. Может быть, стоило взять помощника? Но нет. Не стоит. Хотя начинала путь она вместе с другими, теперь она осталась одна. Не нужно никого впутывать в этот тёмный ритуал.

Шагов не так уж и много. Каждый не так уж и сложен. Главное — собрать волю во всепрожигающий луч и сосредоточить ум на цели. Три недели подготовки не могли пройти впустую. Всё получится.

Чуть в стороне лежало ружьё чудовищного калибра и недопитая бутылка вина, когда-то предназначенная Лоуренсу. Ружьё изготовили опальные Пороховые Бочонки, после чего окольными путями оно попало к бывшей охотнице.

* * *

Людвиг, предводитель церковных охотников, мутным взглядом посмотрел на своего адъютанта Ференца.

— Ночь будет тёмной, — резко произнёс Людвиг. — Позаботься, чтобы к вечеру все были готовы к бою.

Охотник чувствовал себя ужасно. Когда он выполнял свои обязанности, охотника мучала усталость. В одиночестве его пытали воспоминания, а во сне приходили кошмары. Когда становилось совсем тяжело, Людвиг брал в руки меч и любовался его космическим сиянием. Свет клинка забирал всё, кроме воли и решимости. Страхи, тревоги, сомнения... даже воспоминания об Анне.

Думая о погибшей возлюбленной, охотник с горечью понимал, что не может вспомнить её лицо. Иногда из памяти поднимался образ изуродованного взрывом тела, и Людвиг проклинал судьбу за подлость. Охотник пытался вспомнить живую Анну — ту, которую он

любил всем сердцем. И не мог. Людвигу казалось, что кто-то ворует его душу, оставляя лишь безжалостного охотника, фанатично преданного Церкви. Порой он даже радовался пропажам, надеясь на избавление от страданий. Но обычно осознание своего состояния ввергало в отчаяние. Всё чаще Людвигу казалось, что отдаёт приказы церковным охотникам и устраивает облавы в поражённых Чумой кварталах не он, а кто-то другой, искусно подделывающийся под него. Что он, настоящий Людвиг, умирает, а его телом управляет злая и коварная сила.

— Анна, почему я тебя не уберёг? — тихо пробормотал охотник.

— Вы что-то сказали? — откликнулся Ференц.

— Собирай охотников немедленно, Ференц, — повелел Людвиг. — Этой ночью Лоуренс собирается провести важный ритуал. Ничто не должно помешать делу Церкви.

* * *

С каждой минутой солнце всё дальше проваливалось за обломанные зубы далёких скал. Мрак накатывал на Старый Ярнам.

Патрулирующие город охотники вели себя по-разному. Большинство с опаской озирались по сторонам, чувствуя близкое дыхание Зверя. Некоторые, напротив, плотоядно скалились в предвкушении новой охоты.

Большой отряд бойцов Церкви двигался по Соборному округу по направлению к Старому Ярнаму. Охотников вёл сам Людвиг. Церковь понимала, что первой под удар попадёт самая старая часть города. Распространение чудовищ нужно было сдерживать.

Удар будет страшным, понимали церковники. Лоуренс зашёл слишком далеко. Но каждый боялся признаться даже себе, что ошибался. Дух слепой веры и страха одурманил людей.

Позади охотников шли солдаты. Все они когда-то клялись в верности королеве, но вера в Церковь оказалась сильнее клятв.

Повозку с пулемётами тащили две лошади серой масти. В сгущающейся темноте перепуганные животные казались призраками. Лошади до безумия боялись ярнамских ночей, и лишь кнут заставлял их идти вперёд.

Лошади жалобно ржали и норовили сдать назад.

Со стороны дороги, спускающейся в Старый Ярнам, навстречу охотникам выбежал человек. Бедняге явно досталось: на замотанной бинтами правой руке расплзлось кровавое пятно.

— Снизу идёт волна чудовищ, — хрипло дыша и баюкая израненную руку, сипел раненый, встретив охотников у начала спуска. Людвиг узнал в нём начальника полицейского участка Старого Ярнама. — Солнце ещё не зашло! Но люди обращаются один за другим!

Лица охотников посуровели.

— Вы можете идти? — спросил Людвиг. — Что происходит, подробнее?

— Я в порядке. От церкви Доброй Чаши идёт волна тварей, — промычал полицейский. — Мы попытались закрепиться в участке, но они заполонили все улицы. Мой помощник обратился, остальные погибли, и я бежал.

Снизу показались четыре мерзкие твари. Сгорбленные, покрытые густым мехом и вооружённые острыми когтями, чудовища бросились на людей, не в силах сопротивляться

жажде крови. Прогрели выстрелы, и твари умерли. Так же, как умерла надежда спасти Старый Ярнам в сердце Людвига.

* * *

Лоуренс надменно окинул взглядом окутанные ароматным дымом ладана и камфоры внутренности главного собора. Сегодня он воспарит над этим ничтожным миром, возьмёт свою долю бессмертной славы и божественного могущества Великих. Долгие годы он шёл к этой цели. Позади лежал тернистый путь, полный заблуждений и сомнений, но теперь он на вершине. Осталось вознестись в небеса.

— Мастер, вы тверды в своём намерении? — вкрадчиво спросил Братор, как всегда подошедший незаметно.

— Братор! Довольно официоза! — воскликнул глава Церкви Исцеления. — Это мой час! А после наступит и твой! Сегодня мы станем богами.

— Город захлебнётся в крови, Лоуренс, — прошептал Братор. — Но не думаю, что Лунный Гость на этом остановится.

— Это приемлемая цена, друг мой, — жутковато, по-звериному оскалился основатель Церкви. — Все эти люди умерли бы в любом случае. От болезней, от несчастных случаев, от преступлений и войн. Так какое значение имеет путь, если конец один?

— Они умрут не так, как умирали раньше, — нахмурившись и сделав шаг вперёд, произнёс Братор. — Их тела и души достанутся Великим.

— Это не важно, — отрезал Лоуренс и безумно хихикнул. — А я ведь выполнил обещание. Все они будут жить вечно... в кошмаре! Возможно, я по-прежнему буду править ими.

Готовящие ритуал церковники суетились в дальнем конце собора. Лоуренс и Братор стояли на верху монументальной лестницы. По обе стороны от неё горбились жуткие статуи Амигдал.

— Нет, только не говори мне, что я не прав! — предупреждающе поднял руку глава Церкви. — Мне это говорили. Мужчины и женщины, старые и молодые, умные, глупые и совсем безмозглые — все цепляются за свои заблуждения! Я уже отвечал тебе, Братор. Добра нет. То, что мы под ним подразумеваем — лишь плод нашей ограниченности. Я хочу слиться с подлинной реальностью — реальностью Зла, если хочешь. Это есть Истина. Это есть Красота. Я хотел вывести человечество за границы бренного земного мира, подарить ему мудрость и силу Космоса, Вечности. Я не виноват, что за гранью нас ждали хаос и ужас. Я выполнил своё обещание. Да погрузится мир в вечный, нескончаемый кошмар! Пусть Великие правят миром! Мы отринем всё и обретём ещё большее.

— Послушай себя, Лоуренс, — Братор нервно обернулся на статуи. Казалось, изваяния наблюдают за людьми, выжидая, когда глупые двуногие окончательно отдадут себя во власть древних инопланетных демонов. — Мы не этого хотели. Неужели ты стал столь слаб, что готов преклониться перед погибелью? Ты — учёный, по крайней мере был им. А ещё ты был Врачом, равным великим целителям прошлого. Ты хотел исцелить человечество, избавить его от страданий и вознести духовно. Всё ради человека, ради его здоровья и красоты. Ты же помнишь, почему дал Церкви Исцеления именно такое имя? Мне всё больше кажется, что мы выбрали не тот путь.

— Не повторяй чужих глупостей, — скривился Лоуренс. — Ты твердишь о благе человечества, а сам лично резал глотки бывшим коллегам! Люди столь порочны, что недостойны того блага, о котором мечтал наивный преподаватель Бюргенверта, которым я когда-то был.

— По твоему велению, — отрезал Брэдор. — И все, кого я убил, заслуживали смерти своей испорченностью, корыстью и властолюбием. Да, люди порочны. И ничто человеческое нам не чуждо — мы предали тех, кто нам доверился.

— Доверился? Полно, полно, — злобно хохотнул Лоуренс. — Сброду не нужны знания, не нужно развитие. Они хотят двух вещей: исцеления и утешения. Здоровье люди употребляют на то, чтобы воплощать свои мелкие желания. Конечно, размножение и положение в обществе. Утешение им нужно, чтобы как-то заглушить чувство собственной никчёмности! Ничто так не утешает, как вера. Человек есть самая никчёмная из всех живых тварей, потому что не живёт без веры, как рыба не живёт без воды! В прошлом религии приходили и уходили. Сначала верили в духов предков, потом стали поклоняться солнцу, потом придумали абстрактного бога. Но потом пришла эпоха знаний и науки. Теперь все образованные люди знают, что солнце вовсе не бог. Последние религии ушли, оставив после себя пустое место. Но без веры, что их ничтожные жизни наполнены космическим смыслом, людишки не могут! В наше время от науки ждут решения всех проблем. Как вылечить болезнь, как построить мост — всё расскажет наука! Я просто воплотил дух времени. Наука позволила мне подарить людям нового бога — кровь! Исцеляющую все хвори и дарующую озарение! Наконец-то появился настоящий бог. Бог, что отвечает на молитвы.

Брэдор молчал, спокойно глядя старому другу в глаза.

— Церковь не взяла бы власть, руководствуйся люди лишь разумом и осознанными потребностями. Нет, люди хотят верить, хотят пресмыкаться перед богами куда больше, чем жить в безопасности или эволюционировать, — продолжил глава Церкви, часто бросая обеспокоенные взгляды в сторону готовящих страшный ритуал помощников. — Но любые боги требуют жертв, не так ли? Наши далёкие предки сжигали своих сыновей во имя бога солнца и топили дочерей во имя бога воды. Настоящие боги — Великие — тоже просят жертв. Кровь — ключ к тайне жизни, к тайне могущества, к тайне всего. Человек устроен так, что нуждается в боге, а бог нуждается в жертвах. В крови. Согласись, предназначение человека — поить своей кровью богов.

К разговаривавшим подбежал мужчина в белоснежных одеяниях Хора и прервал монолог главы Церкви.

— Мастер Лоуренс, мы должны начинать. Все в сборе: и мы, скромные певцы космического Хора, и пилигримы снов из Яаар'гула, — бесстрастно сообщил он. — Стемнело. Небо посеребрено луной. Нельзя терять время.

— Сегодня я стану одним из Великих, — улыбнулся Лоуренс. — Я вознесусь во вневременные чертоги, в неистовый эфирный вихрь! Вечное пламя за пределами пространства и времени примет меня, как родного сына! Аннализа удавится от зависти! Не думай, что я самоуверен. Мне явили знак. Я избранник небес.

Лоуренс последовал за хористом. На украшенном сусальным золотом алтаре горели свечи, аккуратно расставленные послушниками храма. Вокруг алтаря полукругом выстроились адепты Хора и сновидцы, создавая череду чёрных и белых пятен на фоне серого с золотым алтаря.

Брэдор встал чуть позади. Четверо жутковатого вида громил тащили двух вяло

сопротивляющихся людей, отмеченных бесчисленными уродствами. Не все, желающие обрести сверхъестественные способности, переносили приём препаратов крови. Этим двоим, обезумевшим и изуродованным, могла помочь только смерть.

Однако даже чёрствое сердце убийцы неприятно сжалось, когда обладатель подумал, что теперь Церковь дошла до прямых жертвоприношений.

Лишённая глаз и волос, с кожей, покрытой зловонными язвами, невысокая курносая женщина давно смирилась со своей участью. Тощий мужчина с торчащими из головы и шеи выростами, похожими на ветви гнилого дерева, вяло протестовал и даже пытался лягаться.

— Они слабы, но в их крови живёт сила Великих, — сипло произнёс Лоуренс и лёг на алтарь. Голос главы Церкви дрожал, и ноги едва не подвели его. Не помоги ему оказавшийся рядом сновидец, церковник бы упал на пол. — Скоро... скоро их кровь отворит врата между мирами, и я обрету величие.

В помощнике Братор узнал Миколаша. Сновидец, как всегда грязный и неопрятный, тоже дрожал от волнения.

Жертв поставили перед алтарём. Специально для ритуала изготовили резиновые трубки с острыми наконечниками — чтобы не пролить попусту ни капли крови. Древний птумерианский ритуал, доработанный Церковью, требовал тщательности.

Лица собравшихся напоминали восковые маски. Ни жалости, ни отвращения. Лишь бледные, бесстрастные лица и пылающий в глазах безумный огонь.

Миколаш вышел вперёд, держа в левой руке книгу, а в правой — узкий медный кинжал.

— Во имя пребывающих во внешнем мраке, живущих за гранью, — торжественно начал сновидец, — во имя тех, чья сила заставляет содрогаться миры! Ты, пробуждённый кровью, услышь мой зов и приди в этот ничтожный мир! Из краёв забвения, из воющих колодцев пустоты, выйди, Владыка людей и зверей! Поклоняюсь Тебе! Служу Тебе! Восхваляю Тебя! Да погаснет солнце! Да развалится на куски! Да придёт ночь! Да взойдёт кровожадная Луна!

Братор почувствовал, как его лоб покрылся испариной. Заведя руку за спину, он судорожно сжал рукоять своего верного Кровопускателя. Жуткое и гротескное оружие желало отведать крови.

Холод рукояти немного успокоил убийцу.

— Из расщепления, из распада, из Безвременья, из храмов и гробниц, откуда ходу нет, — вопил Миколаш. — Из далёких царств, забытых как Айилл! Из бездн, где нет ни дня, ни ночи! Где места жизни нет! Из мёртвых городов, я вызываю Вас!

Жертвы тихо заскулили. Громила отвесил слепой девушке пинок.

— Горем и несчастьем на головы смертных, восстань! Безвременьем, страхом, восстань! Пеплом погасших звёзд молю, восстань! Вот жертвы, принесённые мною! — после этих слов сновидца громилы уверенными движениями перерезали несчастным шеи и с помощью трубок направили текущую из смертельных ран кровь в рот лежащему на алтаре главе Церкви. — Кошмар! Прими своего сына! Идон, незримый хозяин крови, возвысь своего слугу! Безымянный разоритель, открой врата кошмара! Пусть кошмар бурлит, пылает и кружится без остановки! Пусть сила, рождённая в тёмных пропастях за звёздами, наполнит создание бренного рода человеческого! Луна, напейся крови! Кровавая Луна! Возвысь нас!

Все присутствующие почувствовали нестерпимое зловоние, исходящее словно самими стенами собора. Раздался низкий, угнетающий гул. Свечи вспыхнули, словно мощные газовые горелки. На коже Лоуренса проступили знаки, светящиеся призрачным лиловым сиянием. Судорожно изогнувшись, он перевернулся на алтаре. Главу Церкви обильно

вырвало жертвенной кровью.

Раздался нечеловеческий, рвущий рассудок на части вопль. Не верилось, что такой звук мог исходить из глотки человека. Несколько участников ритуала рухнули на пол, сжимая головы руками в тщетной попытке защититься от ужасного крика. Забившись в конвульсиях, Лоуренс опрокинул свечи и скатился с алтаря. Пламя охватило церковника, превратив в живой факел. Вопль продолжался, сводя с ума и лишая воли. Бросив книгу и кинжал, Миколаш побежал к выходу.

Брадор почувствовал, как в глубине его естества просыпается Зверь. Ритуал окончательно пробил завесу, отделяющую мир людей от таящегося за его пределами невыразимого ужаса. Теперь они все чудовища.

Заорав, Брадор выхватил Кровопускатель и вонзил его себе в грудь.

Тело Лоуренса искажалось и менялось на глазах. Кричащий кусок человеческой плоти рос, прорастал дымящейся шерстью и уродливыми наростами. Казалось, будто нечто огромное и ужасное натягивает на себя плоть человека, словно одежду. Противоестественное превращение застало врасплох участников ритуала. Вспыхнувшее на крови пламя поглотило жертв и церковников. Громилы из Яаар'гула успели отступить от алтаря и теперь катались по полу, сбивая пламя с балахонов.

Выдернув Кровопускатель из тела, Брадор удивился двум вещам. Несмотря на рану, он уверенно стоял на ногах. Нет, он принимал лучшую церковную кровь, и пробитая грудная клетка не заставила бы его умереть. Но даже боль не пришла к нему. Кошмар, только что проглотивший город, питал покалеченное тело Брадора.

Кровопускатель, попробовав вкус крови владельца, изменился. Навершие оружия превратилось в шар из крови и плоти, утыканный длинными смертоносными шипами.

Лоуренс обратился. Не в Великого, как желал в своей безграничной самонадеянности, а в объятые живым огнём чудовище, равных которому мир ещё не видывал. Похожее на исполинский пылающий скелет, тварь источала невыносимый жар. Голову чудовища венчали ветвистые рога. Оглушительно взыв, тварь бросилась на великанов из квартала сновидцев.

Понимая свои шансы, Брадор бросился бежать. Он мчался как никогда в жизни. Лишь бы добраться до ворот и запереть их снаружи, в ужасе думал Брадор.

Лестница. Ряд уродливых статуй страшных Великих. Ворота.

Вместе с двумя уцелевшими верзилами Брадор запер ворота собора.

Металл задержит тварь. А он найдёт охотников, вернётся в собор и выполнит свой долг.

Увидев небо, Брадор захрипел от невыносимого ужаса. Верзилы пали на колени.

В мёртвых лиловых небесах висела огромная красная луна. Казалось, что её кровавое брюхо касается окутанных багровым туманом шпилей башен Соборного округа Ярнама.

* * *

Чудовища лезли отовсюду. Обратившиеся убивали своих родных и соседей, щадя лишь тех, кто сам начинал обращаться. Река тварей вышла из берегов и погрузила Старый Ярнам в кровавый кошмар. Рёв чудовищ, крики горожан, грохот ружей и пулемётов — всё слилось в ужасающую какофонию. Перед тем как оказаться в окружении, Людвиг приказал всем бойцам убивать всех жителей Старого города, пытающихся покинуть заполненные

чудовищами кварталы.

Его вместе с десятью другими охотниками чудовища прижали к стенам недоремонтированного храма Церкви Исцеления. В Старом Ярнаме появились создания ранее виденные лишь в опаснейших областях птумерианских лабиринтов. Кровоглоты стали главной бедой охотников. Ядовитые неукротимые кровоглоты погубили уже многих отважных бойцов.

В загромождённом строительными лесами храме прятались с три десятка уцелевших горожан. Охотники стояли насмерть. Вокруг Людвига лежала груда изрубленных тел, но враги всё прибывали. Сияющий неземным светом меч полыхал подобно новорождённой звезде, но чудовища не боялись смерти.

Рядом бился Герман. Боевая коса со свистом рассекала воздух, настигая тварей одну за другой.

Огромный кровоглод, спрыгнув с крыши, разорвал на куски пулемётчика и как пушинку отбросил в сторону замолчавшее оружие. Едва не оторвав голову увернувшемуся в последний момент Герману, тварь ворвалась в храм.

В храме на кровоглода обрушился град пуль и клинков. Вторая линия обороны не подвела. Потеряв двух охотников и шестерых солдат, защищающиеся отбили нападение.

Постепенно сердцами людей овладело отчаяние. Сотни, если не тысячи тварей бесчинствовали на улицах Старого Ярнама. Все жители старейшей части города за редкими исключениями обратились в чудовищ или погибли страшной смертью в зубах и когтях своих близких, друзей и соседей. Старый Ярнам умер. Церковь думала, что управляет положением, но безымянная сущность, принесённая луной, доходчиво показала людям истинное положение дел.

— Бледнокровные небеса! Узрите конец! — шатаясь, из храма вывалился окровавленный солдат и указал на небо. У несчастного отсутствовала кожа на лице и левая рука. — Великие пришли за нами!

Небеса на глазах наливались лиловым. Висевшая над городом полная луна превратилась в жуткое алое пятно в четверть неба. Умиравший солдат упал на колени и склонил голову, будто в молитве. За ним выполз его сослуживец с обожжённым ядом кровоглода лицом и тихо застонал.

— Что за напасть? — отчаянно прокричал охотник с зазубренным топором, забив оружие в череп человека-волка.

— Отходим! Отходим в храм! — закричал Людвиг. — Здесь нам не выстоять!

Запершись в храме и завалив двери, люди пытались отстреливаться из окон. Оставалась надежда на подкрепление из Соборного округа: охотники надеялись, что город не весь охвачен безумием.

Звери пробили двери на последнем этаже храма, выходившем на верхние улицы Старого Ярнама. Людвиг сражался, как одержимый: не обращая внимания на раны и усталость, он рубил и колол тварей своим чудесным мечом. Одним своим присутствием он возвращал отчаявшимся волю к борьбе, сам понемногу скатываясь в бездну. Он и его бойцы убивали собственных сограждан, когда-то бывших людьми.

Осада длилась полтора часа. У дверей храма выросли целые горы уродливых трупов. Боеприпасы закончились, и даже простым солдатам пришлось перейти на сабли. Хуже того, спрятавшиеся в храме люди, и даже солдаты стали сами обращаться в чудовищ: Герману пришлось приказать убить половину нашедших убежище в храме горожан. Не пощадила

зараза и охотников: Дэвис, охотник Церкви, сокрушивший своим клевцом немало чудовищ, начал меняться. Когда Дэвис принялся жадно слизывать растёкшуюся по полу кровь. Людвиг лично отрубил ему голову.

Помощь из Соборного округа всё-таки подошла. Прорвавшись сквозь полчища тварей, отряд под командованием Ференца соединился с обороняющимися.

Ференц нашёл командира лежащим на верхнем этаже храма. Раненый и обессиленный, оглушённый взрывом порохового заряда, Людвиг дико закричал, когда Ференц помог ему подняться.

— Ференц! Вы должны поджигать всё на своём пути до самого Соборного округа! Отступая, мы будем сжигать город за собой! — бешено глядя на адъютанта, крикнул он.

— Но...

— Красная луна висит низко, и звери управляют улицами. Разве у нас не осталось другого выбора, кроме как сжечь все дотла? Выполняй приказ! Веди уцелевших прочь от этого проклятого места! Спаси Ярнам! Охотники должны быть его защитниками, что спасут людей от их Зверя! Мы с Германом и его людьми подорвём местный склад с керосином и выпустим пламя на нижние улицы!

* * *

Сзади прогремел взрыв. Пламя, раздуваемое вовремя разгулявшимся ветром, яростно пожирало заражённые кварталы. Охотники бежали, спешно отступая к ведущим в Соборный округ воротам. Людвиг чувствовал, как иссякают его силы. Жуткая красная луна вытягивала силы и разум, а свет предательского меча иссяк, оставив его одного во тьме.

Кто-то выпустил лошадей из затерянной на охваченных огнём улицах конюшни, и несчастные животные бестолково метались в тщетных попытках спастись от жара и когтей чудовищ.

— Герман! Герман!!! — закричал Людвиг, упав на колени посреди пустой улицы. Куда все делись? В один момент его соратники куда-то пропали, оставив наедине с ужасом, отчаянием и немощью. Его бросили. Бежали, спасая свои жизни. Оставив погибать. Бросили командира, как бросают в пожаре ненужные вещи.

— Предатели! — заорал церковник.

Он всегда боялся остаться один, по-настоящему один. Даже больше, чем умереть.

Сверху злобно скалилась красная луна.

Впереди мелькнуло что-то белое. Белое, как любимое одеяние Анны. Шатаясь, Людвиг бросился вперёд и упал, врезавшись во что-то живое.

— Анна! Анна, помоги мне! — полубезумно умолял охотник. — Хотя бы ты не бросай меня, любимая!

Схваченное им существо дёрнулось и слабо заржало. Людвиг открыл глаза. Лошадь. Красивая белая лошадь с перекушенной ногой, упавшая на обочине улицы.

Последние силы покинули охотника. Обняв подрагивающее тело животного, Людвиг зажмурился и приготовился встретить свою участь.

— Меня звали Священным Клинком Церкви, — одними губами прошептал церковник. — Но Людвиг Проклятый мне имя!

Что-то массивное приземлилось на мостовую позади. Невыносимое зловоние накатило

удушающей волной. Пахло кровью, разложением и чем-то ещё, чудовищно отвратительным. Охотник забормотал молитву. Он каждым нервом чувствовал близость нечеловечески могучего и безжалостного разума.

— Ты никогда более не останешься в одиночестве, Людвиг Проклятый, — услышал Людвиг жуткий нечеловеческий голос в своей голове. Этот голос был подобен удару молнии и хватке вырывающей сердце когтистой лапы.

Людвиг никогда не испытывал муки страшнее. Даже горе от смерти Анны, даже самые тяжёлые раны оказались ничем по сравнению с новой пыткой.

Отбросив жирно блеснувшим в свете красной луны хвостом мешавшую проходу перевёрнутую телегу, лунный гость подошёл к двум обречённым смертным созданиям. Затем Великий встряхнул увенчанной короной из чёрных щупалец головой и взял человека и лошадь в когтистые передние конечности.

Повинуясь воле сверхъестественного создания, тела исказались, преобразались и росли, сливаясь в единое целое. Великий творил. Вскоре из его рук вышло существо, один вид которого был способен заронить в сердце смертного семя неисцелимой порчи. Только бесконечно порочное воображение безымянного Великого могло сотворить подобное.

Довольный собой и своим новым шедевром, демонический скульптор взмыл в лиловые небеса.

* * *

Ужас пронизывал до костей. В палате отсутствовали окна, но стены не являлись преградой для сверхъестественного зрения Марии.

Инфернальные лиловые небеса, затянутые рваной тканью бледнокровных туч. Штормовой ветер, взбешённым чудовищем воющий в проглоченных тьмой проулках. Кошмарная красная луна, нависшая над городом проклятым знаком конца.

Время пришло.

Мария оглядела сложнейшее переплетение линий, начерченное кровью на дощатом полу. Кровати пришлось сдвинуть к стенам. Кисточка и пустой флакон лежали в углу.

Угольно-чёрные тени танцевали вокруг начерченных ритуальной кровью символов. Вступив в центр мистического узора, Мария подняла шприц с кровью Великого. Чтобы вместить всю дозу сразу, пришлось искать необычно большой шприц. Субстанцию можно и выпить, но укол надёжнее. Правда, Мария немного боялась потерять сознание. Но девушка стала намного устойчивей к таким вещам по сравнению с временами злополучной экспедиции в лабиринт.

Древняя кровь медленно вливалась в вену. Словно по команде, тени взвились в прыжке, заключив Марию в чёрный смерч.

— В расщепленье, в безвременье, в далёкие забытые царства, — произнесла Мария по памяти, — в пустоту вне жизни и смерти, в бессолнечные моря и чёрные города, я завещаю свою кровь!

Кровавые линии вспыхнули огнём и исчезли. Древняя кровь перешла в её тело. Девушка упала на колени, тяжело дыша. Невероятно обострившееся сверхъестественное восприятие открыло много ранее не замеченного.

Поднявшись, Мария доковыляла до стоявшей в углу кровати и рухнула на давно не

стиранный матрас. Под рукой лежало что-то твёрдое. Ружьё.

Теперь Мария знала, что её с Германом страсть не прошла без последствий. Приготовленное ею лекарство не подействовало. Сила крови превозмогла травы. Уже больше месяца в ней росло существо, порождённое их союзом. Союзом людей, осквернённых Древней кровью. Будь она обычной женщиной, её состояние дало бы о себе знать. Но улучшенное тело охотницы обмануло, ничем не намекнув на беременность.

Чтобы родить ребёнка-полукровку, птумерианские жрицы вступали в брак с Великими. Но если пропитаться силой Великих так, как она, то даже зачатый от человека ребёнок родится ужасной тварью, вратами в потусторонний мир. Наполовину человеком, наполовину инопланетным божеством, обладающим ужасной сверхъестественной силой. Посланцем Космоса, что ввергнет мир во власть повелевающих силой крови существей. Дланью бесформенного Идона, его воплощением.

От твари может родиться только подобное, а она выпила слишком много крови, чтобы остаться человеком. Во время ритуала Мария ясно увидела всё то, что ранее скрывалось за ширмой земной действительности.

— Что за ужасы скрываются под личинами людей? Что скрывается за Марией Браге? — истерично расхохоталась она. — Теперь я знаю!

Схватив ружьё, она приставила ствол к голове. Оставалось только нажать спусковой крючок. Ни она, ни её ребёнок не имеют права жить среди людей.

Бросив ружьё на пол, Мария закрыла лицо руками. Она что, собирается покончить с собой? Убить себя? Лишить жизни?

— Безумие, всё это полное безумие, — забормотала смотрительница Астральной башни. — Я сошла с ума. Такого не должно быть! Я — это не Она! Нет, я не хочу Ею быть!

Так есть, понимала она. Мир оказался беспощаден и подчинён страшной, нечеловеческой логике. То, что раньше казалось хаосом, оказалось жестоким порядком, противным человеческой душе законом.

В глубине своей души Мария видела кровавый мрак, радующийся ужасному знанию. Возможно, она победила, но победа оказалась страшнее поражения.

— Так и быть, — посветлев лицом, прошептала девушка. — Нет, я отказываюсь бояться. Я не боюсь никого и ничего!

Зачем бояться, если ты теперь и есть то, чего раньше страшился? Стань тем, чего боишься, и страх уйдёт. Это лучший способ побороть страх.

Мария снова потянулась за ружьём. И отдёргнула руку. Убивать себя не хотелось. Жалость к себе, своему пока что человеческому телу оказалась сильнее принятого холодным рассудком решения.

От ребёнка можно избавиться. Даже прямо сейчас можно, подумала девушка. Но что делать с собой?

В дверь настойчиво постучали. Нехотя встав и подойдя к двери, Мария открыла дверь.

— Мария, на нас напали! — вытаращившись круглыми от страха глазами, затараторил Стефан. — У башни идёт бой с чудовищами! Там какая-то огненная тварь! Мы должны запереться в зале Циферблата!

— Я немедленно займусь этим затруднением, — расплывшись в улыбке, ответила Мария.

— Они проберутся сюда! — в панике лепетал Стефан.

Схватив валяющееся на полу ружьё, девушка кинулась в свой кабинет. Охотничий

костюм Мария хранила в личном шкафу. Быстро переодевшись, она достала спрятанный в столе клинок. Топор-пила, одно из последних творений Германа. Где он сейчас, жив ли?

Возможно, судьба спасает её от самоубийства, подумала Мария.

* * *

Брадор, уклонившись от взмаха когтистой лапой, вонзил в горящую плоть Кровопускатель. Чудовище, когда-то бывшее Лоуренсом, вырвалось из Главного Собора и настигло его. К счастью, если в таком положении можно говорить о счастье, на помощь пришли другие бойцы Церкви. Солдаты даже обещали выкатить пулемёт, но пока так и не вернулись. Сражаясь с падшим другом, Брадор не щадил себя: лучше, если они умрут вместе. Великий грешник и человек, шедший за великим грешником почти равно виновны. Убив Лоуренса, он искупит свою и отчасти его вину.

Огненное чудовище оказалось могучим и неудержимым. На вопли Лоуренса сбежались обратившиеся со всего Соборного округа. Охотники и солдаты гибли один за другим.

Огромный коготь задел Брадора, оставив страшную обожжённую рану и отбросив убийцу к стене. Кровопускатель вылетел из рук и покатился по мостовой. Сейчас Лоуренс его добьёт, содрогнулся он.

Пила-топор яростно врубилась в искажённую плоть главы Церкви. Подбежав сзади, Мария принялась бешено рубить ногу пылающего чудовища. Взыв от боли, Лоуренс попытался схватить девушку, но бывшая охотница ловко поднырнула под когтистую лапу, оставшись невредимой.

Брадор вскочил, подхватил Кровопускатель и пришёл Марии на помощь. Огонь слепил, красная луна сводила с ума своим мёртвым светом, но и Брадор, и Мария равно не желали отдавать чудовищам город. Они оба почти не заботились о себе, ища победы ценой своих жизней.

Превратив топор-пилу в кровавый клинок, утыканный сочащимися красной слизью шипами, бывшая охотница обрушила свою ярость на туловище и ноги чудовища. Нижняя половина тела Лоуренса отвалилась, залив всё вокруг жидким пламенем. Кровь, ставшая подобной вулканической лаве, оранжевой лужей растеклась по мостовой, сжигая всё на своём пути.

В дело снова вступил Кровопускатель. Чудовище отчаянно било лапами и извергало потоки огня, но Брадор ловко уклонялся от всех ударов обратившегося друга и бил в ответ без промаха. Наконец, убийца последний раз вонзил Кровопускатель в плоть умирающего Лоуренса.

Так погиб основатель Церкви Исцеления, талантливый учёный и создатель ужасного культа, убитый своим лучшим другом.

На улицу выскочили солдаты с пулемётом и открыли огонь по несущимся со стороны часовни Идона чудовищам. Избежавших пуль тварей встретила Мария и уцелевшие церковные охотники.

Из здания, откуда только что вышли солдаты, выбежал мужчина в чёрной рясе, вооружённый охотничьей секирой. Покончив с пулемётчиками двумя могучими ударами, он сам встал за смертоносную машину и открыл огонь, не разбирая людей и чудовищ.

— Луна! Взошла луна! — вопил мужчина. — О, небеса!

Мария почувствовала удар в правую кисть, плечо, бок и ногу. Завалившись набок и упав, девушка попыталась откатиться за статую кровомольца, но раненное и опьянённое запахом добычи чудовище опередило её. Тварь вцепилась Марии в горло. Отчаянным усилием девушка оттолкнула врага, но воротник уже потемнел от её собственной крови.

Мария поползла прочь, тщетно пытаясь остановить кровотечение. Пули перебили голень, и встать не получилось.

Трещал пулемёт, но теперь и Марию, и её противника закрывал угол здания. Выпив крови чудовища, охотница могла бы немного оправиться, но ружьё осталось лежать у трупа Лоуренса, а пила-топор выпала из простреленной пулями руки.

Раненое, но всё ещё опасное чудовище ковыляло за ней, но Мария ползла назад, под защиту стен башни, собрав все оставшиеся силы, оставляя за собой кровавый след.

Наконец сумев воззвать к своим тайным силам, Мария воспламенила потерянную ей кровь. Повинуясь воли раненой девушки, пламя перекинулось на чудовище, испепелив дотла. Враг был повержен, но огонь сжигает кровь.

Возвращаться назад не имело смысла. Там чудовища и безумный стрелок. В Астральной башне ей помогут. Здесь совсем близко.

Вот и ворота. Привстав на одном колене, Мария постучала в запертую дверь. Никто не ответил.

— Пустите, — прохрипела Мария. Даже у тел живучих охотников есть предел стойкости. Она потеряла слишком много крови, чтобы надеяться уцелеть без посторонней помощи.

— Пустите, — снова, уже тише, попросила девушка.

Нет, она не погибнет, убеждала себя Мария. Она не сдастся. Ей помогут или она сама найдёт кровь. Если не сдаваться, то у всё получится. В глазах темнело, сознание угрожало погаснуть, но Мария держалась за эту мысль, как утопающий держится за обломок корабля. От недавнего намерения убить себя не осталось и следа.

Мария тихо застонала от боли в искалеченном теле. Почему никто не открывает дверь?

Холод пробирал до костей. Почему так холодно? С неба по-прежнему скалилась жестокая луна. Девушка легла на спину и устремила полный страдания взгляд в фосфорические лиловые небеса.

Мария осознала, что переоценила себя. Тело не слушалось. Сама она не справится.

Если ей не помогут...

С каждой минутой всё сильнее наваливалось безразличие к своей участи. Если она умрёт сейчас, то точно не станет проводницей силы Идона в мир людей. Может, так будет лучше и для неё самой, думала Мария.

Боли уже не осталось. Только холод и лиловый мрак.

Видения подменили реальность.

Марии почудилось, что проход в лабораторию открылся. Раны исчезли. На поясе болтался верный Ракуйо, вернувшийся к хозяйке. В башне её ждали пациенты. Они нуждались в её помощи и защите.

Внутри Мария обнаружила, что теперь пациенты управляют лабораторией. Стефан и остальные учёные куда-то пропали. Может быть, они спрятались? Ведь они так боялись луны...

Сама луна тоже пропала, растворившись в жёлтом мареве. Может быть, Ром или поверженная Кос наконец-то сжалились над несчастным городом?

Гомункулы, огромные синекожие создания, неудачный результат опыта по выращиванию Великих, очутились на воле. Они заслуживали свободы, признала девушка.

Пациенты справлялись сами. Мария понимала их без слов. Подопытные более не нуждались в лечении. Они нуждались лишь в защите: с улицы доносились крики обезумевших охотников. Её бывшие коллеги выпили слишком много крови. Они хотят убивать. Ей придётся охотиться на охотников, чтобы защитить пациентов.

Сколько времени прошло, Мария не понимала. Девушка помнила, как убивала охотников, что подбирались к башне, и пила их кровь. Ракуйо радовался возвращению к хозяйке, и дрожал от предвкушения крови новых жертв. Некоторых из убитых она знала лично. Но разве имело это значение сейчас?

Подножие башни омывала настоящая река крови. Наверное, охотники перебили жителей Ярнама, подумала Мария. Смерть будет для охотников спасением, убеждалась она каждый раз, пронзая клинком бывших соратников. Бойцы Церкви, что предполагались как защитники людей от порождённых кровью ужасов, стали авангардом принесённого луной Великого, жаждущего утопить человечество в крови и вернуть во власть Идона.

Однажды Мария поднялась на верхний этаж башни и открыла для себя поразительные вещи.

За циферблатом Астральной башни лежали края былого. Где-то там гнила под ледяным дождём забытая рыбацкая деревня с исполинским трупом на берегу. Кровь Кос повязала их всех. Ещё дальше шуршали пески погибшего Лорана.

В трупе птумерианской цивилизации спала зараза, погубившая Ярнам. Не стоило людям трогать этот труп, горько думала Мария. Кос бессмертна как Великая, и поэтому тем более не стоит прикасаться к телу, что хранит лишь видимость смерти. Охотникам не дозволено

ходить в деревню, как и в поглощённый пустыней Лоран. Мария без жалости убивала всех заблудших, что пытались проникнуть за циферблат или даже просто подойти к Астральной башне, перейдя кровавую реку.

Иногда, глядя в желтушные небеса или любуясь отражениями, пляшущими вокруг блестящего металлом циферблата, Мария видела сияние звёзд. Небо и космос едины — понимала она как никогда. Их призрачное пламя властно звало её, призывая отринуть оковы и вознестись к новой жизни. Истинной жизни.

Невозможно побеждать всегда, и неожиданное поражение в озарённом тайной зале на верхнем уровне Астральной башни вышвырнуло Марию обратно в реальность, ещё более мрачную, чем грёзы.

Когда наваждение схлынуло, девушке показалось, что с момента боя у стен Астральной башни прошли века. Столетия безраздельного владычества призраков и бесплотных миражей. Столетия смертоносных танцев в жёлтом сумраке сновидческого мира. Столетия бесконечной охоты на зыбких тропах грёз за теми, кто сами мнили себя охотниками. Впрочем, время стало другим. Столетия могли оказаться мгновениями и наоборот.

Сжавшись на холодном камне мостовой, девушка тихо всхлипнула. Что-то поменялось, но смотрительница башни, еле живая от ран и потери крови, не сразу поняла, что именно. Ценой мучительного усилия она приподняла голову и взглянула на небо.

Лиловый свет исчез, уступив место обычному мраку предрассветного часа. Белозолотистая луна привычного размера сменила висевшее над городом знамя кошмара. Ветер сдул дым от многочисленных пожарниц в сторону озера. На востоке за горами уже виднелись первые предвестники зари. Выдохнув, Мария уронила голову, ощутив прилив слабости. Тело слабело с каждой минутой, превращаясь в бессильный кусок плоти. Несколько раз девушка теряла сознание и приходила в себя. Каждая попытка тела удержать в себе жизнь подтачивала тающие силы.

Каждый вдох тоже давался с трудом. Лёгкие не хотели принимать воздух, и приходилось дышать часто и неглубоко.

Удивительно, но сознание оставалось ясным даже в минуты забытья. Каким-то противоестественным образом жизнь разума Марии шла помимо жизни тела. Мысли становились другими — отстранёнными, парадоксально сложными и оторванными от земной действительности. Приходя в себя, бывшая охотница ненадолго возвращалась к человеческому способу мышления, чтобы в следующие мгновения погрузиться в бездну ещё глубже.

Кто-то остановил лунного гостя, ненадолго отсрочив конец, поняла Мария сквозь муку и слабость.

Неужели бедняжка Ром всё-таки смогла сделать то, ради чего когда-то была готова пожертвовать человеческой сущностью?

Существо, росшее в чреве Марии, отчаянно не хотело умирать и пыталось помочь своей матери. Но его сил не хватало даже на то, чтобы поддерживать собственную жизнь внутри обескровленного тела.

Но смерть вряд ли принесёт покой. Мария представляла, чем может стать. Наверное, это всё же лучше забвения.

Почему никто не открывает ей дверь?

Попытавшись пошевелиться, девушка с ужасом поняла, что тело больше не служит ей. Сердце билось редко и слабо, с длинными перерывами. Мария никогда не боялась смерти.

Она просто не хотела умирать. Страх не пришёл и в последнюю минуту. Лишь мучительная досада и жалость к себе навели её. Как же жалко умирать, отдавать своё тело, саму себя во власть распада!

— Я хочу жить, — пронзила разум девушки кристально ясная мысль, пробившись сквозь смертные сумерки. — Я просто хочу жить!

Что же ждёт её, когда рассеется завеса брэнной человеческой жизни? Мария догадывалась и даже отчасти чувствовала себя готовой принять судьбу.

Тем не менее, любовь к израненному, но такому привычному и прекрасному человеческому телу мешала перенести его гибель безропотно.

— Я хочу жить, жить человеком! — издала Мария отчаянный мысленный крик.

На секунду придя в сознание, девушка увидела, как луч восходящего солнца золотит запятнанную бурыми пятнами крови мостовую. На её глазах навернулись слёзы. На пороге смерти мрачный Ярнам казался чудесным и желанным краем.

Пусть её спасут, пусть только её спасут! Что стоит открыть дверь и донести израненную девушку до палаты?!

— Спасите меня, — мысленно молила Мария.

Не хочу умирать, твердила она эти слова про себя как заклинание. Тело уже давно парализовало. Кровь охотницы до последнего пыталась спасти её, выпив силы до дна из мышц и других тканей. Избежав предсмертных судорог и спазмов, тело отдало последние крохи жизни в кровь.

Судорожно сжавшись последний раз, сердце обессилено остановилось. Оставшаяся в теле кровь больше не несла питание органам.

— Ты не умрёшь, но обретёшь жизнь вечную и истинную, — услышала Мария жуткий бесплотный голос, прозвучавший одновременно с последним вздохом. Прозвучавший близко, как никогда.

* * *

Мария Браге лежала у запертых ворот Астральной башни, раскинув в стороны руки. Светлым пятном на сером камне сияли в лучах утреннего солнца завязанные в хвост простой ленточкой волосы. Колпак сбился набок. Остекленевшие глаза невидяще смотрели в расчищенное небо. Бледное неживое лицо выражало отрешённость и ледяное спокойствие.

Лишь прекрасные зелёные глаза хранили следы смертной муки.

Марию нашли обходившие Соборный округ церковники. Уцелевший в бойне Старого Ярнама Герман узнал о гибели любимой ученицы одним из первых. Охотник, лишившийся ноги в битве с обратившимся в кошмарное чудовище Людвигом, впоследствии так и не оправился от пережитого в ту проклятую ночь горя.

Марии никто не пришёл на помощь из-за того, что все работавшие в лаборатории с восходом Красной Луны укрылись на верхних этажах, бросив пациентов на произвол судьбы. Взломавшие входную дверь охотники столкнулись со всеобщим буйством пациентов. Сломленные страхом учёные оказались неспособны даже на то, чтобы навести порядок среди подопытных.

Погибшую отнесли в обитель Хора, игнорируя просьбы Германа оставить тело девушки

в покое. Но церковники чувствовали слишком яркие следы силы Великих, чтобы отступить. Адепты Хора быстро разобрались, что Мария носила ребёнка. Вырезав зародыш и крошечную пуповину из мёртвого тела, они намеревались использовать их для своих целей. Пуповина шевелилась и пульсировала, будто живя своей жизнью. Позже и пуповина, и зародыш пропали. Подозрение пало на Германа и одного из его охотников, но доказать их вину хористам не удалось.

Марию похоронили у стен старой Мастерской Германа в простом гробу без особых украшений. При погребении присутствовал сам охотник и несколько её бывших коллег и друзей. В те дни такие скромные похороны могли считаться большой удачей для покойной, потому что мёртвых было столько, что гробовщикам хватило бы работы на годы вперёд.

* * *

Вся жизнь Ярнама после той страшной ночи претерпела глубокие перемены. Немногие оставшиеся здравомыслящие бежали прочь из города. Поток паломников почти иссяк — лишь самые отчаянные осмеливались искать исцеления в проклятом городе. Для Церкви практически единственным источником доходов стал сбор податей с окрестных земель.

После сожжения Старого Ярнама Чума Зверя ненадолго остановила свок триумфальную поступь, и город на какое-то время вздохнул с облегчением. Вера в Церковь укрепилась.

Новая глава Церкви, бывшая помощница Лоуренса, закрыла Бюргенверт и запретила горожанам даже приближаться к старому университету. В высших кругах Церкви ходили слухи, что Виллему удалось превратить в Великого одного из своих студентов и что новый Великий хранит город от зла.

Зимой того же года крупный отряд Церкви под предводительством мастера Логариуса напал на замок Кейнхёрст. Многие церковники, участвовавшие в нападении, погибли. Заплатив дороговую цену, Логариус добился своего: ярнамская аристократия была вырезана под корень. Сам мастер пропал, попытавшись отыскать королеву Аннализу. Выжившие последователи Логариуса ничего не рассказали о судьбе своего учителя.

В том бою пал сэр Эрик, отважно защищавший свою королеву.

После смерти Марии Герман практически отошёл от дел, просиживая целые дни в своей старой Мастерской, ныне пустой, тихой и печальной. Поговаривали, что старый охотник заказал куклу в человеческий рост и пытался оживить её при помощи тайных ритуалов. Немногие видевшие куклу уверяли, что она как две капли воды похожа на покойную ученицу Германа. В канун зимнего солнцестояния старый охотник скончался.

Присутствие Луны не сдалось, но собирало силы. С течением времени чудовищ становилось всё больше, и один за другим пустели городские кварталы. Люди, что ещё не бежали, старались селиться поближе к Соборному округу. Церковь слабела, сила Хора иссякала, и в одну тёмную ночь волна чудовищ затопила Ярнам, превратив когда-то процветающую столицу королевства в мёртвый город.

* * *

Гибель человеческого тела не смогла убить сознание Марии. Тело, пребывающее в ложном подобии смерти, покоилось в гробу под двухметровым слоем земли. Но Мария чувствовала себя живой как никогда.

Гроб — словно кокон. Метаморфозы шли с невероятной скоростью. Используя останки своего смертного тела, Мария создала тысячи гибких жгутов, распространившихся в земле подобно корням. Пропитанная кровью и смертью ярнамская земля сытно кормила её. Защитив гроб прочной оболочкой из толстых алых нитей, Мария крепла и готовилась к вознесению. Пересоздание себя оказалось самой увлекательной задачей из всех, что когда-либо вставали перед ней.

Почти всё, что волновало её раньше, стало неинтересным и бессмысленным. Воспоминания о человеческой жизни казались относящимися к бесконечно далёким временам. Мария радовалась, что сохранила разум, в отличие от бедной Ром. Так она сможет достигнуть намного большего. Неважно, хотела она этого или нет, но путь возвышения изначально предназначался ей. И зов крови поманил её на этот путь. Она была избрана Великими с самого рождения. Жажда справедливости и блага для человечества помогли устоять на предначертанном пути вернее, чем слепое властолюбие Лоуренса. Её род пронёс дарованную свыше кровь сквозь тьму тысячелетий, чтобы создать новую Великую.

Теперь, когда последние иллюзии и заблуждения рассеялись, Мария поняла, с какими силами столкнулись легкомысленные людские исследователи, открыв старые лабиринты. Гибель Ярнама была продумана ещё до первого камня, заложенного людьми на берегу Лунного озера. Весь человеческий мир оказался тщетой, мимолётным дуновением космических ветров, крохотным штрихом в картине замыслов, охватывающих миллиарды лет и миллиарды звёздных систем в тысячах Вселенных.

Лишь величайшей милостью бесформенного Идона ей дозволили ступить на нижнюю ступеньку в запутанной иерархии Великих. За ней стояла кровь предков. Но разве кровь значит что-то без Его расположения? Вряд ли кто-то из людей ранее удостоивался такой чести. Впрочем, была ли она когда-либо человеком? Её род нёс из века в век дары крови, что есть дары самого Идона, сам того не ведая. Что некогда пришло от Великих, воплотилось в ней и вернулось к Ним.

Завеса земного лопнула, открывая прямой путь в царство Великого Идона, вездесущего Хозяина Крови. Неукротимые потоки чистой жизненной силы закручивались стремительными вихрями. Мириады жизненных форм, некогда развившихся и погибших в неисчислимых мирах, перетекали одна в другую в сердце багровой бури, корчась и извиваясь в нескончаемой муке. Кокон раскрылся и рассыпался в прах, отпуская Марию в её новые владения.

Чувствуя, как брэнная материя её тела выгорает, обращаясь в сверхъестественный флюид, Мария возликовала.

Её новое тело представляло из себя пылающую изнутри призрачным алым пламенем сущность, протянувшую разветвлённую сеть похожих на сосуды нитей сквозь бесчисленные миры и пространства. Теперь Ей стали подвластны жизни миллионов смертных созданий в разных уголках Вселенной.

Здесь Мария обнаружила всех, кто когда-либо причащался кровью. Люди и птумерианцы, чудовища и святые — все изуродованные и обезумевшие как один. Слившиеся в единое целое в параличе неопишущего ужаса. Брат Джоул, сросшийся с кровоглотом и ещё чем-то не менее безобразным; капрал Грубер, обратившийся судорожно трясущимся комком

кровавых нитей, вновь готовый верой и правдой служить своему командиру; Валлар, Герман и другие охотники, навечно порабощённые кровью; их жертвы, лишившиеся последних ошмётков личностей.

Обезумевший Валлар превратился в огромный пучок налитых кровью глаз, слепых и конвульсивно дёргающихся. Даже Гисберт, отчаянно желавший бежать от рока охотников, не спасся от зова крови.

Всё человеческое в них давно умерло, знала Мария. Не люди они, а лишь сгустки жизненной силы с намертво впечатавшимися отпечатками разложившихся душ. Вгрызающаяся в себя в припадке безумия и боли капля слизи, некогда бывшая Германом, является ли когда-то любимым ею наставником? Человеческий разум милосердно хрупок, он быстро сгорает, оставляя после себя чистую жизненную силу, навечно искажённую болью. Благодаря кровавому причащению некоторые люди сохранили после смерти часть себя и оказались затянуты в эту жуткую действительность. Их долей стал вечный ужас; но Мария и немногие другие, ранее Ей неизвестные, преобразили себя и теперь правили царством крови как вассалы Великого Идона вместе с пребывавшими здесь до времени Сущностями. И будут править вечно.

Мария узрела Идона во всём Его величии и мощи. Взгляд смертного не может распознать Его облик за пеленой бытия, но после вознесения Мария ясно видела суть бесформенного Великого и трепетала перед Его безграничным могуществом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Саиф

Хитрое оружие старых охотников.

Изгиб первого клинка скрывает от глаз второй, спрятанный внутри. В своей обычной форме саиф напоминает длинный изогнутый меч, но при трансформации его можно сложить, чтобы нанести противнику ряд неожиданных колющих выпадов.

Подобное оружие позволяет владельцу использовать его в самых разных ситуациях, однако, постепенно на смену саифам пришли пилы и другие клинки.

«Листопад». В игре клинок Марии называется Ракуйо, что по-японски (葉の秋) — листопад (авторы игры — японцы).

Я намеренно не стал использовать термин «Коктейль Молотова», несмотря на то, что он используется в игре. Почему? Он заведомо исторически некорректен. В нашей действительности данное оружие получило название во время Зимней войны между СССР и Финляндией. Молотов был министром иностранных дел СССР в 1939–1949 годы, а вовсе не химиком, как можно подумать. С лёгкой руки финской прессы polttopullo — зажигательная бутылка (фин.) стала называться «Коктейлем для Молотова». Впоследствии отлично согревающий напиток стали звать просто «Коктейлем Молотова», особенно в нашей литературе. Так как в мире Bloodborne почти наверняка не было ни Зимней войны, ни Молотова, то использованное в русской локализации название исторически некорректно. Ни хронологически (в Ярнаме на дворе, как мне кажется, «условно» вторая половина девятнадцатого века), ни с точки зрения обособленности мира.

Разумеется, Валлар великан не в сказочном смысле, а в обыденном. Мужик ростом метр девяносто — чем не великан?

Сеттинг игры — условно «викторианский». А в нашем мире викторианская эпоха — период расцвета Британской империи. Почему бы и в мире Bloodborne-а не быть своей империи?

Одеяние рыцарей Кейнхёрста. Королевские одежды, украшенные филигранным золотым шитьем.

Образ жизни Кейнхёрста сочетает ностальгию и напыщенность. Они очень гордятся даже окровавленными трупами чудовищ, которые они оставляют за собой, уверенные в том, что те послужат примером их извращённого искусства.

фамилия Марии, см. гл. 1. В каноне фамилия не указана, но нельзя же человеку без фамилии?

Имеется в виду латынь. В игре можно неоднократно слышать песнопения на латыни. Можно предположить, что этот язык играет в мире Bloodborne ту же роль, что играл в реальной Европе многие века: роль языка науки и богословия. Но слова «латынь» я не использую, так как мир всё-таки другой, и нашего Рима там скорее всего нет. Словосочетание «высокое наречие» достаточно обтекаемо, и в то же время подходит по смыслу.

Убийца чудовищ.

Хитрое оружие, которым пользовались старые охотники.

Этот массивный железный тесак способен разрубить даже самую прочную шкуру. При трансформации он делится на несколько лезвий меньшего размера, которыми можно орудовать как тяжелым хлыстом.

Это простое оружие, которое полагается на грубую силу своего владельца. Вряд ли его можно назвать изящным.

Пронзающее ружьё.

Это ружьё было изготовлено в мастерской Ото, на смену которой со временем пришли еретики, называвшиеся Пороховыми бочонками.

Такое оружие как нельзя лучше подходит для охоты в узких переулках. Оно наносит чудовищам сквозные раны, но совершенно не годится для парирования.

Это название не имеет никакого отношения к канону. Это плод «филологической» фантазии. По игре известно, что город носит имя древней птумерианской королевы. Скорее всего, город назвали не напрямую в честь неё — название прошло сквозь века, чудом сохранив себя. Я попытался придумать этот путь. В честь королевы Ярнам назвали древнее поселение, позже перешедшее от птумериан к людям, много раз разрушенное и восстановленное в каком-нибудь новом качестве. В определённый исторический период стояла на месте города и крепость. «Ярнам» + «ор» (крепость) = Крепость Ярнам

Данная сцена является отсылкой сразу к двум вымышленным вселенным. Сам колдовской знак пришёл в Bloodborne из Мифов Ктулху, сменив назначение (в Мифах он защищал от магических сил Великих Древних, в игре в качестве руны Кэрилла повышал вероятность обнаружения определённых предметов). Я осмелился вернуть знаку его изначальное предназначение. Рисование магических знаков собственной кровью на снегу я позаимствовал из книги «Чёрный полдень» Павла Корнева, входящую в цикл о Приграничье, загадочной территории, где пересекаются два мира. На мой взгляд, это одна из самых сильных сцен в книге

Марламн. Bloodborne несёт след «вампи́рской» готики, которая родилась благодаря «Дракуле» Брэма Стокера. Трансильвания — область, признанная массовой культурой родиной вампиров, ныне находится на территории Румынии. Поэтому в фанфике немало имён румынского происхождения. Название марламн = mare (рум. большой) + lemn (рум. дерево) + коверканье

Святая кровь... (лат.) Видящий в небе истину, вознеси в небо песнь... (пдум.)

Космос, великий, древний... (лат.) Видящий в небе истину, знание, несись ввысь...
(птум.)

Нечистая кровь - вайлблад, «злая» кровь, кровь Кейнхерста. Кейнхерст не просто пил кровь, им нужно было некое «разложение» в крови. Охотники Аннализы искали для нее эту самую кровь содержащую разложение. Примечательно, что в особенно большом количестве «разложение» содержится именно в крови охотников.

Палачи - группа единомышленников, поклявшаяся уничтожить всех нечистокровных.

Грация (Gratia). В официальном переводе этот персонаж назван Гратией, что не очень правильно и просто некрасиво. Хотя бы просто потому, что из официального перевода не понятен юмор разработчиков, состоящий в том, чтобы назвать неуклюжую великаншу Грацией.

Почему я решил, что Хенрик — из охотников Германа, хотя его друг Гаскойн — церковник? 1)Его оружие в игре — топор-пила, оружие из арсенала Мастерской. 2) Его костюм похож на одеяния охотников Германа и не похож на церковные одеяния.

Убийца чудовищ. Собственно, это оружие уже фигурировало в повести. См. выше

Гусеница. Существо, которым стала Ром, больше напоминает гусеницу, чем паука. В пользу «гусеничной» гипотезы говорит и ряд других фактов.

Рассуждая о Великом Идоне, я использовал атрибутику Адона из финикийской мифологии и Адониса из греческой. Мне кажется, такая параллель вполне оправдана.